

**Из моих воспоминаний о Михаиле
Александровиче Бакуanine. Документы и
письма.**

Замфир Арборе-Ралли

1908

Оглавление

Часть первая. О жизни Бакунина.	3
I. Жизнь и деятельность до Сибири	5
1. Жизнь в России и за границей	5
2. Бакунин и Прудон	7
3. Революционная деятельность в 1840-х, заключение и Исповедь Николаю I . . .	8
II. Жизнь Бакунина до начала франко-прусской войны.	12
III. Франко-прусская и революционное движение во Франции.	24
Приложение публикатора: Краткие биографии друзей Бакунина.	33
<i>Итальянские друзья Бакунина . . . . .</i>	33
<i>Русские друзья Бакунина . . . . .</i>	39
<i>Французские друзья Бакунина . . . . .</i>	43
<i>Испанские друзья Бакунина . . . . .</i>	45
Часть вторая. Мои личные отношения с Бакуниным	49
I. Деятельность Русского братства	51
1. Знакомство и первые дела	51
2. Бакунисты и лавристы	53
3. Бакунисты и поляки	58
4. Бакунисты и южные славяне	61
5. Зачатки разлада в русском братстве	65
II. Интернациональное братство или Альянс.	72
III. Разлад	82
1. Раскол в Интернационале	82
2. Раскол в Русском братстве	95
3. Заключение. Болонское восстание	107

Часть первая. О жизни Бакунина.

Sicome una giornata bene spesa da
lieto dormire, cosi una vita bene spesa
da lieto morire¹.

---

¹ С тех пор, как день хорошо проведён как счастливый сон, так жизнь хорошо проведена как счастливая смерть. (итал.) – совр. прим.

I. Жизнь и деятельность до Сибири

1. Жизнь в России и за границей

Михаил Александрович Бакунин родился в селе Прямухине в 1814 году, в Тверской губернии, Торжокского уезда. Семейство родовитое, образованное пожелало дать ему военное образование, и на 20 году он поступил кадетом в артиллерийское училище в Петербурге. Из этого периода своей жизни Михаил Александрович рассказывал мне следующий анекдот. Наскучила ему страшно замкнутая, кадетская жизнь и решил он во что бы ни стало отделаться от нее. Как быть? Наилучшим способом оказалось стать физически неспособным для военной службы, а потому требовалось во что бы ни стало расшатать свое здоровье.

«– А здоров-то я, в молодости, был до безобразия, так-таки абсолютно не знал, что такое простой насморк, – рассказывал Михаил Александрович – И порешил я заболеть грудью; ну, схватить воспаление легких что ли или горячку, что-нибудь такое, знаешь! Вот и выбрал я зимой ночь морозную, напился хорошенько чаю, вспотел, да потный разделся, явился во двор и лег в снег голым телом на один бок. Пролежал я так добрые полчаса, сильно замерз и только, когда стало неважно, встал и оделся. Что-же ты думаешь, ни на другой день, ни на третий, хоть бы насморк что ли. Ничего, так-таки ничего! И пришлось мне тянуть ляжку по-прежнему».

В военной службе Михаил Александрович пробыл недолго. Выйдя в отставку, он поселился в имении отца, в селе Прямухине. В 1835 году Михаил Александрович жил уже в Москве; здесь он стал членом кружка Николая Станкевича. В это время, то есть в 1836-1839 годах, Михаил Александрович по своим убеждениям был чистым консервативатором; таким он является в статьях, проникнутых гегельянством и печатавшихся в «*Московском Наблюдателе*», который издавал Виссарион Белинский. Тогдашний консерватизм Бакунина оттолкнул от него Белинского, этого «неумытого реалиста по темпераменту и по натуре» и этого русского Дидерота¹, как называл Михаил Александрович нашего великого критика, на котором воспиталось наше все поколение. Об этом периоде своей жизни Михаил Александрович не любил вспоминать и даже, когда я с покойным Зайцевым² заводил речь про Белинского или Грановского, то получал в ответ самые отрывистые, ничего незначащие фразы.

Из рассказов его о своем первом пребывании за границей известно мне лично, что уехал он из России с исключительной целью учиться, и учиться в Германии. Деньги для этого он занял у своих друзей, и в 1840 году появился за границей. Об

¹ Denis Diderot – Дени Дидро. (совр. прим.)

² См. Приложение.

его родных, остававшихся в России, я заводил не раз разговор с Михаилом Александровичем; это тем более было естественно, что один из братьев моего отца Иван Ралли был женат на Анне Павловне Полторацкой, двоюродной сестре Бакунина, а следовательно была связь между нашими общими родственниками в России. По этим рассказам Михаила Александровича о своих родных я вынес убеждение, что он вплоть до старости сохранил самое теплое воспоминание о своем отце, человеке относительно начитанном и крайне гуманном; о матери, напротив, Михаил Александрович редко упоминал, относительно братьев и сестер он вспоминал также с неохотой. Это последнее, может быть, происходило от того, что в это время Бакунин крайне нуждался и потерял всякую надежду на материальную помощь со стороны своих родных. О моей двоюродной сестре Анне Павловне Полторацкой он говаривал, что она «была девка с характером» и женила на себе богатого молдаванина Ивана Ралли, с которым и уехала в Бессарабию. Бакунин очень интересовался моими родственниками не потому, однако, что одна из его двоюродных сестер нашла среди них себе мужа, а потому, что среди этих родственников провел годы изгнания русский поэт Александр Сергеевич Пушкин в бытность свою в Кишиневе.

Действительно, дом моего деда Замфира Ралли посещался в особенности часто Пушкиным, сосланным императором Александром I в Бессарабию; русский поэт был очень дружен с моим отцом Константином Ралли и много хлопот наделал моей тетушке Екатерине Стамо, в которую вздумал влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была, однако, женщиной строгих правил и до конца жизни своей не согласилась отдать мне сохранившиеся у нее два письма поэта, в которых Пушкин *lui a fait sa declaration*³. Моя старая тетушка до своей смерти так и не читала иных книг, кроме старых французских романов, рекомендованных ей для прочтения еще Пушкиным. Рассказы мои, даже анекдотического характера про Пушкина, сохранившиеся в семье нашей⁴, утешали и Бакунина, и Зайцева в их отшельнической жизни в Локарно⁵.

Поселившись в 1840 году в Берлине, Михаил Александрович писал Герцену в Россию: «Приезжай скорей сюда; наука разрешит все сомнения, или, по крайней мере, покажет путь, на котором они должны разрешиться». Эти несколько слов показывают ясно всю психику Михаила Александровича в то время, когда он впервые выехал в Европу.

В 1842 году Михаил Александрович покинул Берлин, боясь быть выданным России. По этому поводу он рассказывал следующее: «Проживая в Берлине и занимаясь философией, я тогда и не думал, что мои философские писания набросят на меня тень неблагонадежности; напротив, было время, когда я даже серьезно думал подготовиться для университетской кафедры, и если бы не русское посольство в Берлине, да его шпионы, очень может быть, что я так бы и застрял на немецкой философии; скверные слухи про мою неблагонадежность дошли даже до моего брата, который сообщил мне, что я нахожусь на самом скверном счету в Петербурге. Это

---

³ сделал своей заявлением. (совр. прим.)

⁴ Семейные воспоминания о Пушкине, сохранившиеся в памяти автора, напечатаны в «Минувших Годах», июль.

⁵ Маленький городок в италиязычном кантоне Швейцарии Тичино, на северном берегу озера Лаго-Маджоре, находится недалеко от итальянской границы. (совр. прим.)

меня побудило покинуть Берлин, а потом я и покатился уже по своей дорожке. Так-то; нужно благодарить полицию нашу, что она меня отрезвила вовремя от немецкой философии».

2. Бакунин и Прудон

В 1844 году он был в Париже. Здесь он сошелся близко с Прудоном и Леру. Относительно его знакомства с Прудоном мне лично известно лишь все то, что уже существует в печати. В 1872 году Бакунин просил меня переслать ему в Локарно некоторые из сочинений Прудона, а главным образом его «Общую идею революции XIX века» и «Исповедь революционера», в которых Прудон развил свою основную мысль о разрушении политического государства и организации экономической федерации общества. Эти книги послужили потом, немного позже, когда в Локарно приехал Зайцев, к написанию книги, озаглавленной «Анархия по Прудону», изданной нами в Цюрихе в 1873 году. Книга была написана Зайцевым⁶ в то время, когда Бакунин уже засел за написание своей «Государственности и Анархии».

Михаил Александрович Бакунин считал Прудона метафизиком и очень плохим экономистом; поэтому он и был побит Марксом. Это мнение Бакунина, однако, следует принимать во внимание со следующей поправкой: Прудон познакомился с Кантом и Гегелем через Бакунина, который передал ему и свою диалектику и свой взгляд на историю, как метафизику в действии; ему же, Бакунину, Прудон обязан формулой, названной им именем *антиномия*. Конечно, впоследствии Михаил Александрович отказался от многого из своих философских взглядов, но это произошло много позже его общежития с Прудоном. Для того, чтобы составить себе ясное представление в той розни во взглядах, которые произошли впоследствии между учением Прудона и Бакунина, следует всенепременно прочесть книгу Зайцева «Анархия по Прудону», так как в ней излагается довольно ясно критика Прудона, сделанная Михаилом Александровичем в его беседах с нами по этому предмету.

Введение, написанное Зайцевым к «Общей идеи революции XIX века», в котором обозреваются первые три этюда Прудона, было просмотрено Бакуниным, и на полях манускрипта, сохранившегося у меня, написано рукой Бакунина следующее начало первой главы:

«Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая причина не может помешать этой революции произойти. Если правительство или привилегированные классы пытаются воспрепятствовать ей, эти усилия подавить революционную силу, эти реакции, хотя бы на время казались успешными, только усиливают в сущности силу, которую хотят подавить; они только помогают революционной идее формулироваться; только вернее указывают революции путь, которым она должна следовать; только начертывают ей дорогу, которую, предо-

---

⁶ На самом деле книга «Анархия по Прудону» была написана по-французски Гильомом, а Зайцев его перевел. (совр. прим.)

ставленный самому себе, революционный инстинкт, быть может, долго искал бы безуспешно».

Не много далее, в этом же введении, написанном целиком рукой Зайцева, Михаил Александрович после строк «посмотрим же, каково положение, созданное во Франции буржуазным порядком, учрежденным в 1789», написал на полях манускрипта следующее:

«Революция, предпринятая в конце прошлого века против дворянства и монархии, имела двоякую задачу; задача это состояла в том, чтобы уничтожить во Франции и в Европе феодальный или военный порядок и заменить его всюду порядком равноправности или промышленным».

Далее тоже на полях рукой уже Зайцева идет дополнение к добавленному Бакуниным. Книга «Анархия по Прудону» была набрана нами же⁷, печатали мы ее на ручном прессе в количестве 1200 экземпляров в Цюрихе, до разрыва нашего с Бакуниным, произошедшего вследствие несогласий с Сажиним⁸. Книга «Анархия по Прудону» вышла с небольшим предисловием в 2 с половиной страницы, продиктованным Михаилом Александровичем Бакуниным ее автору, Зайцеву.

Вот и все, что мне лично известно об отношениях Михаила Александровича Бакунина к Прудону. Из разговоров моих с Бакуниным я мог убедиться, что самолюбие Михаила Александровича всегда было некоторым образом шокировано тем, что многие считали его учеником Прудона, между тем как Михаил Александрович был серьезнее подготовлен в области экономических наук и философских мировоззрений, нежели Прудон, а потому был даже склонен считать скорее Прудона своим учеником, нежели учителем. Во всяком случае диалектику, конечно, Прудон позаимствовал у Бакунина, а не последний у первого. Прудон не знал немецкого, а поэтому вся германская философская литература, включая самого Гегеля, была ему мало известна, по крайней мере, по первоисточникам.

3. Революционная деятельность в 1840-х, заключение и Исповедь Николаю I

Изгнанный из Парижа, Бакунин отсюда проехал в Кельн, а потом в Берлин, а оттуда предполагал уехать немедля долго в Позен⁹, чтобы быть ближе к России. Об этом периоде своей жизни Михаил Александрович рассказывал нам следующее:

«– Я сильно ошибся тогда в наших славянах, предполагая, что политически они более подготовлены к роли инициаторов славянского освобождения,

---

⁷ На самом деле «Анархию по Прудону» печатал Сажин в Лондоне, в связи с конфликтом внутри славянской секции.

⁸ Михаил Петрович Сажин – Арман Росс, один из друзей Бакунина, участник «русского братства» и Альянса. О нем будет подробнее сказано во второй части. Биографию смотреть в Приложении. (совр. прим.)

⁹ Ныне Познань. В XIX веке недалеко к востоку от Познани находились границы России а сама Познань была частью Прусского королевства, и позднее Германской Империи. (совр. прим.)

нежели мы, русские. В Бреславле и потом в Праге я нашел хорошие элементы, но, с одной стороны, обстоятельства, с другой, отсутствие средств разрушили все мои планы. С тех пор я более не верю, что чрез славян мы двинем Россию, а напротив, все еще верю, что поляки, если они отрешатся от своих шляхетских идеалов, и станут социалистами-федералистами, сыграют в отношении России эту великую роль. В 1848 году я серьезно пытался создать центральное бюро из славян в Бреславле и потом в Праге; это бюро должно было взять на себя организацию славянского освобождения прежде всего от германо-австрийского владычества, а потом и московского, теперь, конечно, я гляжу шире и в нашем «славянском завесе»¹⁰ вижу ту же цель на чисто социалистических принципах».

В 1848 году, говорил Бакунин, как в Бреславле, так и в Праге он принял за программу прокламацию 1846 года, подписанную в Лондоне Мадзини, Кошутом, Ледрю-Ролленом и Герценом, в которой все европейские народы призывались освободиться на чисто национальных началах. Оппозиция против немецких и мадьярских стремлений заставила Бакунина примкнуть к тому направлению, которое требовало превратить Австрию в федерацию, хотя бы и монархическую на первое время.

По инициативе Кукульевича (Харлама) был созван съезд славян в Праге в 1848 году в мае месяце. На этот съезд и приехал Бакунин со своими прозелитами¹¹ из Бреславля, между которыми был и Либельт, как представитель познаньских поляков, сам же Михаил Александрович на съезде был представителем от великоруссов Белой Криницы, что в Буковине. На съезде Бакунин внес предложение об основании всеславянского совета (slavenski zavese), имевшего целью создание общеславянского союза.

После взятия Праги войсками под командованием князя Шварценберга Бакунин бежал в Германию, где скрывался то в Берлине, то в Кётене, а в 1847 году поселился на некоторое время в Лейпциге, где сформировал кружок из студентов-чехов, имея целью поднять восстание в Богемии. В это время он написал свое «воззвание к славянам», призывая их к разрушению Австрийской империи, а также к освобождению поляков и русских от тирании Николая I-го.

Чрез несколько месяцев после этого Бакунин появился в Дрездене, где стал во главе восстания. С 5-го по 9 мая он пользовался властью диктатора, организуя защиту города от прусских и саксонских войск. Впоследствии обвиняли Бакунина в том, что он приказал, мол, наготовить горючий материал из смоленных венков в тамошнем музее, а от этого произошел пожар, уничтоживший часть коллекций. Михаил Александрович по этому поводу нам всем рассказывал следующее:

«– Никогда я такого приказа не давал, а посоветовал немцам поставить на месте Мадонну Рафаэля и послать глашатая к начальникам прусских войск, с заявлением, что если они станут стрелять по народу, то попортят великое произведение бессмертного художника».

---

¹⁰ Смотреть ниже «славянская секция в Цюрихе». (совр. прим.)

¹¹ Сторонниками. (совр. прим.)

Прекрасно помню, что при этом один из нас шутя спросил, поступил ли бы он так и тогда, когда пришлось бы защищаться от начальников русских войск?

«– Ну, брат, нет! – ответил Бакунин. – Немец, человек цивилизованный, а русский человек дикарь, он и не в Рафаэля станет стрелять, а в самую как есть Божью Матерь, если начальство прикажет. Против русского войска с казаками грешно пользоваться такими средствами – и народа не защитишь и Рафаэля погубишь».

Восьмого мая Бакунин говорил горячую речь депутатам от города, доказывая им все значение отчаянной защиты Дрездена; но революционеры должны были отступить на другой же день под натиском регулярных войск.

«– Мы были вооружены плохо, еще хуже обстояло дело с зарядами, я предвидел, что придется очень скоро сдаться, – рассказывал Бакунин, – но все-таки соблазняла мысль умереть с оружием в руках. Арестован я был в Хемнице, когда вокруг меня никого не осталось, кроме членов революционного правительства».

Прусский офицер, который потом сторожил его в темнице города Альтенбурга, рассказывал, что Бакунин сохранял в неволе свой железный характер революционера, непоколебимо верующего в свою правоту, и убеждавшего своего цербера в том, что в политике один успех определяет величие предприятия. Из Альтенбурга Михаил Александрович был вскоре переведен в грозную крепость Кенигштейна, где вскоре его приговорил военный суд к смерти, а король смягчил приговор, заменив смерть вечной каторгой. Австрийское правительство, однако, потребовало выдачи его для расследования его участия в пражском восстании и Михаил Александрович был для этого передан Австрии. Его перевели скованного в Прагу, где старались добыть показания, на основании которых надеялись доказать, что славянское движение в Австрийских провинциях было делом русского правительства, которого агентом-де был поручик Бакунин.

«– В Кенигштейне я просил, чтобы меня расстреляли, – передавал нам Бакунин, – ну, а у австрийского правительства я просто-на-просто отрицал, что принимал какое-либо участие в восстании. Вскоре я убедился, сидя в пражской тюрьме, что меня считают агентом Николая».

Из Пражской тюрьмы Бакунин был переведен в Ольмюц¹², где австрийские власти приковали его к стене.

«– Шесть месяцев я высидел на цепи, – говорил Михаил Александрович, – и выдумал целый мотив, изображавший собой Прометея, прикованного к скале; когда я его себе мурлыкал под нос, немцы удивлялись, что я такой веселый и пою».

---

¹² Ныне Оломоуц, город в чешской Моравии. (совр. прим.)

В марте 1851 года Бакунина приговорили к смерти. Это был уже второй приговор к смерти; вскоре после этого, однако, он был выдан России.

С 1851 года и вплоть до 1854 Бакунин сидел в Петропавловской крепости, а после до 1859 в Шлиссельбургской, где заболел цынгой и потерял зубы.

О своем письме к Николаю I-му Михаил Александрович, на мои вопросы и вопросы товарищей, отвечал всегда следующей уклончивой фразой:

«– Это была большая ошибка с моей стороны, в письме моем я высказал много правды Николаю, но все же отнесся к нему, как к человеку, любящему Россию, а этого не следовало делать, потому что Николай был д... и понять меня не мог. *Я много бы дал, чтобы этого письма не существовало!*»

Содержание же письма Бакунин всегда характеризовал словами:

«оно было славянофильское, я тогда слишком много придавал значения России в вопросе освобождения славян из-под немецкого ига. Написано оно было под влиянием тех оскорблений, которые я вынес в австрийских тюрьмах. Писать к Николаю не следовало уже потому, что тогда было ясно, что его царствование обнаружило всю ложь его государственной системы – он довел уже Россию до края гибели. В России, созданной Петром Великим, все естественное извращено, нет самостоятельного движения, все живое пожертвовано в пользу внешней государственной жизни. А где нет жизни, там не может быть и правды; русская жизнь, ушедшая в глубь со времен Петровщины, никогда не оживляла собой петровское создание – Российскую Империю. Русский народ носил на своих могучих плечах неуклюжую, наскоро сколоченную бюрократией, империю, чувствуя, что государство это несуразное распадается для того, чтобы, наконец, уступить место ему самому – народу. Русский народ никогда не любил петровской империи, а напротив, ненавидел ее. Распадение российской империи, однако, не будет похоже на одновременно готовящееся разрушение Австрийской и Турецкой Империй. После этих государств не останется ничего, после русской империи останется – русский народ, который и заживет свободно на развалинах русской империи. Отнимите у России Польшу, Литву, Белоруссию и Малороссию, отделите Финляндию, Остзейские губернии, Грузию и Кавказ – останется именно то великорусское племя, которое готово к своей исторической жизни и не имеет ничего общего с укладом русской империи. Император Александр II хотел, опираясь на чиновничество, произвести реформы, казавшиеся ему необходимыми, дабы спасти империю. Это ему не удалось, и не могло удасться. Чиновничество в России ненавистно народу еще больше, нежели дворянство. Чиновник русский это – та палка, которой беспощадно били народ в продолжение целых веков. Везде бюрократия мертвит, а не живет государство. В России она все разрушила!».

Таково было мнение Бакунина об его письме к Николаю I-му, которому он советовал взять на себя роль освободителя славян из-под австрийского ига.

II. Жизнь Бакунина до начала франко-прусской войны.

В 1860 году Бакунин был выслан в Сибирь, откуда и бежал вскоре, благодаря крайне благоприятно сложившимся обстоятельствам; в бытность свою в Сибири он женился. Бежав чрез Сан-Франциско и Нью-Йорк, он в конце 1861 года явился в Лондон, где был принят своими друзьями Герценом и Огаревым.

Об этом периоде жизни Михаила Александровича я ничего нового не могу прибавить к уже обнародованному, довольно обширному материалу. Лично я знаю, что Бакунин был крайне оскорблен последним отзывом Герцена о нем, а потому и отзывался о последнем в беседах с нами с явным недоброжелательством. Все эти чисто личные недоразумения, по моему мнению, не имеют в данный момент непосредственного интереса, а потому я и считаю просто-напросто своевременным обойти их в своих воспоминаниях.

В 1862 году Михаил Александрович написал свое воззвание к *«русским, польским и славянским братьям»*, которое вышло приложением к № 122-123 *Колокола*, от 15 февраля. По поводу этого воззвания Герцен написал следующие несколько слов в своем журнале:

«Мы печатаем в прибавочном листе первую статью Бакунина: *Колоколу* по праву принадлежит его слово, молчавшее так долго... и не утратившее своей крепости и энергии – ни в казематах, ни в снежных пустынях».

Михаил Александрович так и не написал, собственно говоря, ни одной статьи в *Колоколе*¹, – вскоре польское революционное движение 1862-63 годов захватило его и повлекло туда, куда Герцен никогда не пошел бы не потому только, что это движение было чисто национально-политическое, без всяких социалистических тенденций, а потому, что Герцен дорожил слишком своим спокойствием публициста-журналиста.

---

¹ Это утверждение не верно. Еще находясь в ссылке в Иркутске Бакунин написал *«Письмо в редакцию Колокола по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым»* в номере от 1 и 15 июля 1860, *«Ответ Колоколу»* от 1 декабря 1860, которое не было напечатано и осталось в РГАЛИ, и *«Амур, несколько слов об общественной жизни Иркутска»*, также не опубликованное, от 11 апреля 1861 года, все подписанные Элизаровым.

Также руке Бакунина принадлежит статья *«С.-Петербургская нескромность»*, опубликованная в *Колоколе* 15 сентября 1862 года, еще пару набросков *«Письма в Колокол»* от 1867 года. Последнее – *«Письмо редакторам Колокола»*, опубликованное в *Колоколе* 9 апреле 1870 года.

Помимо этого, имеется статья *«Несколько слов южным славянам»*, опубликованная в *Колоколе* 8 апреля 1862 года. Не установлено авторство, но вероятно принадлежит Бакунина, статья *«Славянским братьям от имени панславянского общества»*, опубликованное в *Колоколе* 15 августа 1862 года. На французском также Бакунину принадлежит статья *«О России»*, опубликованная в франкоязычном *Колоколе (Le Cloche)* 15 сентября 1863 года. Возможно, представленный список неполон. (совр. прим.)

В 1848 году Александр Иванович Герцен подписал почти тождественную прокламацию к европейским народам уже чисто политического характера совместно с Кошутом, Гарибальди, Мадзини, Ледрю-Ролленом, Ив. Дим. Братиано, звавшим всех подняться во имя национального освобождения за чисто республиканские идеалы и только; после революции 1848 года основные принципы, руководящие публицистической деятельностью Герцена, изменились, и в его отношении к передовым людям Европы усматривается уже социалистическая подкладка. Это была вторая причина, по которой Герцен вскоре разошелся с Бакуниным по польскому делу. Бакунин, например, бросившись с головой в дело национального освобождения поляков, только потому, что жаждал революционной деятельности, признал возможным *временно отречься* от всех своих социалистических тенденций. После неудачной своей экспедиции чрез Скандинавию в Польшу, после тяжелых нареканий по поводу этой экспедиции со стороны Герцена и других, Михаил Александрович сознал свою ошибку и впоследствии относился с крайней осторожностью к польскому элементу, с которым соприкасался всю свою последующую деятельность во Франции, Швейцарии и Италии. Относительно участия своего в польской революции Бакунин, в своих воспоминаниях, всегда обвинял, однако, не столько поляков, сколько русское общество и русское правительство, которые вселили в поляков полное недоверие ко всему русскому. В особенности поляки, по словам Михаила Александровича, не доверяли русским революционерам с социалистическими тенденциями, и это потому, что чиновники и шпионы русские в Польше вели тогда почти что социалистическую пропаганду среди польского крестьянства, науськивая его против революционеров-шляхтичей.

После неудачной экспедиции чрез Швецию в Польшу и Литву Бакунин в 1863 году вернулся в Лондон, где был холодно встречен Герценом; в 1864 году он покинул Англию и поселился во Флоренции, а потом в Неаполе. Здесь он основал «*Союз² социальной демократии*», в который вошли несколько польских эмигрантов, проживавших тогда в Италии, де-Губернатис и два-три итальянца-художника. Кружок, созданный Бакуниным, имел в виду борьбу с Мадзини, то есть с его теологической политикой, предполагавшей примирить светскую власть папы с республиканским образом правления. Программа Бакунина противопоставила религии атеизм, отрицала юридическое право и признавала коллективную собственность. Объявляя труд основанием общественной организации, которая должна принять форму вольной федерации снизу вверх, программа вместо гражданственности признавала «свободу личности»³.

Переехав из Флоренции в Неаполь, в 1865 году Бакунин познакомился с итальянским депутатом Фанелли⁴, а чрез него с Саверио Фришиа⁵. Вскоре совместно с этими последними он основал «*Интернациональное братство*». Программа этого братства может быть резюмирована следующим образом:

---

² Другими словами «Альянс Социалистической Демократии». (совр. прим.)

³ Весьма спорное утверждение. Практически во всех организационных документах «свобода личности» признавалась как теологический инструмент и отвергалась. (совр. прим.)

⁴ См. «Приложение публикатора».

⁵ Там же.

«уничтожение государства юридического и политического, организация на место его свободных индивидов в свободные группы, федерация этих групп».

Вокруг этой новой программы Бакунину вскоре удалось собрать кружок итальянской молодежи: Гамбуцци⁶, Реццо⁷, Андреа Коста⁸, Карло Кафьеро, Туччи⁹, Малатеста, Набруцци¹⁰, Цанарделли¹¹, Капоруссо¹², Биньори и другие. Все эти молодые люди могут считаться основателями социализма в Италии; одни из них остались верными федерализму Бакунина, другие, долго блуждая в поисках за теоретической выработкой бакунинского учения, окончили тем, что перешли к социал-демократам, сделавшись самыми рьяными марксистами.

Лично я знал многих из этих молодых людей в 1872 году, когда они еще группировались вокруг Бакунина, формируя его генеральный штаб в «Интернационале».

В 1867 году Бакунин переехал в Женеву, покинув Италию вследствие преследований полиции; в Женеве он вскоре сделался членом комитета «*Лиги мира и свободы*», и в качестве ее члена предложил Международному Обществу Рабочих проект союза с Лигой на условии, что рабочие поддержат буржуазию в ее борьбе с остатками феодализма в Европе, а буржуазия обяжется поддержать пролетариат в его борьбе за экономическое освобождение. Предложение это Бакунин сделал под непосредственным влиянием радикальной женевской партии, главой которой в то время стал Картарет. Радикальная партия серьезно тогда предполагала возможным примирить стремления рабочего класса с интересами буржуазии, боровшейся с клерикалами, стоявшими во главе кантонального правительства. Под непосредственным влиянием пропаганды Бакунина французские секции Швейцарии послали своих делегатов на конгресс «*Лиги мира и свободы*». На конгрессе, состоявшемся в 1868 году, большинством голосов (30 против 110) была отвергнута программа чисто социалистическая, выработанная Бакуниным; к этой программе примкнул тогда делегат из Франции Элизе Реклю, из Италии Фанелли, Беккер и прочие. Это меньшинство отделилось от Лиги, составив новое общество под названием «*Alliance internationale de la Démocratie*

---

⁶ Там же.

⁷ О нем не удалось найти информации, кроме того, что фамилия его могла писаться как «Reggio». Возможно, это псевдоним Набруцци. (совр. прим.)

⁸ Там же.

⁹ Альберто Туччи – автор статьи «Ситуация в Италии», которая была отредактирована Бакуниным. Более о нем найти информации не удалось. Подробнее смотреть Приложение (совр. прим.)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Стефано Капоруссо часто упоминается в письмах Маркса и Энгельса относительно неаполитанской секции Интернационала. Капоруссо был, при поддержке Гамбуцци, председателем неаполитанской секции, через которую тот участвовал в Базельском конгрессе Интернационала (1869), после которого отмечалось изменением в его поведении. Капоруссо начал противоречить принципам секции, стал требовать больших полномочий для себя, говорил, что Генеральный совет доверяет только ему, и если секция не будет его слушаться, он уполномочен ее распустить и основать новую. Капоруссо вовлек рабочих в безнадежную стачку, после которой были посажены четыре члена Интернационала. Ему были даны деньги на содержание этих заключенных, однако он их присвоил. Его исключили из секции. Имя Капоруссо часто использовалось марксистами в борьбе против бакунистов в Интернационале. (совр. прим.)

Socialiste»¹³. Программу общества написал Бакунин, и эта программа, с некоторыми изменениями, впоследствии послужила Бакунину для формирования снова своего «братства». Относительно обвинения, которое было сделано Генеральным Советом «Интернационала», что общество, созданное Бакуниным, есть тайный совет в недрах Международного Общества Рабочих, что в этом обществе Бакунин провозглашен диктатором, – то это обвинение *de jure* не верно, а только *de facto* было так. Михаил Александрович написал для своего «Alliance», собственно, говоря две программы: одна была верная копия с программы Интернационала, другая же, предназначавшаяся для избранных им лично членов, имела в виду организацию интернационального комитета социалистов-революционеров, которые должны были подпольно руководить явным Альянсом, считавшимся простыми секциями Международного Общества Рабочих. Конечно, в тайном комитете руководящая роль естественным образом оказалась в руках Бакунина, как самого активного и самого доверенного лица; но никогда Михаил Александрович не был провозглашен диктатором, никогда он и не требовал ни от кого такого титула, хотя, повторяю, фактически был полным руководителем составленного им тайного общества.

В 1868 году Михаил Александрович сделался членом женевской секции пропаганды Интернационального общества рабочих. Секция эта состояла из Николая Ивановича Жуковского¹⁴, Элпидина¹⁵, Утина¹⁶, Трусова¹⁷, Озерова¹⁸ и нескольких французов; из немцев в ней вначале числился и коммунист Беккер, который, однако, очень редко появлялся на собраниях секции, а потом окончательно вышел из нее. Секция эта не существовала долго и после нескольких месяцев распалась: Бакунин с Озеровым и Николаем Жуковским вышли как из секции, так и из того русского кружка, который, было, сформировался вокруг Бакунина. Относительно этого своего последнего пребывания в Женеве Михаил Александрович всегда вспоминал с большой горечью; в особенности он был возбужден против Утина и окружающих его русских.

В марте 1869 года приехал в Женеву Сергей Геннадьевич Нечаев и познакомился как с Михаилом Александровичем так и с Николаем Утиным, с которым, однако, не поладил. Относительно несогласия между Утиным и Нечаевым следует заметить здесь, что заявление Николая Утина, будто в это время он получил из Петербурга обстоятельные предостережения по поводу новоприбывшего, абсолютно ложно. Таковых сведений в то время не могло быть, так как сам Нечаев еще не имел никакого плана действия и много позже стал рассказывать о своем псевдо-бегстве из Петропавловской крепости, а также о существовании какого-то комитета партии в

---

¹³ «Международный Альянс Социалистической Демократии». (совр. прим.)

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О нем Бакунин написал неоконченную статью «Интриги господина Утина», также упоминается им в «Докладе Альянса». О нем же Ралли пишет далее. (совр. прим.)

¹⁷ А. Д. Трусов – последователь Чернышевского, член русской секции Интернационала, основанной Утиным в рамках интриг против Бакунина. (совр. прим.)

¹⁸ Владимир Михайлович Озеров (1838-1915) – русский революционер, член Комитета русских офицеров в Польше (о котором Бакунин много писал в свое время, повествуя главным образом о Потемне), ротмистр. В 1864 организатор побега Я. Домбровского из Московской тюрьмы. С 1866 эмигрант, сторонник Бакунина. Бакунин имел личную переписку с Озеровым. (совр. прим.)

России. Нечаев, познакомившись с Михаилом Александровичем, на первых порах был почти что совершенно правдив и только преувеличивал количественно круг своих связей в России, относительно же существования какой-либо партии не говорил ничего определенного, что, однако, Бакунину казалось похвальной тактикой хорошего конспиратора.

Приезд Нечаева в Женеву совпал с полным разрывом в среде интернациональной секции пропаганды; Михаил Александрович, который совместно с Николаем Утиным и другими положил начало русской газете «Народное дело», (октябрь 1868) ушел как из редакции газеты, ставшей целиком органом Утина, так и из кружка тех русских, которые перешли на сторону Карла Маркса, уже объявившего войну Бакунину и его федерализму. Эта вражда, однако, не имела еще за собой тех обвинений, которые впоследствии были возведены на Бакунина со стороны Карла Маркса. Разрыв Бакунина с Утиным произошел в начале 1869 года, но не вследствие сближения первого с Нечаевым, а по чисто принципиальному несогласию. Николай Утин тогда же устроил отдельную секцию Интернационала из Аитова, Трусова и нескольких женщин, между которыми видную роль играла госпожа Левашева, сестра Ад. Ст. Жуковской; секция эта называлась «*первой русской секцией Международного Общества Рабочих*». Она поставила себе следующую задачу: пропагандировать в России «всеми возможными рациональными (!) средствами» идеи и начала интернационального общества рабочих; способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс, помогать установлению прочной солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы. Хотя основатели этой русской секции и имели в виду примкнуть целиком к международному союзу рабочих, однако, считали необходимым не игнорировать образ мыслей, тогда охвативший уже всех тех русских, которые проживали в Женеве и из которых большинство были прозелиты Михаила Александровича. Поэтому-то Николай Утин и внес следующее в текст программы, так называемой, русской ветви Международного товарищества рабочих, представителем которой должна была быть «*первая русская секция*»:

«Принимая во внимание, – гласит программа:

Что отсталые идеи панславизма производят пагубное влияние на дух и развитие рабочих масс в славянских землях Австрии и Турции, что такие идеи, поддерживаемые слепой верой в царизм, всегда были только гнусной западней для славянских народов, что идея национализма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды, которую представляют рабочей массе, как пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность; между тем, как наоборот, будущая интернациональная и социалистическая организация рабочих масс именно дает полную свободу не только каждому народу и народности, но и всякой вообще группе лиц, самостоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни; что завоевательный режим находится в прямом противоречии со всеми принципами международного братства народов; что императорское иго, гнетущее Польшу,

есть тормоз, препятствующий политической и социальной свободе *обоих* народов, русского и польского; мы обращаемся с призывом к нашим братьям в Польше, Малороссии, австрийских и турецких землях, точно так же как ко всем группам разных народностей, находящихся под императорским гнетом, и приглашаем их работать солидарно с нами, соединяться в группы и организоваться для деятельной пропаганды. Мы приглашаем поэтому наших братьев приступить к образованию центральных секций в славянских землях, которые вызвали бы составление *ремесленных* союзов, **федерацию этих союзов** и, наконец, вступление их помимо всех искусственных, территориальных границ, в общий интернациональный союз *всех ремесел и профессий*».

Вся часть программы, относящаяся к славянским землям, взята была Николаем Утиным из программы, написанной рукой Михаила Александровича для интернациональной секции русских, проживавших в то время в Женеве; Николай Утин к написанному прибавил лишь слово *«ремесленных»*, тогда как в бакунинском манускрипте этого слова нет.

Кроме того, в бакунинском манускрипте написано после слов «под императорским гнетом» следующее, почему-то выкинутое Николаем Утиным: «Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернских королей», таким же образом в манускрипте Бакунина, вместо заключительных слов «союз всех ремесел и профессий», написано союз «Международного Общества Рабочих», что более целесообразно.

«Русская секция», основанная Николаем Утиным, была в 1870 году признана Главным советом Международного Общества Рабочих, и Карл Маркс отписал Утину по этому поводу следующим письмом:

«Граждане.

В своем заседании 22-го марта главный совет объявил единодушным голосованием, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь (?) в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете.

Вы говорите в вашей программе:

«...что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободы *обоих* народов – как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии¹⁹ и вследствие того на целом континенте. Поэтому, работая над

---

¹⁹ Опровержению этой мысли Бакунин посвятил несколько своих сочинений. (совр. прим.)

разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя великую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо, как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского: «Положение рабочего класса в России». Это настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм*, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не страдает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это – труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника, и прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, нетерпящего всевозможных национальных гимнов, и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

Привет и братство.

Карл Маркс».

Лондон, 24 марта 1870.

Михаил Александрович, узнавший об этом письме Карла Маркса написал следующее письмо Николаю Ивановичу Жуковскому, подлинник которого находится у нас.

«Милый мой Жук.

Ты, конечно, знаешь, как Н.[иколай] У.[тин] воспользовался нашей программой и моей статьей для своей русской секции; таким образом то, что нам не удалось осуществить, переделал по-марксистски У.[тин], и надо дать ему справедливость, сделал, на этот раз, дело большой важности для будущего Международного Общества Рабочих. Образование русской секции есть великое событие, и если оно пройдет незамеченным, то не потому, что секция состоит из за с . . . , а потому, что нет среди мужчин там никого, который смог бы и сумел использовать это хорошее дело. Существование русских в Международном Обществе Рабочих потому важно, что реакционные элементы европейских государств будут всегда поддерживать сознательно и бессознательно русское самодержавие. Карл Маркс вполне прав, говоря, что германская реакция и прусское юнкерство может быть уничтожено только тогда, когда погибнет и наша . . . . . деспотия; ему на руку, чтобы капиталист из огня вынул для немцев русский народ,

только пока что, брат, а немецкие банкиры всегда поддержат нашего царя, потому что они сознают, что падение русского деспотизма будет вместе с тем и гибелью их самих; прав вполне Карл Маркс относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом, русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде, как этому же способствуют пруссаки в Силезии, а наши поляки в Малорусской Галиции. Против этого зла надо бороться социалистам из русских, а еще лучше было бы, если бы могла составиться секция не из одних русских, но и из чехов, поляков, сербов и болгар. Был у меня здесь некий хороший болгарин К.²⁰ и я говорил с ним по этому поводу, но он уехал и с тех пор ничего о нем не знаю, говорил я много об этом же с маленьким²¹, которого ты напрасно хаешь; следовало бы нам вернуться к нашему плану, поговори об этом с Агой²², а также повлияй на Иоганна Филиппа²³, пусть он, который нам изменил, за свою измену в нашей буре повлияет на У.[тина], тогда хотя что-нибудь выйдет из женевской русской секции. Только веди это как бы от себя, а то попадет на орехи от belle soeur²⁴ и курятника Утина. Поклон разумнице Аде. Пиши на мой старый адрес, да удерживай Агу, а то он опять принялся за свое²⁵.

Твой М. Б.

Locarno, 17 июля».

Приводя это письмо, а также и предыдущие два документа, все три относящиеся к «русской секции пропаганды», я некоторым образом забежал вперед в моих воспоминаниях; но сделал это для того, чтобы осветить для читателя этих воспоминаний тот момент из жизни русских эмигрантов в Женеве, когда туда прибыл Сергей Геннадьевич Нечаев.

В Женеве проживали тогда следующие эмигранты: Александр Герцен, Огарев, Бакунин, Николай Утин, Николай Жуковский, Элпидин, Озеров, Мечников²⁶, Трусков, со своими женами и семьями²⁷. Все эти эмигранты жили врозь; Бакунин разошелся

---

²⁰ Любен Каравелов.

²¹ С. Г. Нечаев.

²² Н. П. Огарев. (очередность этой сноски со следующей в оригинальном издании были перепутаны – совр. прим.)

²³ Беккер, старый коммунист.

²⁴ красивая сестра – фр. (совр. прим.).

²⁵ Вероятно, за пьянство. (совр. прим.)

²⁶ Там же.

²⁷ Александр Александрович Серно-Соловьевич в это время умер, а господин Николадзе прекратил печатать «Современность». Перед смертью бедный Серно-Соловьевич выкинул следующий анекдот с одним кавказцем. Будучи психически больным, Соловьевич был отправлен в сообществе с кавказцев в сумасшедший дом. Доктор-психиатр был предуведомлен и принял обоих прекрасно; переговорив, однако, с Серно-Соловьевичем, предположил, что больной психически не он, а кавказец.

– Ошибаетесь, доктор, это я сумасшедший, а не он! – разубедил психиатра бедный больной.

со всеми, кроме Огарева и Николая Жуковского²⁸; будучи совершенно один, он уже собирался покинуть Женеву и переехать куда-либо поближе к Италии, где имел искренних прозелитов среди итальянской молодежи. Нечаев увлек Бакунина своим темпераментом, непреклонностью своей воли и преданностью революционному делу. Конечно, Бакунин сразу увидел и те крупные недостатки и отсутствие какой-либо эрудиции в новом эмигранте, но как Михаил Александрович, так и все те, которые встречались в те времена с Нечаевым, прощали ему все ради той железной воли, которой он обладал.

Нечаев, приехавши в Женеву, объявил себя делегатом революционного комитета, который будто бы существует в России; как на члена комитета, он указывал на Ткачева, о котором Бакунин слышал, остальные же фамилии ему были абсолютно неизвестны. Михаил Александрович уверял нас всех, что он искренно верил всему, касающемуся организации, переданному Нечаевым как ему, так и Огареву.

«– Конечно, – говорил Бакунин, – я не верил в окончательный успех дела так, как его мне представлял Нечаев, который убеждал меня, Герцена и Огарева, что Россия мужицкая готова восстать, что комитет имеет глубокие связи в войске и что власть будет захвачена людьми комитета. Я тоже был убежден, что товарищи Нечаева, по всей вероятности, очень скоро попадутся в лапы Третьего Отделения и что разыграется старая русская история с ее каторгой, а может быть, и виселицей. Все это, однако, не умаляло моего интереса к делу и я был уверен, что мне удастся провести чрез Нечаева и его товарищей наши идеи и наш взгляд на вещи в России, а также я думал серьезно, что Нечаев способен будет стать во главе русской ветви моего революционного союза. Этим он и был дорог мне».

Таково было мнение Бакунина относительно Нечаева и таким образом он объяснял нам свои отношения к нему. Относительно существования комитета Михаил Александрович не сомневался до такой степени, что согласился дать Нечаеву расписку в том, что отдает себя в распоряжение этого комитета; расписки этой, однако, нам не удалось отыскать в нечаевском архиве, уничтоженном нами в Цюрихе после ареста и выдачи Нечаева швейцарским правительством.

Относительно отношения Герцена к Нечаеву, то оно было с самого начала крайне скептическое, Александр Иванович хотя и признавал в Нечаеве человека с железным характером, однако, не доверял ему, предполагая, что он в увлечении своем преувеличивает значение задуманного им и его прозелитами дела. Однако, как Михаил Александрович, так и Огарев неоднократно заверяли нас, что и Герцен также верил в существование комитета в России.

«– Подождем, – говорил Герцен, – не может же быть, чтобы к нам не обратились письменно! Нечаев – лишь первая ласточка, прилетевшая

Про этого кавказца Серно-Соловьевич написал в 1868 году брошюрку «Миколка-публицист». Библиографическая редкость!

²⁸ Как видно из Приложения публикатора, с Мечниковым Бакунин наоборот, сошелся весьма тесно. Также с Озеровым и возможно с Элпидиным. (совр. прим.)

сюда. Наверное вскоре получим обстоятельные сведения; тогда и решим, как быть».

Таково было мнение Герцена в первое пребывание Нечаева в Женеве. С этим мнением, однако, не были согласны ни Бакунин, ни Огарев.

Увлеченный необычайной энергией новоприбывшего, Бакунин решил сделать его представителем русской ветви всемирного своего революционного союза. Вот, что рассказывал мне по этому поводу Михаил Александрович:

«– Ввести Нечаева в Альянс я не хотел сразу уже потому, что в то время еще не предполагал открыть в нем и русский отдел. Потому-то я и решил сделать его представителем особого революционного общества, в которое вошли бы, с одной стороны, все его товарищи в России, а вне России связующим звеном был бы я со всеми моими из Международного Общества Рабочих. Поэтому-то и была заказана особая печать с надписью «*Alliance revolutionnaire européenne*»²⁹, и полномочие³⁰, которое я дал Нечаеву, было подписано лично мной. С этим полномочием, собственно говоря, полученным лично от меня, он и уехал в Россию. Вскоре после отъезда я получил, говорил Михаил Александрович, от него письмо из России на данный мной ему адрес с известием, что он благополучно перебрался чрез границу, что ему много в этом помог болгарин Каравелов, адрес которого я ему дал. Это было единственное письмо, которое получил от него из России вплоть до его второго приезда ко мне».

Это объяснение ясно доказало мне, «что как русский революционный комитет был фантазией Нечаева, так точно и «революционный европейский союз» был измыслен Михаилом Александровичем для его личной связи с Сергеем Геннадьевичем, которого, однако, Бакунин серьезно считал делегатом от какого-то комитета в России. Мандат, данный Бакуниным, а также рекомендации к Любену Каравелову в Бухарест, много послужили Нечаеву. В Москве, в особенности, этот мандат произвел большое впечатление на Успенского и других. Во второй свой приезд за границу Нечаев отнесся к Бакунину уже не с той скромностью, с какой явился в первый раз. Он требовал внимания к себе, как к человеку, действительно имеющему за собой серьезную организацию в России. Таковым, тем более, он показал себя и другим в Женеве, где Бакунин уже не жил, переехав сначала в Лугано, а потом в Локарно. Бакунин указал Нечаеву на свое экономическое положение, которое было из рук вон плохо, и Нечаев обещал ему от лица комитета средства для существования, заявив, что комитет вскоре будет обладать большими капиталами. На вопрос Бакунина, откуда эти средства явятся, Нечаев заявил ему, что один помещик Н... продает свое

²⁹ Европейский революционный Союз – фр. (совр. прим.).

³⁰ Опубликована Драгомановым, написана 12 мая 1869 года:

«Предъявитель этого удостоверения есть один уполномоченный представитель русской ветви всемирного революционного союза.

Alliance révolutionnaire européenne.

12 мая 1869

Михаил Бакунин» (совр. прим.)

имение для того, чтобы вырученную сумму передать комитету. Вскоре все эти рассказы Бакунину подтвердил новоприбывший эмигрант Владимир Серебреников, бежавший из России и сделавшийся, к несчастью, *alter ego* Сергея Геннадьевича. Новоприбывший, однако, с первого же раза произвел крайне нехорошее впечатление на Михаила Александровича.

О Бахметьевском фонде, о Семене Серебрякове, дочери Герцена Наталии Александровне, и о попытках Михаила Александровича помочь сблизить Нечаева с семьей Герцена нахожу прямо таки неудобным передавать здесь все те, смеха достойные дразги, которые мне пришлось слышать, с одной стороны, от Михаила Александровича, возмущавшегося той ролью, которую заставил его играть Нечаев, а с другой, от бедного Семена Серебрякова, попавшего, как кур во щи, в эту далеко неприятную историю. Во всяком случае письма, напечатанные Михаилом Александровичем Бакуниным, относящиеся к этому периоду времени, более чем ясно устанавливают тот факт, что во всех этих некрасивых передрыгах виноват не только Нечаев, но и Бакунин, который показал себя слишком наивным конспиратором, слишком доверчивым к человеку, психику которого абсолютно не разгадал. Отношения Нечаева к Бакунину и Бакунина к Нечаеву изменились лишь тогда, когда оказалось, что Владимир Серебреников похитил письмо у некоторых эмигрантов, а разорвал Бакунин с Нечаевым лишь тогда, когда открылось, что Нечаев задумал устроить за границей, в самой Швейцарии, из нескольких горцев шайку экспроприаторов для добывания средств, в которых сильно нуждался. На великое счастье для русской революционной деятельности в нашем прошлом задуманное не осуществилось, а поэтому все закончилось лишь тем, что, много позже, некоторые из эмигрантов поляков попались в простой подделке русских бумажных денег; Нечаев же так и не разыграл роли Карла Моора³¹, которую выбрал для себя во всем этом неблагоприятном деле.

Разочарованный в своей попытке начать серьезную работу в России чрез Нечаева, Бакунин покинул Женеву, где был побежден Утиным, и основался в Локарно, отдавшись пропаганде социализма в Италии, – в Швейцарии у него в это время остались связи только среди швейцарцев Юры; из них самыми близкими были Гильом, Швицгебель³², Шарль Перрон да еще один-два человека.

В Италии, как я уже сказал выше, Бакунин еще в 1864 году сумел основать в Тоскане и Неаполе небольшие группы молодежи, искренно преданные его идеям; его статьи, напечатанные в то время в неаполитанском журнале *Liberta e Giustizia*, произвели большое впечатление³³; в 1867 году Бакуниным была основана первая секция «Интернационала» в Неаполе. Эта секция сделалась вскоре до того популярна в городе, что насчитывала до трех тысяч членов. Секция основала свой журнал

---

³¹ Швейцарский социал-демократ (1853-1932), известный тем, что оказывал помощь многим политическим эмигрантам – от народовольцев и лидеров польской социалистической партии «Пролетариат» до большевиков.

³² Адемар Швицгебель – основатель секции Интернационала в Сонвиле (март 1866). Член Альянса (1869). После падения Парижской Коммуны помогал в Париже коммунарам бежать с поддельными паспортами. Создал, вместе с Гильомом Юрскую Федерацию после раскола в Романской Федерации.

³³ Статья «Ситуация в Италии» 1866 (имеется в Библиотеке анархизма) и «Essence de la religion» 1867. (совр. прим.)

Eguaglianza, в котором были напечатаны несколько статей Бакунина³⁴. Члены неаполитанской секции вскоре основали другие секции, между прочим, в Каstellамаре³⁵. Михаил Александрович влиял на все это социалистическое движение с Локарно, где основался накануне грозного 1870 года.

---

³⁴ Бакунин не написал, скорее всего, ни одного сочинения специально для «*Eguaglianza*», видимо, имеются ввиду напечатанные в других газетах статьи, которые товарищи Бакунина перевели на итальянский. (совр. прим.)

³⁵ Каstellамаре ди Стабия – маленький городок недалеко от Неаполя, находящийся к югу от Помпеев. (совр. прим.).

III. Франко-прусская и революционное движение во Франции.

Война Германии с Францией и отношение Международного Общества Рабочих к этой войне не могли, конечно, оставить Бакунина безразличным, он был в это время в переписке со всеми своими друзьями, находившимися в Париже, но этих друзей было очень мало. Влияние его на представителей Интернационала в Париже было абсолютно ничтожно, и напротив, на юге Франции, в Марселе и Лионе, были элементы, связанные с швейцарскими бакунистами.

С точки зрения чисто политической, взгляды Бакунина на федералистское движение во Франции того времени прекрасно были сформулированы Элизе Реклю.

Вскоре после *Парижской Коммуны* я беседовал с Элизе Реклю об его участии в восстании парижского народа против государственного строя Франции. Знаменитый географ высказал следующим образом свои убеждения по поводу того исторического события, в котором принимал участие вместе с Бакуниным – один в Париже, другой в Лионе:

«– Я против больших, «нераздельных» наций. Громадные империи Востока всегда были управляемы деспотами. Азия и поныне не знает, что такое свобода, которой пользуемся мы – европейцы; народы Азии самые отсталые в цивилизованном современном нам мире. Пропаганда новых идей, прогресс, толчок вперед человечество всегда получало от маленьких народов. У преддверья Азии, на восточном берегу Средиземного моря, там, где нынешняя Сирия, когда-то существовало множество государств, которые, собственно говоря, были просто-на-просто городскими общинами. В Библии сказано, что Иисус Навин один покорил тридцать королей только до Ливанских гор. В самой Азии, на востоке Европы существовало когда-то множество государств, состоявших из небольших народцев, обитавших в одном городе и его предместьях. Там, среди этих государств, впервые человечество познало, что такое свобода и общественное право; там народилась философия, и наука сбросила с себя цепи догматики, там прекрасное впервые оформилось в искусстве и поэзии и там именно азиатский деспотизм нашел границу своему самодержавию. Государства эти не ограничились лишь внутренней своей жизнью. Греки, колонизаторы, как и финикийцы, основались вдоль Средиземного моря до восточных берегов Атлантического океана; они проникли в самое сердце Азии. Они имели непосредственное влияние на судьбу Египта; будучи побеждены, они заставили победителя принять и идеи и цивилизацию свою, преклониться перед своим идеалом. Греция была побеждена Римом – простым

городом, небольшой республикой. И этот небольшой город сделал больше для объединения мира, нежели самые большие нации. Этот небольшой город встал потом во главе самой большой империи, когда-либо существовавшей. И кто разрушил эту громадную империю? Небольшие народы, которые даже предварительно не согласились между собой; каждый народец пошел на Рим сам по себе, и вместо того, чтобы помогать друг другу, – они мешали один другому, взаимно уничтожались, заливая своей кровью римскую империю. На развалинах этой громадной империи создались большие нации, организовавшиеся в монархии. Для консолидации права собственности и государственной власти все эти монархии признали феодальную систему. В этой системе человечество рассчитывало найти границы, разделяющие один народ от другого, одну нацию от другой, не столько, однако, для взаимной независимости, сколько для разделения власти. Каждый феодал в своем поместье стал настоящим монархом; проживающие на земле, провозглашенной им своей собственностью, стали его вассалами, рабами. Рабство стало общим достоянием людей, самовластье, тирания – общей участью всех. Из этой ужасной общественной организации европейские народы не могли выйти иначе, как лишь опять путем восстановления маленьких народцев. Главные города Италии встали во главе этого движения против феодализма, города Германии, Франции и Англии, покровительствуемые монархами, вступившими в борьбу с феодалами *pro domo sua*¹, сумели создать для себя относительную независимость, приобрели свои специальные уложения, законы, суды и даже свою городскую армию. Это движение поразило насмерть феодализм, индустриальный прогресс объединил самые отдаленные народы. Но в конце средних веков идея больших государств снова воскресла в Европе; снова концентрация власти, национальное единство охватило человечество, и вместе с этим деспотизм, самовластье заковали человеческое общество в новые цепи. Тогда свобода нашла себе убежище в Германии, где независимость маленьких государств противилась объединению в одно большое государственное устройство, в Голландии, где после кровавых войн Филиппа II-го создавалась республика семи провинций, в Англии, где и поныне города и провинции сохранили свою автономию. И когда вся остальная Европа была окутана в невежество, когда все народы должны были замкнуться в страницах Библии, в этих городах человеческая мысль свободно исследовала научные вопросы и основала столько философских систем, что превзошла древнюю Александрийскую школу.

– В наше время, человеческие права более уважаются маленькими общественными организациями, нежели большими нациями, более среди федеральной общественности, нежели в единых и нераздельных монархиях и республиках. Россия – государство самое обширное, Китай – в то же самое время и самые автократические и деспотические общественные организации. Не стану говорить о народах Азии, неспособных подняться

---

¹ своего отечества/дома – итал. (совр. прим.)

против господства своих привилегированных сословий; я питаю надежду лишь на маленькие национальности, среди которых человеческая личность более свободна, менее занята и поглощена государственностью. В маленькой Португалии живет свободнее, порядок более устойчив, нежели во Франции; Бельгия, с тех пор, как стала свободной маленькой нацией, пользуется демократической общественной жизнью, которой должны позавидовать другие нации; Швейцария, где мы, эмигранты всех стран и народов, нашли убежище, с самой Зондербундской войны², достигла наивысшей возможной свободы при настоящей организации человеческого общежития.

Такова история человечества, – заключил Элизе Реклю, – и вот почему я боролся с оружием в руках в рядах федералистов Парижской коммуны».

Элизе Реклю вплоть до своей смерти оставался верным последователем учения Бакунина³; вместе с ним и с членами Парижской коммуны Лефрансе⁴, Артюром Арну⁵, Гамбон⁶ и другими немного позже я издавал в Женеве журнал *Le Travailleur*, пропагандировавший те же идеи.

Решивши принять непосредственное участие в коммунальном движении Франции, Михаил Александрович покинул Локарно и переехал в Берн, где вступил в

---

² Гражданская война в Швейцарии между союзом католических кантонов – Зондербундом (кантоны Фрибур, Во, Ури, Люцерн, Обвальден, Нидвальден, Швиц и Цуг) и Конфедерацией (остальными кантонами, за исключением нейтральных Невшателя и Аппенцель-Иннероден) в ноябре 1847 года. Причиной войны послужил проект конституции, предложенный протестантами, предполагавший большую централизацию власти и более крепкий союз кантонов, которой воспротивились некоторые католические кантоны, желавшие сохранить автономию. Итогом войны было принятие компромиссной конституции. (совр. прим.)

³ Возможно, Ралли неизвестно, что Реклю конфликтовал с Бакуниным на почве сотрудничества с буржуазными радикалами настолько, что отказался вступать в бакунинский Альянс. В 1869 году из-за этого на него жаловался в Испании Фанелли, говоря, что тот мешает анархической пропаганде. Полный переход Реклю на анархистские позиции произошел ближе к 1875 году – лишь начиная с этого времени и до конца жизни Реклю оставался анархистом. (совр. прим.)

⁴ О Лефрансе Ралли напишет в другой части своих воспоминаний. (совр. прим.)

⁵ Шарль Огюст Артюр Арну (1833-1895) – французский революционер-анархист. Известен статьями против бонапартистского режима во Франции (1851-1870), последователь Прудона, член Интернационала (1864), после сентябрьской революции (1870) назначен заместителем мэра 4-го округа Парижа, из-за чего стал членом и активным деятелем Парижской Коммуны далее. Автор книг «Государство и Революция» (1877), «История Парижской Коммуны» (1878), и нескольких романов. (совр. прим.)

⁶ Шарль Фердинанд Гамбон (1820-1887) – участник Учредительного Собрания 1848 года от Горы (монтаньяров), где выступил против расстрела рабочих в июне, после был репрессирован и стал оппозиционным фермером. Прославился компанией против уплаты налогов на армию, устроившую разгром рабочих в Рикамари и Обене (упоминается Бакуниным в статье «К русской молодежи») – налоговая конфисковала корову Гамбона, этот эпизод и прославил Гамбона. В сентября 1870 года, после свержения Наполеона II был избран в Национальное Собрание как революционный социалист, становится участником Парижской Коммуны и после ее падения эмигрирует под угрозой смертного приговора. В Швейцарии он вступает в Юрскую Федерацию (через нее вступает в Интернационал) и встречается с Бакуниным в Локарно в апреле 1872 года, однако его прозелитом не становится. После амнистии участвует в выборах в депутаты от радикалов и побеждает, однако, позже, заявляя себя как социалиста, проигрывает. (совр. прим.)

переписку с Бастелика⁷ и Комбом⁸, которые находились в Марселе. Из Берна Бакунин направился в Лион, где его должны были встретить его друзья, между которыми был Озеров, бывший русский офицер, и Валенций Ланкевич, поляк типографщик. 11 сентября 1870 Михаил Александрович прибыл в Лион, где и принял за организацию революционных сил города. Немедленно был сформирован вооруженный батальон федералистов, город был разделен на кварталы и каждый квартал имел свой комитет, в который вошли члены интернациональных секций рабочих. 28 сентября Михаил Александрович редактировал следующий декрет к армии:

«Принимая во внимание:

1-е, что противно демократизму и крайне опасно для народного самоуправления существование иерархической организации в армии.

2-е потому, что все офицеры приобрели свои чины во время империи, а следовательно и не могут быть верными защитниками республики, народ признает, что военные граждане имеют право и обязанность выбирать сами своих начальников, и потому провозглашает всех офицеров армии разжалованными и приказывает солдатам немедленно избрать себе новых начальников».

Эту прокламацию, написанную Бакуниным, подписал Сень (Saignes), делегат по военной части, и она тотчас же была афиширована во всех казармах города Лиона.

За день до этого, на большом митинге, где участвовали тысячи рабочих, Бакунин объявил о необходимости организовать новое правительство, названное им революционной федерацией коммун, которое должно было состоять из революционного конвента, образованного в Лионе; другие же города и села должны в то же время поспешить провозгласить повсюду у себя комитеты общественного спасения, непосредственно зависящие от революционного конвента, имеющего законодательную власть.

Эта новая организация революционных сил была создана Бакуниным, имевшим вокруг себя не более 200 человек, преданных ему: при посредстве этих людей он предполагал создать революционное движение на юге Франции и идти на помощь Парижу.

Следующая прокламация, написанная и подписанная Бакуниным, была вывешена на всех улицах Лиона:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

---

⁷ См. Приложение.

⁸ Этьенн Луи Комб (1843-) – член Марсельской секции Интернационала. В марте 1870 был избран секретарем Федеральной палаты рабочих обществ и Марсельской секции. Репрессирован в мае 1870 в рамках кампании против Интернационала. 27 августа приговорен к 6 месяцам заключения за участие 8 августа в повстанческом движении во главе с Гастоном Кремье. Амнистирован республикой 4 сентября. Был одним из руководителей Марсельской коммуны (9 сентября – 4 апреля 1871). Участвовал в лионском восстании вместе с Бакуниным и Бастелика. Активно участвовал в деятельности Марсельской коммуны 1 ноября 1870, а в марте 1871 года снова вступил во вновь провозглашенную Марсельскую коммуну. После неудач, скрылся. (совр. прим.)

Федерация революционных коммун.

«Отчаянное положение в котором находится страна, бессилие официальной власти и безразличие привилегированных классов поставили французскую нацию на край пропасти.

Если народ, революционно организованный, не поспешит действовать, все погибнет. Вдохновленные всеми ужасами опасности, и признавая, что нет больше времени дожидаться, делегаты федеральных комитетов общественного спасения Франции, собранные в один центральный комитет, постановляют:

1) Правительство и администрация государства, признанные бессильными, низлагаются.

Французский народ вступает в свое право народовластия.

2) Все суды, как гражданские, так и уголовные, низлагаются, будучи замещены народным судом.

3) Плата податей и залоговые обязательства отлагаются. Вместо податей будет уплачена контрибуция общинами и городами, каковая будет взиматься с богатых классов по надобности для спасения Франции.

4) Государство, будучи уничтожено, не сможет более вступить в дело уплаты частных долгов.

5) Все существующие муниципальные организации признаются уничтоженными и замещаются во всех федерированных общинах комитетами спасения Франции; они обладают властью под непосредственным контролем самого народа.

6) Каждый департаментский центр пошлет двух делегатов для образования революционного конвента Франции.

7) Конвент соберется тотчас в городской ратуше города Лиона, который есть второй город Франции, более всего способный принять на себя защиту страны.

Этот конвент, опирающийся на народ, спасет Францию.

К оружию, граждане!»

Прокламация эта была подписана совместно с Бакуниным и всеми теми, которые были в то время в Лионе, то есть Сень, Ривиер, Луи Паликс, Альбер Ришар⁹, Андре Бастелика и другие.

⁹ Альбер Ришар – один из членов Альянса и Лионской секции Интернационала, делегат на Базельском конгрессе, где защищал коллективную собственность. Опубликованы ряд писем Бакунина у Альберу Ришару. Однако, после 1871 года Ришар объявил себя бонапартистом, из-за чего Бакунин написал письмо в газету Tagwacht, где опроверг свою связь с ним. (совр. прим.)

Утром 28 сентября Бакунин со своими политическими друзьями силой овладел зданием городской думы. С балкона этого здания Сень, Парратон¹⁰, Ришар и Бакунин говорили народу, собравшемуся перед зданием; тут же было объявлено, что генерал Кюзере назначается начальником лионской национальной гвардии. Первым делом этого начальника был арест всех офицеров и коменданта Мазюра. Для выполнения этого приказа Кюзере тотчас же отправился в рабочий квартал Рыжего Креста (Croix Rousse), где, однако, был задержан национальной гвардией, оставшейся на стороне павшего правительства. В то же время был схвачен на улице и Михаил Александрович, которого заперли в одной из комнат городской ратуши, уже занятой приверженцами струсившей буржуазии.

Арест Бакунина продолжался несколько часов. Вот как рассказывал этот эпизод сам Михаил Александрович.

«– Схватили меня на улице солдаты под начальством полицейских, одетых в штатское, и заперли в одной небольшой комнате городской ратуши. Я видел и раньше уже, что дело наше проиграно, так как рабочий народ не присоединился к секциям Международного Общества Рабочих и ограничился лишь одними овациями нам. С другой стороны, комитет спасения не проявил должной энергии в аресте правительственных лиц. Сидя запертым, я был уже готов к расстрелу. Вдруг слышу сильный шум, ломались в двери. Будучи уверен, что это ломаются буржуа, чтобы покончить со мной без всякого суда, я собирался вытащить свой револьвер, который висел у меня за спиной за поясом; в это время приотворяется дверь и первое, что я увидел, был длинный нос Озерова».

Бакунин был освобожден нахлынувшей толпой своих приверженцев, во главе которых был Озеров и Ланкевич. В то время, когда он был освобожден, реакционное правительство снова проиграло свое дело и Парратон захватил в свои руки городскую ратушу.

Покидая Лион, Бакунин следующим письмом уведомил Паликса о своем отъезде.

«Дорогой мой друг.

Я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего прости. Осторожность запрещает мне прийти к тебе, чтобы пожать в последний раз твою руку. Мне больше нечего здесь делать. Я приехал в Лион, чтобы *сражаться или умереть вместе с вами*. Я приехал, ибо глубоко убежден в том, что судьба Франции в этот великий час, когда идет дело о ее бытии или небытии, снова стала судьбой всего человечества. Я принимал участие

---

¹⁰ Франсуа Парратон (1836-1874) – ткач, активный деятельно революционного движения в Лионе. 18 сентября 1870 избран в ЦК спасения Франции в Лионе и внес большой вклад в разработку плана повстанцев с Бакуниным и Паликсом и несколькими другими. Во время второй Лионской коммуны (22-23 марта 1871), провозглашенной с ратуши делегатом Парижа Альбером Лебланом (вместе с которым был Парратон), стал членом Временного комитета из 11 членов. Заключен в тюрьму, в чьем госпитале и умер. (совр. прим.)

во вчерашнем движении и подписал свое имя под резолюциями комитета общественного спасения Франции, потому что для меня очевидно, что после фактического крушения всего аппарата правительственной и административной власти спасти Францию может только немедленное революционное восстание народа. Все эти французы старого режима, все муниципальные организации, в большинстве случаев находящиеся в руках буржуазии или рабочих, предавшихся буржуазии, люди рутины, лишенные понимания, энергия и не обладающие даже искренностью; все эти прокуроры республики, а в особенности эти, префекты – чиновники со всей полнотой власти гражданской и военной, со всеми полномочиями диктатуры, предоставленной им легендарной и роковой властью обломка правительства, которое заседает в Туре – все это годится лишь на то, чтобы парализовать последние усилия Франция и предать ее пруссакам. Вчерашнее движение, если бы оно победило, а оно победило бы, если бы генерал Ключере *не предал дело народа*, это движение, заменив лионский муниципалитет, наполовину реакционный, наполовину неспособный, комитетом революционным, непосредственно представлявшим волю народа, – могло бы спасти Лион и Францию. Может быть, на это еще можно было рассчитывать. Я не сомневаюсь, что, если бы лионский народ *этого действительно хотел*, он мог бы навязать свою волю этой торжественной власти, которая выдвинулась на несчастье Франции. Но я боюсь, что лионский народ возьмется за это лишь тогда, когда уже будет нельзя оказать упорного сопротивления нападению пруссаков и когда Лион будет уже во власти последних, а это будет неминуемо. Если положение вещей не изменится в течение двадцати четырех часов, Франция погибнет. Останется ожидать спасения, не говорю уже ее существования, как великой, свободной и независимой нации, но спасения ее достоинства и чести лишь от демократического города Средиземного моря – Марселя. Но Марсель не сможет спасти Францию. Я покидаю Лион с глубокой грустью, с мрачными предчувствиями. Я начинаю думать теперь о том, что будет теперь с Францией. Она сделается вассальным княжеством Германии. Место ее живого, действенного социализма, займет доктринерский социализм немцев, которые говорят лишь то, что позволяют им сказать прусские штыки. Бюрократический и военный разум Пруссии в союзе с кнутом петербургского правительства водворят спокойствие и порядок по крайней мере на пятьдесят лет на всем континенте Европы. Прощай свобода, прощай социализм, прощай народная правда и торжество гуманизма. Все это могло бы быть результатом теперешнего состояния Франции. И все это было бы, если бы французский народ, если бы народ Лиона этого захотел. Ну, не будем больше говорить об этом. Моя совесть подсказывает мне, что я исполнил свой долг до конца. Мои лионские друзья также знают это, а до остального мне нет дела¹¹.

---

¹¹ Письмо это Бакунин позже, по своему обыкновению, развил в целую брошюру, которая и вышла под заглавием: *La révolution sociale, ou La dictature militaire*. (Социальная Революция, или Военная

Твой Михаил Бакунин.

Лион, 28 сентября 1870.

Реакционная французская печать в 1870 году забросала грязью имена Бакунина и Гарибальди, за то, что оба эти представители русского и итальянского народа имели смелость предложить свои услуги французскому народу в его борьбе с чужеземным нашествием; французская буржуазия готова была на все унижения, на все уступки, только бы избежать социальной революции; армия, разложившаяся до мозга костей императорским режимом, только и делала, что отступала перед полчищами врага, народ французский оставался безразличным зрителем гибели Франции биржевиков, фабрикантов и дворцовой челяди. Один только парижский рабочий люд, изголодавшийся во время долгой осады, не выдержал такого унижения своей родины и, наконец, поднялся, но был раздавлен озверевшей от страха армией. Этот великий парижский рабочий народ дрался, как лев, на баррикадах, и схоронил себя под развалинами Парижа, объятых пламенем.

За несколько месяцев до этой трагической развязки, Бакунин, покинув Лион, поднять который ему не удалось, чрез Марсель бежал в Барселону¹², а оттуда чрез Италию вернулся обратно в Локарно.

Лионский военный суд приговорил его заочно к пожизненному заключению в крепость; реакционная французская печать, говоря о Бакунине, писала:

«Bakounin est connu sous le nom de roi Saxe (!?) pour avoir tenu Dresde sous sa dictature. Interné à Ircoutsk par le gouvernement russe, il s'est rendu coupable de nombreux vols au préjudice de différents marchands et employés auxquels il avait su inspirer de la confiance»¹³.

Писатель, написавший эту пошлость, конечно, был почти уверен, что очернил перед потомством такого человека, как Бакунин.

Относительно Гарибальди газета *Figaro* позволила себе вещи и того хуже, но, конечно, это не помешало герою Италии остаться в истории освобождения итальянского народа самой лучезарной фигурой, на которую молится современная нам Италия.

Непосредственные отношения Михаила Александровича с парижскими секциями интернационального общества рабочих были абсолютно ничтожны; до восстания 18 марта, он не имел никаких связей с Парижем, а после этого восстания и во время самой коммуны он только успел списаться с несколькими лицами, которые, однако,

---

диктатура, позже переименованная в «Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция, выпуск первый». Письмо Паликсу Ралли представил не в полном виде, опущены мелкие подробности присутствия Бакунина в Лионе. – совр. прим.)

¹² На самом деле Бакунин не бывал в Барселоне. Он по морю из Марселя добрался до Генуи и далее оказался уже в Локарно. (совр. прим.)

¹³ Бакунин известен под именем Саксонского короля (!?) за то, что он держал Дрезден под своей диктатурой. Сосланный в Иркутск русским правительством, он совершил многочисленные кражи против различных купцов и служащих, которым он сумел внушить доверие. – фр. (совр. прим.)

мало знали его лично, и еще меньше своеобразный его образ мыслей. Варлен, одна из самых выдающихся личностей парижской коммуны, в письмах своих к своим швейцарским друзьям, спрашивал, чем отличается коллективизм Бакунина от прудоновской системы? Лично же мне известно, что Михаил Александрович написал два-три письма Варлену во время самой парижской коммуны. От него туда, в Париж, поехал даже эмигрант Росс, больше по личному желанию, однако, нежели с какой-либо миссией. С членами парижской коммуны Михаил Александрович познакомился после падения коммуны, когда они появились в качестве эмигрантов в Швейцарии, но ни один из них не стал бакунистом, хотя влияние Бакунина отразилось на многих из них. Один Элизе Реклю, а впоследствии отчасти Брусс и Пенди вошли в качестве членов интернационала федералистов.

Замфир Ралли

Приложение публикатора: Краткие биографии друзей Бакунина.

Итальянские друзья Бакунина

Джузеппе Фанелли (1827-1877) – итальянский революционер-анархист. В 18 лет присоединился к «Молодой Италии», выступавшей за объединение Италии. Участвовал в миланском восстании 1848 года, продолжил бороться вместе с Гарибальди в рамках экспедиции тысячи на Сицилии в 1860 году, участвовал в Польском восстании 1863 года. В 1865 году избран в итальянский парламент. Через год Фанелли встретил Бакунина на острове Искья около Неаполя. В октябре 1868 года Бакунин спонсировал Фанелли, чтобы тот поехал в Барселону, чтобы распространить там революционные идеи и организовать секции Интернационала. Поездка Фанелли стала отправной точкой для революционного либертарного рабочего движения в этой стране. В Барселоне Фанелли встретился с Элизе Реклю, однако Фанелли не понравилась дружба того с испанскими республиканцами, и Фанелли уехал в Мадрид, где пробыл до января 1869 года. В Испании Фанелли активно проводил встречи с работниками и крестьянами, в том числе с Ансельмо Лоренцо, чтобы познакомить их с Интернационалом. В феврале 1869 года Фанелли покинул Мадрид и через Барселону вернулся домой. По пути Фанелли встретился с художником Жозепом Луи Пелиссером и Фенье, двоюродным братом Рафаэля Фарга Пелиссера. В конце своей жизни, пишет Мюррей Букчин, Фанелли, пользуясь депутатской льготой, ездил на поезде в деревни и пропагандировал социальную революцию итальянским крестьянам, при этом ночуя в поездах. Дружба Бакунина с итальянскими депутатами Фанелли и Фришиа стала поводом для марксистов упрекать Бакунина в лицемерии, когда тот утверждал «отрицание политики».

Саверио Фрисчия/Фришиа (Frischia, 1813-1886) – врач-гомеопат. Сначала был фурьеристом, затем стал масоном и участвовал в заговоре против Бурбонов на Сицилии в 1848 году, организовал восстание в Шакке. После восстания колебался между унитаризмом мадзинизма и федерализмом Карло Каттанео. Познакомился с теориями Прудона в Париже в 1850е. В 1861 году стал депутатом, коим был в течении 7 депутатских сроков. Переехав в Неаполь был мадзинистом, но после прибытия Бакунина в Италию быстро воспринял анархистские идеи, став его соратником. Автор статьи «Мадзини и Интернационал», помещенное как приложение к опубликованному в итальянских газетах «Ответу одного интернационалиста Мадзини». Участвуя в массонской ложе, распространяет там анархистские идеи. Став анархистом, тот не перестает быть депутатом, но меньше участвует в парламентской работе. Участвовал в конгрессе итальянских секций в Римини в 1872 году. В середине 1870-х постепенно

склоняется к умеренным позициям. Поддерживает левые партии в правительстве. В 1882 году перестает быть депутатом. Фришиа умирает в 1886 году.

Альберто Туччи (около 1840 и после 1885) – адвокат. Бакунин писал «Вам, Альберто, как человеку закона, предстоит важная задача. Мы должны организовать защиту наших братьев не только на баррикадах, но и в судах. Нам нужна легальная крепость, чтобы противостоять их [мадзинистов] фанатизму», «Доверяйте Туччи во всем, что касается организации в Кампании. Его хладнокровие и преданность делу проверены временем». «Мой дорогой Туччи, вы слишком адвокат и слишком мало варвар. В Италии сейчас не время для кодексов, время для факелов. Оставьте ваши мечты о легальных ассоциациях – государство сожрет их. Только тайный Альянс и народный бунт спасут нас». Историк Мазини писал «Альберто Туччи был мозгом неаполитанской группы Интернационала. В то время как другие жаждали баррикад, Туччи выстраивал логику антиавторитарного социализма, делая её понятной для образованных классов и адвокатуры юга Италии». Неттлау «Туччи и Гамбуцци были первыми ”итальянскими бакунистами” в полном смысле этого слова. Именно через них Бакунин транслировал свои идеи в Неаполе, превращая вчерашних мадзинистов в убежденных интернационалистов». Альберто Туччи спорил с Бакуниным по поводу парламентаризма, в то время как Туччи хотел использовать парламент для защиты рабочих, Бакунин резко того критиковал за это. В дальнейшем Туччи обеспечивал юридическую защиту анархистам, попавшим под руку государству.

Карло Гамбуцци (1837-1902) – адвокат, политический заключенный в Неаполе при Бурбонах, друг Гарибальди. Входил с 1864 в организованное Бакуниным в Неаполе «Интернациональное братство». В 1866 боролся вместе с Гарибальди, Фанелли и другими в Тироле. Был затем деятельнейшим членом неаполитанского революционного общества «Liberté e Giustizia», в чьей газете также участвовал. Участвовал в Женевском конгрессе Лиги мира и свободы (1867) и был избран в ее Центральный комитет. В 1868 был одним из основателей «Альянса социалистической демократии» Бакунина. В октябре того же года Гамбуцци вступил в женеvскую секцию Интернационала. В январе 1869 организовал в Неаполе первую итальянскую секцию Интернационала; в это же время работал в органе романской федерации «Égalité». В этом же году, скорее всего, он основал новую газету Eguaglianza, которая заменила подавленную «Liberté e Giustizia». После подавления Парижской Коммуны он отошел от анархизма в сторону социализма и создал мадзинистский социалистический комитет. После запрета неаполитанской секции Интернационала, Гамбуцци и Карло Кафьеро восстали в ее как неаполитанскую рабочую федерацию. А в январе 1872 года основали газету этой федерации – La Comuna, прожившей только два месяца. Занимался просвещением женщин из рабочего класса. Был посредником между Бакуниным и Малатестой и поддерживал связь с Генеральным Советом Интернационала. Его обвиняли в коррупции и буржуазной деятельности, и даже в поддержке Бурбонов, тем не менее это не помешало ему продолжать деятельность, которая завершилась восстановлением южноитальянской секции Интернационала и агитацией за восстание в регионе. Гамбуцци часто поддерживал Бакунина материально, к нему адресовано много писем Бакунина; после смерти Бакунина Гамбуцци женился на его вдове. Подавление восстания в Беневенто в 1877 году усложнило деятельность Гамбуцци, чьи попытки реорганизовать рабочее движение вокруг его кружка со-

циальных исследований не увенчались успехом. Озлобленный, он стал нападать на республиканцев и мадзинистов, на выборах 1882 года баллотировался в крайне левые кандидаты. В 1880е годы продолжал нападать на мадзинистов и организовывать неаполитанское рабочее движение через свою газету «Gazzetta di Napoli». Он часто критиковал чиновничью коррупцию и призывал к моральной реабилитации Неаполя путем смены политической системы. После суда за его радикальные речи, 30 апреля 1902 года Гамбуцци умер.

Андреа Коста (1851-1910) – еще в студенческие годы стал сторонником Бакунина и членом Интернационала. В августе 1872 года Коста председательствовал в рабочем конгрессе в Римини, где делегаты поддержали антиавторитарный Интернационал против марксистского, через месяц участвовал в Конгрессе Антиавторитарного Интернационала в Сент-Имье как итальянский делегат. В 1872 году он основал газеты Fascio Operaio и Il Martello. Под влиянием Косты анархизм быстро распространился по всей Романье. Финансовый кризис 1873 года сильно ударил по Италии, ввиду чего Коста стал участником неудавшегося восстания в Болонье в 1874 году. Власти арестовали Косту еще до того, как повстанцы мобилизовались. Отсидев почти 2 года, его выпустили из тюрьмы. Поражение болонского восстания сильно ударило по взглядам Косты. Многие товарищи критиковали его за чрезмерный революционный оптимизм, который привел его к разочарованию в перспективах революционных изменений через заговор и восстание, приведшая его в итоге к реформизму. Андреа Коста стал автором «пропаганды действием», которую он разработал летом 1877 года в юрской федерации. В этом же году он отказался участвовать в восстании в Беневенто, организованное Кафьеро, однако ждал исхода восстания, чтобы принять меры. После подавления бунта в Беневенто, бежал от репрессий в Швейцарию. К этому времени он искал срединный путь между революционным (анархизм) и реформистским социализмом. Женившись на Анне Кулишове, он в августе 1879 года опубликовал открытое письмо «Моим друзьям в Романье» где публично объявил о пересмотре взглядов в сторону реформизма, это письмо заставило многих анархистов Романьи последовать его примеру. За это «отступничество» Карло Кафьеро публично угрожал тому смертью. Впоследствии примкнул к итальянским социалистам-реформистам, благодаря коим стал первым избранным депутатом-социалистом в итальянском парламенте. В 1892 году был на конгрессе при основании Итальянской Социалистической Партии, хотя вступил в нее только через год. Его гуманистический социализм не соответствовал преобладающим марксистским взглядам политиков среднего класса новой партии. В 1906 году Коста председательствовал на римском съезде партии, где ему пришлось неоднократно требовать порядка во время выступления революционного синдикалиста Артура Лабриолы. Снова став депутатом в 1909 году, через год Коста умер. Сторонник Андреа Косты некто Алессандро Муссолини решил назвать одного из своих сыновей в честь Андреа Косты, дав имя тому Бенито Амилькаре Андреа Муссолини, где также «Амилькаре» отсылало к Амилькаре Чиприани. Бенито Муссолини – впоследствии фашистский диктатор Италии.

Людовик Набруцци (1846-1916) – бывший мадзинист, затем социалист, один из соратников Бакунина, которому тот адресовал весьма длинные письма от 3 и 23 января 1873 года о том, как противостоять Марксу. При поддержке Бакунина Набруцци, Черетти, Андреа Коста и другие организовали 17 марта 1872 в Болонье конференцию,

на которой были представлены большинство секций Интернационала Романьи. Конгресс отверг идеи Мадзини и фактически встал на бакунинскую точку зрения – он отказался от участия в выборах и отверг социальные реформы после установления республики. В июне 1872 Набруцци гостил у Бакунина. 4-6 августа в Римини состоялся конгресс всех итальянских секций Интернационала, в которой Набруцци был избран вице-председателем конгресса. В сентябре 1872 года он встретился с Бакуниным в Цюрихе, где присоединился к интернациональному союзу социальных революционеров. Участвовал в первом конгрессе антиавторитарного Интернационала в Сент-Имье. Обстановка в Болонье обострялась, арестовывались члены Интернационала, Набруцци укрылся в Локарно у Бакунина, возможно, на вилле Бароната. Затем Набруцци начал заниматься писательством, работал на газету *Il Repubblicano*, вместе с Тито Цанарделли был одним из главных редакторов *Agitatore*. Они оба издали свой «*Almanacco del proletario per l'anno 1876*», в котором критиковали болонское восстание 1874 года. Набруцци отдалился от Бакунина и Карло Кафьеро в это время, и они, с Цанарделли, Жозефом Фавром и Бенуа Малом основали секцию Интернационала озера Лугано. Они отвергали восстания, а вместо них поддерживали эволюционные решения и поддерживали профсоюзы. С приходом к власти консерваторов в Лугано в 1877 году, Набруцци пришлось переехать во Францию, где он с Цанарделли работали на химчистке. В 1878 году он вместе с Андреа Коста и Анной Кулишовой были арестованы на демонстрации в память о Парижской Коммуне и был выслан из Франции. В декабре 1880 года он участвовал в Конгрессе в Кьяссо с манифестом, написанным Цанарделли и предложенным Амилькаре Чиприани, в котором они вернулись к своей прежней позиции по поддержке восстания в Италии. После переехал в Равенну, где работал писателем и муниципальным служащим, а также вновь стал вращаться в анархистских кругах. В 1886 году власти отказали ему в проведении митинга в поддержку Чиприани, а в следующем году он подписал манифест, призывающий к революционным действиям. Он продолжал активно участвовать в собраниях и конференциях, распространять брошюры и газеты, что часто приводило к проблемам с законом. Умер Набруцци в возрасте 69 лет в Равенне в 1916 году.

Тито Цанарделли (Zanardelli, 1848-?) – бывший мадзинист, затем в 1871 году вступил в Интернационал и начал редактировать газету *Il Motto d'ordine*, в январе 1872 года он стал одним из основателей газеты *La Campana*, сторонницы Интернационала, участвовал в конгрессе в Римини 1872 года, переехав в Венецию, он основал вместе с Пьетро Магри местную федерацию рабочих. Цанарделли в 1873 году подготовил альманах, в котором он дал биографии выдающихся членов Интернационала, также дал биографии многих коммунаров в газете *La Plèbe* в 1873-1876 годах. Участвовал в конгрессе североитальянской секции Интернационала в Болонье в 1873 году, где был избран в комиссию по пропаганде. Вернувшись в Рим, он стал активно организовывать строителей. Был арестован, освободившись уехал в Швейцарию, где участвовал в конференции Всеобщей Лиги рабочих гильдий, с Набруцци редактировал газету *Agitatore*. Где-то с 1875 года он начал тяготеть к реформизму вместе с Бенуа Малом, Набруцци, Жозефом Фавром. В 1876 году на конференции его луганской секции Цанарделли высказался за избирательную борьбу. Позже в 1876 году, переехав в Париж, вступил в круг Андреа Косты. Занимался продвижением реформизма, пока его не выслали из Франции, он переехал в Лондон. 3 ноября 1879

года он выступил на немецком митинге против ареста в Германии анархистов Just и Кауфманна. Иоганн Мост выступил на том же митинге. Выпустил «Революционный социалистический бюллетень». Затем тайно вернулся в Париж, где присоединился к группе Амилькаре Чиприани. В 1880 году участвовал в конгрессе североитальянской секции в Кьяссо, где поддержал иллегалистскую позицию Карло Кафьеро, однако его начали подозревать как агента-provokatora. Вернувшись во Францию, участвовал в конференциях. Поддержал кандидатуру Чиприани, который в то время находился в итальянской тюрьме – полит-узники могли победить на выборах и, став депутатами, тем самым освободиться. Обвинялся в сотрудничестве с полицией. Под конец жизни Цанарделли переехал в Брюссель и ушел из политики, став профессором, занимался филологией и лингвистикой. В это же время он написал множество работ. Умер после 1913 года.

Кармело Паладино (1842-1886) – из обеспеченной семьи землевладельцев из Апулии, один из лидеров неаполитанской секции Интернационала. Именно благодаря ему молодой студент-медик Малатеста в 1871 году увлекся идеями Парижской коммуны и примкнул к анархистам. Принадлежал к кругу «верных бакунистов», организовывал секции Интернационала, противодействуя влиянию Мадзини и Маркса. Осудил Андреа Косту за отход от анархизма. В 1880-х отошел от движения и вернулся в родной город Каньяно-Варано, где работал адвокатом. Его рукописи и личные архивы семьей скрывались долгое время из-за преследований полиции. Только спустя десятилетия эти документы стали доступны историкам, что позволило восстановить его роль как одного из отцов итальянского анархизма. Малатеста называл Паладино своим первым учителем, открывшим ему путь в революцию.

Лудовико Мазотти (Ludovico Mazzotti) – о нем известно лишь косвенно (по биографии Малатесты), однако, можно сказать, что он принадлежал к кругу первых бакунистов Италии в Неаполе. Выходец из Романьи, примкнул к бакунистам и деятельно участвовал в рабочем движении (1872-1873). Организовывал Итальянские секции Интернационала, участвовал в Болонском восстании. Упоминается как преданный бакунист, участник Альянса, Мазотти поручались деликатные миссии по связи между различными ячейками в Неаполе, Риме и Болонье. Стал сторонником «пропаганды действием». После неудачи Болонского восстания Мазотти арестован, однако, после знаменитого процесса, оправдан присяжными. В дальнейшем отошел от активной деятельности, сосредоточившись на поддержке товарищей и сохранении традиций бакунинского движения.

Франческо Пиччинили (Пиччинелли) – о нем известно крайне мало. Молодой итальянский революционер, чья гибель в марте 1872 года стала символом окончательного разрыва между бакунистами и мадзинистами (многие бакунисты были бывшими мадзинистами) и убеждения в том, что мадзинизм окончательно стал реакционной силой. Пиччинелли, возможно, был пропагандистом Интернационала, который переманивал рабочих из мадзинистских обществ в общества Интернационала. Упоминается, что Пиччинелли был убит за то, что на собрании рабочих открыто выступил против программы Мадзини, назвав ее «буржуазной ловушкой», – после собрания его подстерегла и зарезала группа мадзинистов. Пиччинелли стал первым мучеником движения. На Конгрессе в Римини в августе 1872 года этот случай использовался как доказательство морального разложения республиканской (мадзи-

нистской) партии. Возможно, смерть Пиччинелли подтолкнуло многих итальянских анархистов (таких как Малатеста и Андреа Коста) к поддержке идеи пропаганды действием. По сведениям историка Пьера Карло Мазини похороны Пиччинелли превратились в демонстрацию силы бакунистов (на чем настаивали Бакунин и Туччи, в то время как Набруцци хотел вендетты) – впервые на улицах Болоньи гроб сопровождали не религиозные символы, а знамена Интернационала. Бакунисты перехватили симпатии рабочих из мадзинистских обществ взаимопомощи, используя трагедию как символ классовой борьбы. Гроб Пиччинели несли Набруцци, Черретти и Эрмилио Понти (активист рабочего движения Болоньи, участник восстания 1874 года в Болонье). Набруцци написал Бакунину: «Смерть нашего бедного Пиччинелли не напугала друзей, а, напротив, разожгла в них пламя негодования. Молодежь Болоньи и всей Романьи теперь окончательно пробудилась и готова к решительному действию. Они поняли, что мадзинизм – это труп, который пытается жалить живых. Мы более не верим в слова, мы ждем только сигнала, чтобы доказать делу Интернационала нашу верность до гроба». Эти слова стали прологом к участию Бакунина в Болонском восстании.

Стефано Серантони (1864/65-1892) – рабочий анархист-индивидуалист (в смысле тактики прямого действия и отсутствия четкой дисциплины), член группы анархистов в Масса-Ломбарде сторонник пропаганды действием. Представитель «второго поколения» итальянских анархистов. Малатеста описывал Серантони как «голос Романьи» и такого же мученика как и Пиччинелли. Из донесений полиции: «В Масса-Ломбарда закон государства заменен волей анархистских вожakov. Серантони и его клика создали там своего рода «государство в государстве», где рабочие подчиняются только решениям своих союзов и презирают карабинеров. Это настоящая анархистская республика, бросающая вызов монархии». Погиб в тюрьме или в стычке с полицией во время репрессий правительства Криспи. С Бакуниным не был лично знаком, здесь приведен, потому что упоминается Арборе Ралли.

Паоло Натта (1845/1848-1889/1890е) – активный член неаполитанской секции (1872) и участник событий 1877 года (восстание в Беневенто банды Матезе). Один из «незаметных» бойцов Интернационала. «Паоло Натта, один из наиболее ревностных пропагандистов секции интернационала Неаполя, неоднократно замечен в распространении запрещенных прокламаций, призывающих крестьян к экспроприации земель и сожжению муниципальных архивов». (Processo degli Internazionalisti di Benevento, 1878). «В то время как Бакунин из Локарно направлял идеологические потоки, такие люди, как Паоло Натта, выполняли черную работу на местах. Он был среди тех, кто верил, что искра восстания на юге [Италии] зажжет пламя по всей стране. Его преданность делу была абсолютной, а его связи среди неаполитанских ремесленников делали его незаменимым для Малатесты». (*Storia degli anarchici italiani da Bakunin a Malatesta*, Masini, 1969, p. 112) «Паоло Натта сочетал в себе бакунинский темперамент с практицизмом неаполитанского заговорщика. Он принадлежал к тому кругу молодых интеллектуалов и рабочих, которые первыми порвали с Мадзини, чтобы встать под черное знамя анархии» (Dizionario Biografico). Упоминается, что Натта был связным между центральным комитетом в Неаполе и рабочими ячейками в провинции (Бари – среди портовых рабочих, в Фодже, в Таранто – среди молодежи, которую тот привлекал в Альянс, в Барлетте). Он передавал инструкции

по созданию тайных складов оружия и безопасных маршрутов для перемещения активистов между Кампанией и Апулией. Натта организовывал союзы батраков (Лиги сопротивления). После Беневенто Натта возможно бежал в Швейцарию или Францию и жил под псевдонимом «Напполитано».

Эдоардо Перино (1845-1895) – фанатичный сторонник свободы прессы, издатель революционной и антиклерикальной литературы в Риме, издавал копеечные листочки в тесном сотрудничестве с Малатестой. «Перино совершил в Риме настоящую революцию, прежде чем сама революция успела выйти на улицы. Своими копеечными листочками он вырвал народ из лап поповского мракобесия. Анархисты всегда находили в его лавке на Via del Lavatore (Жизнь рабочего) оружие более острое, чем кинжал, – печатное слово, понятное каждому батраку» – так писал о нем Малатеста. Схема работы легально-подпольной типографии была следующая: днем печаталась легальная литература, а ночью в типографию приходили анархисты и печатали свои брошюры либо бесплатно, либо по себестоимости, по утрам они вывозились под видом макулатуры.

Антонио Кастелари (Castellari) – «душа интернационалистов Имолы». В 1874 году, когда готовилось восстание, его дом стал перевалочным пунктом для оружия и людей. Он принадлежал к той породе бакунистов, которые не знали компромиссов. Из донесений полиции: «Семья Кастелари превратила Имолу в очаг перманентной заразы. Антонио и его брат Винченцо пользуются безграничным авторитетом среди местной молодежи и рабочих. Они проповедуют самые крайние доктрины Бакунина, призывая к немедленному разрушению всех государственных институтов и захвату земель». В 1874 году, когда восстание в Болонье провалилось и Бакунин был вынужден бежать, переодевшись священником, именно группы из Имолы, возглавляемые такими людьми, как Кастелари, должны были «поджечь» провинцию. Их арестовали одними из первых, и на знаменитом процессе 1876 года они вели себя крайне дерзко, отказываясь признавать полномочия судей. Бакунин называл друзей из Имолы «людьми из стали», «нашим арсеналом» в грядущем болонском восстании, противопоставляя их излишне философствующим неаполитанцам. Из круга Винченцо и Антонио Кастелари вышел Андреа Коста.

Русские друзья Бакунина

Варфоломей Александрович Зайцев (1842-1882) – публицист, известный нигилист 1860-х. Современники нередко сравнивали его с Анри Рошфором. Из семьи чиновника. В 1863-1865 годах один из деятельнейших сотрудников «Русского слова», создал себе на короткое время известность «отрицанием эстетики» и резкими выходками против признанных авторитетов. Один из застрельщиков скандальной полемики между «Русским словом» и «Современником», более известную как «Раскол в нигилистах». Вульгарный материалист в вопросах эстетики и морали. Человек искренний, эрудированный, но часто попадал впросак перед публикой, говоря о сложных вопросах. Женился в 1865 году на Елене Евграфовне Кутузовой, сестре Олимпиады Кутузовой, революционерке-народнице и жене Карло Кафьери. В том

же году из-за конфликта с главным редактором ушел из «Русского слова». После покушения Каракозова был арестован и посажен в Петропавловскую крепость на несколько месяцев. В 1869 году, не имея возможности публиковаться в России, уехал за границу, где зарабатывал на жизнь уроками, лекциями, переводами. Бедствовал. В эмиграции сблизился с бакунистами. В 1870-1871 годах жил в Турине, где организовал первую итальянскую секцию Интернационала, поддерживал Бакунина в борьбе против Маркса и власти Генерального Совета. С 1871 года жил вместе с Бакуниным в Локарно, о чем Ралли напишет далее. В дальнейшем много публиковался в эмигрантских изданиях, а также иногда и в легальных российских. В Советском союзе его взгляды были охарактеризованы таким образом: «вульгарнейший материалист в философии, невежда в науке, расист в социологии, вандал в эстетике, дикий анархист в политике, противник демократии в общественной жизни, абсолютный деспот в смысле нетерпимости к инакомыслящим, грязный клеветник по отношению к тем, которые ему в чем-либо оказались неприятными».

Михаил Петрович Сажин – Арман Росс (1845-1934) – из мещанской семьи, в 1864-66 годах принадлежал к кружку артиллерийских офицеров и к институтскому кружку самообразования. Разыскивался полицией в 1866 году по делу Каракозова (покушение на царя) из-за своей связи с И. А. Худяковым, который тогда сблизился с бывшими участниками «Земли и Воли» и с Герценым и Огаревым за границей, а также участвовал в создании Ишутинской организации. В 1867 году Сажин принял участие в студенческих волнениях, за что в 1868 году исключен из института, арестован и выслан в Вологду. Летом 1869 года бежал из Вологды в сторону австрийской границы. Оттуда перебрался в США, где жил под фамилией Армана Росса, работал на заводах в разных городах и пытался организовать русскую колонию. В мае 1870 года был вызван С. Г. Нечаевым в Женеву, куда приехал в июне 1870 и некоторое время работал с ним. Здесь познакомился с Бакуниным и стал его личным секретарем и одним из ближайших товарищей. В конце лета 1870 года переехал в Цюрих, где был первым организатором русской колонии, в которой играл выдающуюся роль – вел пропаганду бакунизма среди учащейся русской молодежи, организовал кружок и библиотеку русских студентов. В октябре 1870 года принимал участие в восстании в Лионе вместе с Бакуниным. По получении известий в марте 1871 года об образовании Парижской Коммуны, выехал в начале апреля в Париж, где принял участие в обороне и оставался в Париже до конца Коммуны. Скрывался в дни ее подавления у Г. Н. Вырубова (известный философ и ученый-позитивист). 2 июня 1871 года выехал в Цюрих, чуть позже вошел в Юрскую Федерацию Первого Интернационала и принимал активное участие в конгрессах Интернационала. В 1872 году принят в члены тайного бакунинского Альянса. Вместе с другими русскими бакунистами организовывал печать революционной литературы: Государственности и Анархии, Исторического Развития Интернационала и Анархии по Прудону. В конце 1873 года организовал транспортировку запрещенных книг в Россию. Летом и осенью 1874 года жил у Бакунина в Локарно и принимал деятельное участие в итальянском революционном движении (возможно, из-за ухода кружка бакунистов Ралли, Эльсница, Гольштейна и других), в августе 1875 года принял участие в Герцеговинском восстании и до конца 1875 года был добровольцем в иностранном легионе. Вернувшись в конце 1875 года в Женеву, вместе с С. Кравчинским, Г. Лопатиным,

Д. Клеменцом, выработал план восстания в России, в частности, на Урале. С этой целью отправился нелегально в марте 1876 года в Россию. Арестован 24 апреля 1876 года на границе с подложным паспортом. Стал фигурантом процесса 193-х (Дело о пропаганде в Империи). В январе 1878 года признан виновным в ввозе из-за границы запрещенных сочинений и приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на заводах на пять лет. После трех лет этапов по разным тюрьмам оказался в 1881 году в Иркутске, откуда был поселен в (тогда еще) село Култук, а оттуда позднее в Киренск, там женился на Евгении Фигнер, сестре знаменитой народоволки Веры Фигнер. В 1886 году переведен в Балаганск, через год уже в селе Малышовке (Балаганский округ). Поступил на службу в контору по пароходству по Байкалу. В первой половине 1890-х жил в Ниманских золотых приисках Якутии, где был управляющим приисков. Получив право жить в западной Сибири, переехал в Тюмень, где работал в пароходстве. В 1900 году поселился в Риге, затем в Нижнем Новгороде, где работал в пароходстве компании «Надежда». В 1905 году принимал участие в революционном движении в Нижнем Новгороде. С 1906 по 1916 год жил в Петербурге, где был заведующим хозяйственной частью народнического журнала «Русское Богатство». Был избран казначеем Шлиссельбургского комитета по помощи бывшим политическим узникам Шлиссельбурга. С 1917 по 1920 год жил на Северном Кавказе в Грозном, где на нефтепромыслах работал сын. В июне 1920 года переехал в Москву. Член Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. За заслуги перед народом Совнарком РСФСР постановил выплачивать ему пожизненную персональную пенсию. Имел четырех сыновей. Написал несколько статей своих воспоминаний. Похоронен в Новодевичьем кладбище в Москве.

Николай Иванович Жуковский (1833-1895) – участник революционных кружков в Петербурге в 1861-62 годах, выехал в Россию в 1862, избежав тем самым ареста, где сблизился с кружком Колокола. Лишен всех прав состояния – Жуковский был дворянином. В 1863-64 году жил в Дрездене, где организовывал транспортировку революционной литературы. Участвовал в выпуске журнала «Народное Дело» вместе с Бакуниным. В 1868-1869 участник Альянса Бакунина, в 1869 году вступил в Интернационал, из которого вышел в 1872 в солидарность с исключением Бакунина. Сотрудничал в газете «Работник», был редактором журнала «Община».

Михаил Константинович Элпидин (1835-1908) – революционер и издатель газет «Народное дело», «Общее дело», «Община», член Интернационала. В Казани в 1860 году участвовал в революционных кружках студентов, за что был выслан на малую родину. В 1863 году по делу о Казанском заговоре приговорен к каторге, в 1865 году совершил побег из тюрьмы и оказался в Швейцарии. В 1885 году завербован в агенты полиции Российской Империи, но в 1900 году от его услуг отказались, из-за неудовлетворительных результатов. Возможно, тот был двойным агентом. В любом случае, полученные от полиции деньги тот направлял на издательство революционной литературы.

Лев Ильич Мечников (1838-1888) – швейцарский географ, революционер-анархист и публицист. Научные работы писал на французском, публицистические на русском и итальянском. Старший брат физиолога и лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова. Весьма образованный человек. Оказался за границей в рамках службы в Русском обществе пароходства и торговли. В 1860 году Гарибальди

высадился на Сицилии и Мечников выступил с инициативой создать ему в помощь Славянский легион, после чего стал известен австрийской полиции и бежал во Флоренцию, где вступил во вспомогательный отряд гарибальдийцев и высадился в Сицилии, участвовал в битве при Вольтурно севернее Неаполя 1 октября 1860 года, где был ранен. В дальнейшем жил в Сиене в Тоскане, затем во Флоренции. Издавал газету «Бич» – Flegello. О событиях в Италии написал «Записки гарибальдийца». Выслан из Италии за свою политическую деятельность, поселился в Женеве, там сотрудничал с Бакуниным, Герценом, Огаревым, Реклю, Адольфом Асси и другими. Там же стал сторонником Бакунина и анархистом. Помогал участникам Парижской Коммуны, участвовал в подготовке Гаагского конгресса, проводя в Испании и Франции агитацию в пользу Альянса социалистической демократии. В конце 1860-х и начале 1870-х много путешествует и пишет об этом. В 1874 году попадает в Японию (Токио) на два года, предварительно изучив японский язык и историю. Там преподает в Токийской школе иностранных языков. В 1876 году возвращается в Женеву. За последующие пять лет издал множество научно-географических и публицистических статей, выпустил 700 страничную книгу о Японии «L'Empire Japonais», в книге предложил и реализовал революционную для географии и этнографии принцип «страна – народ – история». Тогда же приступил к работе секретаря издаваемой Элизе Реклю 19-томной «Nouvelle Geographie Universelle» («Новая всемирная география». В русском издании 1876-1884 годов – «Земля и люди. Всеобщая география»). В это же время пишет главный труд своей жизни – книгу «Цивилизация и великие исторические реки». В её основе – устройство общества и освоение им географической среды. Согласно теории Мечникова, подневольные союзы людей могут освоить только исторические реки (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ), подчинённые – уже средиземные моря, и только свободные – океаны. Основа же общественного устройства – способность его членов к солидарности. Похоронен на кладбище в швейцарском Кларансе. Могила упразднена. На русском языке книга «Цивилизация и великие исторические реки» издавалась 6 раз. Первый перевод, М. Д. Гродецкого, вышел в 1898 году, переиздавался в 1899-м и после 1914 года, второй, Н. А. Критской, выходил в 1924, 1995 и 2013 годах. В честь Льва Мечникова названа горная вершина в Антарктиде (открыта и нанесена на карту в 1961 году, название присвоено в 1966 году), в 2013 году к 175-летию со дня рождения Л. И. Мечникова Почтой России выпущен художественный маркированный конверт. К сожалению, Мечников, несмотря на свои явно бакунистские взгляды на историю и географию (человечество от рабства и деспотии постепенно идет к полной свободе), стал «отцом» русской версии «геополитики».

Александр Леонтьевич (Людвигович) Эльсниц (1849-1907) (псевдонимы: А. М.; А. Э.; Леонтьев А.; М.; Москвин А.) – дворянин, состоя студентом Московского университета, участвовал в студенческих волнениях 1869 года, за что был выслан в Ярославскую губернию, в том же году за причастность к нечаевской «Народной Расправе» был привлечен к ответственности. В 1871 году бежал за границу, где примкнул к бакунистам; в 1875-1876 годах участвовал в редакции газеты «Работник». Отходит от революционной деятельности, решив закончить свое медицинское образование (Эльсниц эмигрировал скорее всего на 4-м курсе). Поступил на медицинский факуль-

тет в Женеве, сдает докторский экзамен в Париже и поселяется врачом в деревне, где в течение нескольких лет имел широкую практику среди крестьян. В середине 1880-х годов он устраивается в Ницце, приобретает расположение проживающих там русских, становится любимым и уважаемым членом всей русской колонии. Умирает в Ницце.

Владимир Августович Гольштейн (Гольштейн, 1847-1917) – уроженец города Касимов, из дворян Гродненской губернии. Студентом 4-го курса медфака Московского университета принял участие в «полунинской» истории, за что исключен на два года из университета. Сблизился с московскими нечаевцами (Прыжов, Пирамидов, Эльсниц и другие), намереваясь организовать в университете нечаевские кружки наподобие организованных в Петровской академии. Как лицо, виновное в возбуждении студенческих волнений, выслан в Гродненскую губернию под надзором. Арестован в феврале 1870 года по нечаевскому делу. Освобожден в мае под денежное поручительство. В начале 1871 года состоял участником «Общества самообразования и практической деятельности», посещал собрания Карпова. Получив в июне 1871-го копию обвинительного акта по нечаевскому делу, бежал за границу вместе со Смирновым и Эльсницем. За границей был близок с Нечаевым, а после его ареста сблизился с Бакуниным. Все состояние употребил на революционное дело. Посещал в Цюрихе лекции по медицинскому факультету и 25 февраля 1874 года защитил диссертацию. Позднее был членом редакции газеты «Работник», сотрудничал в «Вольном Слове». С начала 1880-х отошел от политической деятельности (возможно, из-за рождения второго ребенка). Умер в Нёйи-сюр-Сен во Франции, похоронен в Париже.

Французские друзья Бакунина

Андре Бастелика (1845-1884) – родился на Корсике, член Интернационала (1867) через Марсельскую Секцию, также участник Парижской Коммуны. Оратор и автор многих статей в газетах Интернационала. Благодаря его деятельности секция увеличилась, создано около 20 новых профсоюзов. Далее его деятельностью было охвачено почти все южное побережье Франции (от Монпелье до границ с Италией), где к Интернационалу присоединилось множество рабочих обществ. Преследуемый за членство в Интернационале эмигрирует в Испанию в мае 1870 года, где в июне участвует в барселонском конгрессе Испанской федерации Интернационала. После переворота в сентябре возвращается в Марсель, где тогда секция Интернационала насчитывала 4-5 тысяч членов. На митинге призвал к организации Лиги Юга под руководством Альфонса Эскироса (левого губернатора) и сопротивлению прусскому вторжению. 17 сентября он уже в Лионе вместе с Бакуниным организует ЦК спасения Франции и участвует 28 сентября в захвате ратуши. Помог Бакунину бежать в Марсель, а затем в Геную. Довольно сдержанно участвовал в революционной коммуне Марселя (1 ноября 1870, быстро подавлена) из-за боязни ответственности, по словам Алерини. В начале марта прибывает в Париж, после провозглашения Коммуны его назначают директором по косвенным налогам. Не смог удержать форт Исси, за что просит предстать перед судом. Его заключают в тюрьму, однако во время кровавой недели (21-28 мая) он снова на баррикадах. Тяжело раненный он сумел избежать репрессий и

бежал в Лондон, где был назначен в Генеральный Совет Интернационала. Участвовал как делегат в Лондонской конференции (17-23 сентября 1871) – предтеча Гаагского конгресса. Ансельмо Лоренцо в своей книге «El proletariado militante» пишет о нем, что он проявил весьма мало мужества перед лицом атак марксистов на бакунистов. В октябре 1871 года переезжает в Невшатель и устраивается в типографию Гильома. В феврале 1872 марксисты обвиняют его вместе с Альбером Ришаром и Гаспаром Бланом, бывших членов Альянса, которые перешли на сторону бонапартистов, в том, что тот был с ними заодно. Эти обвинения были клеветой, однако, сбитый толку раздорами внутри Интернационала, начал политическую эволюцию, которая привела его к тому, что летом 1873 года он тоже присоединился к бонапартистам. Помилован в 1879 и вернулся.

Шарль Алерини (1842-после 1877) – французский революционный анархист, участник Интернационала. Родился в Бастии на Корсике, стал учителем в Марселе, а затем в Барселонетте на юге Франции. Он стал членом, а затем секретарем-корреспондентом Барселонеттской секции Интернационала, что привело его к отстранению от работы и аресту в апреле 1870 года. Переехав в Марсель, он стал директором газеты «Rappel de Provence». Тесно сотрудничал со своим земляком Бастеликой. 20 мая этого года был арестован за членство в тайном обществе (Интернационале). Он принимал участие в захвате ратуши и организации Марсельской коммуны 8 августа 1870 года вместе с Гастоном Кремье, Комбом и Матероном. После поражения Марсельской коммуны он был заключен в тюрьму, но освобожден 4 сентября с провозглашения Республики. В октябре 1870 года Бакунин скрывался в Марселе из-за неудачного восстания Лионской коммуны, благодаря чему Алерини познакомился с Бакуниным и стал членом революционной группы, основанной Бакуниным. Когда Бакунину начал грозить арест, Алерини сыграл важную роль в его побеге. Алерини входил в состав Повстанческой департаментской комиссии во время революционных событий в марте 1871 года в Марселе (повторное провозглашение Марсельской коммуны с 22 марта по 5 апреля). Деятельный, энергичный и умный, он использовал все свои знания на пользу Интернационала во время Марсельской коммуны, организуя вооруженное сопротивление, реквизируя винтовки и боеприпасы и принимая одно из самых активных ролей во всех актах восстания. 4 апреля он был одним из последних, кто покинул префектуру. После поражения Марсельской коммуны ему удалось бежать в Испанию в апреле 1871 года, где он продолжал свою деятельность. Примерно в декабре 1871 года он вошел в бакунинский Альянс Социалистической Демократии и активно участвовал в его деятельности. Вместе с Полем Бруссом, Камилем Каме и другими в Барселоне он основал «Комитет революционной социалистической пропаганды Южной Франции» (о которой Бакунин упоминает в «Государственности и Анархии»), который в 1873 году издавал газету «La Solidarité Révolutionnaire» (10 выпусков с июня по сентябрь) с явной анархистской программой. Эта группа стремилась восстановить революционное движение на юге Франции и начать восстание, но вскоре Брусс переехал в Швейцарию, а Каме вернулся во Францию, что привело к прекращению выпуска газеты. Шарль Алерини был делегатом Испанской федерации на Конгрессе Интернационала в Гааге, где подписал декларацию меньшинства, выдвинутую бакунистами. По пути в Гаагу он сделал остановку в Витории, чтобы передать письмо

Бакунина к испанскому революционеру Ансельмо Лоренцо. Затем участвовал в антиавторитарном конгрессе в Сент-Имье, где был одним из его трех секретарей. 30 мая 1873 года был исключен из (авторитарного) Интернационала Генеральным Советом. Участвовал в Женевском конгрессе (6-м конгрессе антиавторитарного Интернационала) в сентября 1873 года, вместе с Жаном Луи Пэнди, Монтельсом и Перраром. После конгресса посетил Бакунина в Берне вместе с Пэнди, Бруссом и испанцами Фарга Пелиссером и Виньясом. Алерини вернулся в Испанию, где активно участвовал в деятельности Центра рабочих обществ. Революционные события того лета (Нефтянная революция рабочих в Алькое в июле 1873 года) привели к заключению Алерини в тюрьму в Кадисе. Бакунин очень хотел, чтобы Алерини бежал из тюрьмы, для этого он попросил Малатесту помочь ему в этом. Он помнил, какую огромную помощь Алерини оказал Бакунину во время побега из Марселя. Малатеста описывает это дело следующим образом – Местные товарищи в Кадисе сочли побег легким. Малатеста быстро вошел в тюрьму, не как заключенный, а как гость (так быстро, как попадают в гостиницу), он провел весь день с Алерини и 30-40 товарищами из Картахены, Алькоя и Кадиса. Малатеста смело попросил главного надзирателя разрешить Алерини прогуляться с ним по городу. Аргументом была взятка, и на следующий день Алерини гулял по городу в сопровождении двух надзирателей. Местные товарищи договорились о корабле, надзирателей напоили, но Алерини колебался и не хотел бежать. В ту ночь Малатесте и Алерини оставалось лишь вернуть пьяных надзирателей в тюрьму. На следующий день попытка повторилась, Алерини, казалось, был на этот раз больше настроен бежать, хватило одной золотой монеты и одного охранника, на этот раз трезвого, но которого вечером напоили снотворным. Алерини был свободен и, казалось, решил бежать, но его нашли в комнате снаружи, где он просто не хотел уходить, и Малатеста сдался. Возможно, у Алерини была возлюбленная в этом городе или он не хотел возвращаться к революционной жизни. Отбыв срок, Алерини стал членом Федерального комитета Французской федерации Интернационала вместе с Франсуа Дюмартре, Бруссом и Пэнди в апреле 1877 года, который провел конгресс 19 августа 1877 года. После этого он переехал в Каир (Египет), где исчез из революционного движения, не оставив никаких следов своей дальнейшей жизни. Джеймс Гильом в своем четырехтомнике по истории Интернационала говорит о теплоте сердца, честности и бесхитростном мужестве Алерини.

Испанские друзья Бакунина

Рафаэль Фарга и Пелиссер (Rafael Farga i Pellicer 1844-1890) – каталанский анархист, участвовал с созданием Испанской региональной федерации Интернационала. Будучи типографщиком, стал участвовать в рабочем движении Барселоны после славной революции 1868 года, когда он стал анархистом благодаря Джузеппе Фанелли, до этого был прудонистом (под влиянием Пи-и- Маргалья). Брат Фарга организовал встречу Фанелли с его друзьями федералистами-республиканцами школы Маргалья, одним из которых был Фарга. После этого он приступил к организации Интернационала в Барселоне вместе с Жозепом Луисом Пелиссером как председателя и собой

как секретаря. Ядро Интернационала, организованное ими, вскоре стало включать Гаспара Сентиньона, студента-медика Хосе Гарсию Виньяса и студента-инженера Тринидада Сориано. В мае 1869 года ядро стало официально барселонским Интернационалом, добавив социализм к республиканско-федеративной программе. Вскоре Фарга и Сентиньон начали переписку с Бакуниным. В письме Бакунину Фарга разработал стратегию ядра по защите социализма в газете «*Ла-Федерасьон*» и его пропаганде на будущих рабочих съездах с целью усиления влияния Интернационала в рабочих обществах города. Стратегия была успешной, и интернационалисты были избраны на видные должности в рабочих обществах, которые впоследствии официально стали связаны с Интернационалом. В сентябре 1869 года Фарга и Сентиньон были делегированы для участия в Базельском конгрессе Интернационала, где они впервые осознали раскол между марксистами и анархистами. Хотя Фарга и Сентиньон присоединились к антиполитической и децентрализованной программе Бакунина, они с осторожностью относились к ее применению в Каталонии, где социализм еще не был полностью развит и где они хотели «избежать будущих разногласий» по этим вопросам. Они присоединились к Международному Альянсу социалистической демократии Бакунина, а затем вернулись в Испанию, где предприняли попытку создать официальную испанскую секцию Интернационала. Ядро Фарги приняло участие в Барселонском рабочем конгрессе 1870 года, который привел к созданию Испанской Региональной Федерации Интернационала. Конгресс открыл Фарга. По мере деятельности Конгресса, Фарга произносил явно анархистские речи против капитализма, государства и церкви под восторженные аплодисменты делегатов. Он заявил, что цель Испанской федерации состоит в том, чтобы «положить конец господству капитала, государства и церкви, построив на их руинах анархию – свободную федерацию свободных ассоциаций рабочих». Имея центр в Барселоне, Испанская федерация быстро распространила свое влияние по всей стране, приобретая особую известность в Андалусии. После Гаагского конгресса испанские делегаты, в числе Фарга, приняли участие в конгрессе в Сент-Имье, где он и Томас Гонсалес Мораго решили официально присоединить Испанскую Федерацию к Антиавторитарному Интернационалу. В Рождество 1872 года они созвали Кордовский конгресс с целью реорганизации Испанской федерации по анархистским принципам, создав более децентрализованную федерацию. В рамках Антиавторитарного Интернационала Фарга стал связан с синдикалистским крылом, которое выступало за всеобщую забастовку как средство для осуществления социальной революции, которая привела бы к анархии. Впоследствии Испанская федерация пережила несколько лет политических репрессий, после чего возникла необходимость в реорганизации. На Барселонском рабочем конгрессе 1881 года Испанская Федерация (FRE-AIT) была официально распущена и заменена Федерацией рабочих испанского региона (FTRE), которая заняла твердую анархо-синдикалистскую позицию. Фарга и другие ветераны FRE обеспечили некоторую преемственность между двумя организациями. Федеральная комиссия новой организации, возглавляемая Фаргой, состояла исключительно из синдикалистов, в том числе двоюродного брата Фарги Антони Пеллисера, а также Франческа Томаса, Жозепа Ллунаса и Эудальда Канивелла. К 1883 году Фарга в значительной степени утратил интерес к деятельности FTRE. Вместо этого он начал работать над серией литературных произведений, в том числе над исследованиями о Джузеппе

Гарибальди и классическом либерализме, а также работал редактором журнала *La Asociación*. Издал «*Biografía de Miguel Bakunin*» (биография Михаила Бакунина) и «*Miguel Bakunin sus ideales y tácticas*» (Михаил Бакунин его идеи и тактика). Написал статьи (вместе с Ллунасом) «¿Qué es anarquía?» (Что такое анархия?), «*La cuestión política*» (Политический вопрос).

Николас Алонсо Марселау (Nicolás Alonso Marselau 1840-1882) – был семинаристом (возможно парикмахером) в Гранаде, познакомился с Матаморосом и бежал в Англию (Марселау принял протестантизм, за что был приговорен к заключению) через Гибралтар. В 1860 году жил в Лондоне. В 1863 году в Ливерпуле отрекся от протестантизма в пользу католичества, а затем сделал это торжественно в Гранаде. Однако, уже в 1868 году в Севилье участвовал в издании протестантского журнала *El Eco del Evangelio* и активно участвовал в работе республиканской партии, входя в ее максималистско-федералистское крыло. По словам Пелайо, он получал финансовую поддержку от протестантского центра в США. Затем он основал газету *La Razón*, в которой антирелигиозные материалы занимали больше места, чем социальная пропаганда, но которая стала рупором Интернационала. О его влиянии в андалузской секции Интернационала свидетельствует его статус делегата на конгрессе в Валенсии в сентябре 1871 года и год спустя на съездах в Гааге и Сен-Имье; он также был членом Альянса социалистической демократии. Его антиклерикальные настроения оставили след не только на страницах *La Razón*, но и в некоторых его брошюрах, таких как *El Evangelio del Obrero* (Евангелие рабочего). Около 1874 года, отказавшись от своего интернационализма, он некоторое время был послушником в монастыре; он отрекся от своего социализма перед двором Карлоса в Толедо, а в 1882 году Менендес Пелайо сделал его монахом в монастыре. Марселау был одним из самых выдающихся севильских лидеров-интернационалистов – «именно ему в основном был обязан успех Интернационала в том регионе», признавал Ансельмо Лоренцо, несмотря на то, что считал его «человеческим отбросом», но здесь важно упомянуть о том, что в нем между 1860 и 1870-71 годами сошлись протестантизм, федеральный республиканизм и альянсистский интернационализм.

Томас Гонсалес Мораго (?-1885) – гравер, упоминается как первый деятель испанского анархистского движения. Из семьи карлистов из Андалусии. Был склонен к депрессии, несмотря на слова Малатесты о том, что Мораго «величайший испанский анархист». В Мадриде имел гравировальную мастерскую, которая служила местом собраний. В 1865 году он был активным членом *Casino*, то есть мадридского атенеума. В 1868 году он примкнул к республиканизму и идеям Эмилио Кастелара. Затем примкнул к анархизму, считая его воплощением евангелиевского учения. Вместе с типографщиком Ансельмо Лоренцо и сапожником Франциско Мора, Мораго сформировал ядро Мадридской федерации, местной секции Интернационала. Мораго использовал программу бакунинского Альянса в качестве основы для пропаганды группы. 15 января 1869 года он основал издание «*Solidaridad*», в котором опубликовал манифест Мораго о роли Интернационала и капитализме, что привело к значительному расширению федерации в Испании. 30 мая 1873 года исключен из (авторитарного) Интернационала, Мораго был одним из тех, кто хотел упразднить генеральный совет из-за исключения Бакунина и Гильома на Гаагском конгрессе. В ходе борьбы в штаб-квартире Мадридской федерации Мораго, который также вы-

ступал против марксизма в Интернационале, опроверг аргументы так называемых авторитаристов, что привело к исключению марксистов из Мадридской федерации. Наряду с Франческо Томасом и Оливером, Мораго считается ключевой фигурой в распространении идей Бакунина на Пиренейском полуострове. Арестован за подделку банкнот, и умер в тюрьме Гранады будучи молодым человеком

Часть вторая. Мои личные отношения с Бакуниным

Эти воспоминания принадлежат Замфиру Константиновичу Ралли-Арборе. В журнале «Минувшие Годы» (1908 год, октябрь) напечатан отрывок из его же воспоминаний о Бакуине. В нем Ралли рассказывал со слов Михаила Александровича Бакуина о событиях его жизни, предшествовавших личному знакомству автора мемуаров с Бакуиным. – прим. редакции журнала «О минувшем».

Sicome una giornata bene spesa da
lieto dormire, così una vita bene spesa
da lieto morire.

І. Деятельность Русского братства

1. Знакомство и первые дела

Познакомился я с Михаилом Александровичем Бакуниным в конце 1872 года вскоре после бегства моего из ссылки. Будучи болен ревматизмом, приобретенным в Петропавловской крепости, вместе с доктором Александром Эльсницом¹, тоже эмигрантом в то время, поехали в Италию и остановились в маленьком итальянском городке Арона, расположенном на южном берегу Лаго-Маджоре. Прожив здесь более месяца, мы получили из Локарно письмо от нашего товарища доктора Владимира Гольстейна², в котором он приглашал нас посетить старика Бакунина, проживавшего в этом городке.

Локарно находился на северном берегу того же озера, поэтому мы могли взять места на пароходе и совершить этот визит. На обратном пути в Швейцарию мы и решили посетить Бакунина, а потом через Сент-Готард вернуться назад в Цюрих, что и сделали в середине апреля месяца. Бакунина мы застали живущим настоящим отшельником; семья его в это время уже не жила с ним, отделившись окончательно от него; средств к существованию у него не было никаких и жил он на средства своих самых близких друзей, жил более нежели скромно, употребляя большую часть своего архискудного бюджета на франкировку обширной своей корреспонденции.

Все трое – я, доктор Эльсниц и доктор Гольстейн, – вскоре сблизилась с Бакуниным, хотя в начале нашего знакомства и произошел некоторый курьезный инцидент, чуть не имевший последствием мой внезапный отъезд из Локарно. Дело в том, что мои два товарища по изгнанию, будучи студентами московского университета, скомпрометированными по Полунинской истории, знали меня, как человека, когда-то близко стоявшего в России к Сергею Нечаеву, и передали это Бакунину. Михаил Александрович, для которого в это время Нечаев уже стал неким *bete noir*³, испугался, и более нежели грубо заявил мне, что он ставит непременно условием продолжения нашего взаимного знакомства полный мой разрыв с Нечаевым.

Это требование, конечно, покорило меня, тем более, что лично я во всем нечаевском деле был чужд тем методам конспирации и тем способам действий, которые потом были обнаружены на судебном процессе. Вследствие *полного отказа* давать какие-либо показания, могущие обнаружить мое участие в заговоре, я сумел отделаться лишь ссылкой после двух лет и восьми месяцев заключения в Петропавловской крепости. Ставить мне, взрослому человеку, какие-то условия *sine qua non*⁴ прекратить всякое знакомство – значило оскорблять меня. Не подавая, однако, виду,

¹ См. Приложение.

² См. Приложение.

³ «Черный зверь» – бельмо, предмет ненависти, страшный сон. (совр. прим.)

⁴ Обязательное условие (совр. прим.)

что я чувствую себя оскорбленным, вечером, простившись с Бакуниным и отправляясь к себе в Albergo del Cabalo, я заявил своим товарищам, что утром уезжаю в Цюрих. Утром, на другой день, когда я еще находился в постели, в комнату мою ввалилась колоссальная фигура Бакунина, сопровождаемая моими двумя товарищами – и тут произошло между нами обстоятельное объяснение, в результате которого я остался и не уехал, а, напротив, вступил в союз нового сформировавшегося кружка анархистов-бакунинцев.

Для меня лично «анархия» Бакунина не представляла отнюдь одну теорию разрушения существующего военно-бюрократического государства; я в ней дорожил в особенности ее созидательной стороной, которая признавала федерацию общин в области, а областей в союзы, основанные на национальностях, племенах или даже географических бассейнах; кроме того я был увлечен еще и практической стороной программы, предложенной Бакуниным, и не признававшей не только макиавеллизма и обмана в деятельности революционеров, но, напротив, ставившего неременным условием самую кристальную чистоту, как в частной, так и в публичной жизни каждого революционера. Скрепляли мы наш союз жженкой, составленной из сквернейшего красного виноградного вина, наисквернейшего рома и прекрасных благовонных апельсинов и лимонов, растущих тут же, на берегах Лаго-Маджоре.

Чрез несколько дней после этого мы, все трое, покинули Локарно, направляясь в Цюрих, где должны были встретиться с пятым нашим товарищем по новообразовавшемуся кружку, носившим имя Росса. Рекомендуя нам в сотоварищи Росса, Михаил Александрович указывал нам на будущего нашего сотрудника, как на человека крайне энергичного и практичного, которого он знает давно за испытанного революционера-социалиста. Последствия показали, что Михаил Александрович ошибся в одном: Росс именно практичным не был.

Приехавши в Цюрих и столкнувшись с Россом, мы приступили к организации типографии, которая должна была заняться печатанием нескольких книг, задуманных Бакуниным. Связей с Россией в то время ни у одного из нас уже не было, если не говорить о тех личностных, более или менее родственных связях, которые, конечно, существовали, однако, использовать их в интересах нашей предстоящей работы едва ли было возможно. Этот крупный недостаток следовало устранить с самого начала, и устранение его возможно было путем организации связей чрез посредство того элемента учащейся молодежи, которая направлялась за границу из России, будучи стеснена русским правительством в ее стремлении учиться. К сожалению, большинство этой молодежи были девушки, доступ которым в университеты в России был абсолютно закрыт, меньшинство были мужчины, которые, однако, уехали за границу учиться потому, что не имели гимназического аттестата, который в то время в заграничных университетах для иностранцев не требовался. Конечно, все эти девушки имели в России братьев, знакомых, и, следовательно, чрез посредство их возможно было приобрести мужские элементы, более подготовленные культурно для революционного дела. Средства для приобретения типографии были собраны в нашем небольшом кружке, без всякого обращения с нашей стороны к посторонней помощи. В моем архиве сохранилась случайно записка, которая точно определяет, до последнего гроша, как сумму, так и источник приобретения ее. По этой записке деньги дали: 1000 франков Замфир Ралли; 200 – жена его; 300 – Александр Эльниц,

Гольштейн и Бутурулин⁵; 200 – Александр Эльсниц и Гольштейн; 100 сестра доктора Эльсница, Эмилия; 1700 (500 рублей) Трофимова; 600 – Потоцкая; 1000 – госпожа Лаврова⁶.

На эти-то 5100 франков и была приобретена типография вместе с прескверной ручной типографской машиной, сделанной Россом. Вокруг этой типографии тотчас же сформировался кружок из русских девушек, приехавших учиться в цюрихском университете. Кружок этот составил из следующих, кроме нас, четырех эмигрантов, лиц: госпожи: Смецкая, Потоцкая, Обухова, София Николаевна Лаврова, жена моя, Эмилия Эльсниц, и еще две-три девушки, фамилий которых не упомянул. За несколько месяцев до организации этой типографии в Цюрихе была нами же устроена публичная библиотека, в которую записывались членами почти все русские, проживавшие в то время в этом швейцарском городе, а так как наплыв русских девушек в это время был большой, то вскоре библиотека считала 120 членом-читателей. Желая сохранить за этой библиотекой то направление, которое было дано ей нам самым тщательным подбором книг, основатели библиотеки сохраняли за собой, на основании статута, известное право на руководство и в будущем этой библиотеки. Конечно, главной целью организации этой библиотеки было, с одной стороны, служить эмигрантам в Швейцарии подспорьем в добывании средств к существованию интеллигентным трудом в качестве корреспондентов, библиографов, реферирующих и прочих, а, с другой стороны, быть и орудием пропаганды среди русских паспортных людей, проживающих за границей; поэтому-то самый богатый отдел этой библиотеки и был исторический, политико-экономический и социальный; отдел же литературный самый незначительный.

2. Бакунисты и лавристы

В это-то время приехал из Парижа в Цюрих Петр Лаврович Лавров, которому небольшая группа людей в Петербурге предложила, как *говорилось*, основать революционный журнал за границей. Впоследствии, однако, оказалось, что вся эта группа состояла из двух-трех лиц, проживавших в России, и двух эмигрантов, из коих один, Валериан Смирнов, находился в Цюрихе, куда приехал вместе со своими товарищами по полунинскому делу в Москве – Эльсницом и Гольштейном. Вскоре через посредство Росса было предложено Бакунину вступить в состав образовавшейся редакции нового журнала, которому дано было название: *Вперед*. Предложение это было послано Бакунину в Локарно вместе с копией программы нового журнала. Программа, написанная целиком Петром Лавровичем, требовала широкой культурной подготовки молодежи перед началом какой-либо пропаганды среди народа; программа указывала на ту пользу, которую может принести народу хорошо юридически подготовленный прокурор, судебный следователь и так далее, а в заключении программы говорилось, что вообще на всяком поприще общественной жизни возможно послужить делу народа. Такая программа, само собой разумеется, не могла быть

⁵ Сумма эта принадлежала одной студенческой кассе взаимной помощи в Москве и была передана через посредство трех своих членом после ареста остальных участников в кассе.

⁶ Родственница князя Петра Кропоткина. (совр. прим.)

принята Бакуниным, и он целиком отверг ее. Вследствие категорического отказа со стороны Бакунина, Петр Лаврович заявил, что переделает ее, сообразуясь с тем новым течением, которое уже довольно определенно выяснилось среди одной части русской молодежи. Следующее письмо Михаила Александровича ясно указывает его несогласие с *первой* программой Петра Лавровича, посланной ему в Локарно:

Локарно, 27 мая.

«Друзья мои, получил и прочел присланную мне программу; воля ваша – ее принять никак невозможно, так как я не могу представить себе, как это мы будем вместе работать и с молодым администратором, и даже с прокурором, и с прочими людьми, носящими кокарду. Ведь это значит идти рука в руку с чиновниками, которых народ ненавидит наравне с дворянами; таким же образом в программе говорится слишком много о необходимости серьезной научной подготовки, необходимой для революционера. Что ж это, неужели мы задумали устроить за границей университет? Дело хорошее, спору нет, но только это не наше дело, пусть его и устраивает полковник Лавров, а я пока что займусь революционным делом, которое не к лицу доктринерам. Я ничего не отвечал Петру Лаврову на его любезное приглашение, потому что, если бы ответил, то написал бы, что удивляюсь эластичности его ума, а он бы обиделся, и вышло бы не хорошо. Полагаю поэтому у нас с ним ничего не выйдет, во всяком же случае прошу вас, друзья, напишите мне все подробности ваших переговоров, чтобы я знал все, что нужно знать. Пусть также Росс напишет толком относительно Женевы, а также пришлите мне два фунта табаку. У меня теперь гостит Фанелли

Обнимаю вас. *М. Б.*»

Мнение Михаила Александровича о первой программе Петра Лавровича было сообщено и Лаврову и Смирнову; вследствие этого Лавров решил написать другую программу для журнала, и вскоре новая программа была читана и отослана Бакунину; с этой второй программой, однако, было послано и письмо, написанное Россом, в котором последний старался убедить Бакунина, что из-за программы, хотя и не подходящей, не следует все-же отказываться от участия в журнале, если только в редакции его возможно приобрести преобладающее значение. Этот пункт, однако, вскоре был окончательно выяснен, так как Валериан Смирнов совместно с Лавровым заявили, что редакция нового журнала уже составлена и что участие Бакунина в журнале предполагается в качестве сотрудника. Вместо ответа относительно второй программы, из которой были выкинуты Петром Лавровичем и «молодой администратор», и «прокурор», вскоре получилось известие из Локарно, что Михаил Александрович решил приехать сам в Цюрих, а потому необходимо послать ему деньги, что и было исполнено.

Приезд Бакунина в Цюрих совпал с большим наплывом русской молодежи в местный университет. Петр Лаврович начал в это время читать публичные лекции для этой молодежи, и его первые лекции о «*Богомилах*» произвели большой эффект,

благодаря ясности синтеза, высказанного лектором; по приезде Бакунина Лавров предложил Михаилу Александровичу прочесть также несколько публичных лекций. Но Бакунин, узнав, что большинство слушателей суть люди легальные, отказался читать, заявив, что он, «беспаспортный, может скомпрометировать паспортных людей своими лекциями». На собрании же, обсуждавшем вопрос о редакции и нового журнала, произошел окончательный разрыв между Лавровым и Бакуниным по поводу программы:

«– Удивляюсь, Петр Лаврович, эластичности вашего ума способного в продолжении двух недель дать две программы; признаюсь, я не способен на такую умственную гимнастику. Желаю полного успеха вашему журналу⁷» – заявил Михаил Александрович Лаврову.

На собрании нашего кружка, после этого разрыва, было решено не спешить с организацией типографии, основать ее здесь же, в Цюрихе, и начать тотчас печатать задуманную Бакуниным книгу: «Государственность и Анархия».

Вскоре после этого Бакунин вернулся назад в Локарно, а я уехал в Женеву для подыскания одного типографщика-рабочего, какового и нашел в бывшем студенте политехнического института Попове. В Женеве же я нашел только что бежавшего из ссылки Николая Васильевича Соколова⁸, автора книги «Отщепенцы» и сотрудника «Русского Слова». Предполагая, по вышеупомянутой книге, что Соколов может быть использован как писатель, я предложил ему принять посильное участие в затеваемых нами изданиях и, получив на то его согласие, привез обоих в Цюрих. За короткое время моего отсутствия дела русских, проживавших в Цюрихе, сильно изменились; все это русское население разделилось на два враждебных лагеря. С одной стороны, сгруппировалось большинство студенток и молодых легальных людей вокруг Лаврова и Валериана Смирнова, с другой – не больше 15-20 человек вошли в нашу группу, окрещенную именем «бакунистов». Лавров звал молодежь учиться и тем подготовляться к полезной деятельности для народа, бакунисты звали молодых к революционной деятельности, к движению в народ. Появился даже юмористический журнал с карикатурами, в котором «бакунисты» осмеивали «лавровистов». Взаимные

⁷ Впоследствии, оглядываясь на пройденный путь, под влиянием ряда событий в России, Петр Лаврович путем эволюции пришел, наконец, к той *последней* своей программе, которая была напечатана им в газете *Вперед* в №48, стр. 789.

⁸ Соколов (1835-1889) – по происхождению из дворян, офицер, ветеран крымской войны, кавказской войны против Шамиля. Во время отпуска через Иркутск и Пекин «направился прямым ходом» в Лондон, где в июне 1860 познакомился с Герценом. В 1861-62 годах состоял в кружке офицеров Генштаба, близких к Чернышевскому, тогда же увлекался идеями Прудона – в 1862-63 годах в журнале «Русское слово» опубликовал ряд статей об анархизме. В 63 году вышел в отставку как подполковник, до 65 года жил в Дрездене и Париже. В 1866 году в соавторстве с В. А. Зайцевым опубликовал книгу «Отщепенцы» в 1866 году, однако из-за покушения Каракозова на императора в тот же день был арестован и приговорен к 16 месяцам заключения. В книге «Социальная революция» (Die soziale Revolution, Берн, 1868) предсказал «введение коммунизма» в результате победы революции. В том же году сослан, и через 4 года бежал из ссылки за границу, присоединился к кружку бакунистов. С мая 1873 года жил в Париже. Много сотрудничал в местных газетах. В эмиграции Соколова чтили как «ветерана русской революции», и на его похоронах собрались парижские русские, польские эмигранты и французские коммунары. (совр. прим.)

отношения обеих групп быстро обострились; на несчастье, в это-то время Валериан Смирнов задумал издать за границей конфискованную в Петербурге книжонку Соколова «Отщепенцы», которая и была отпечатана в типографии «Вперед», в бытность ее еще в Цюрихе. Узнав о появлении своей книги, Соколов потребовал, в качестве автора, не помню какое количество экземпляров от издателей, в чем ему было отказано; желая лично объяснить по этому поводу, он обратился ко мне и к Владимиру Святловскому⁹, находящемуся тогда в Цюрихе, прося их быть свидетелями его свидания со Смирновым. На свидании, однако, оба вели себя крайне запальчиво, расплевались, разругались и дело дошло до оскорбления действием. Оба свидетеля тотчас же бросились и разъединили враждующих, уведя с собой озлобленного вояку Соколова. Вся эта крайне непривлекательная сцена, в которой были виновны обе стороны, произвела сильное впечатление на русскую колонию, которая усмотрела в скандале насилие со стороны бакунистов и – надо признать – имела на это некоторое право, так как Смирнов был хотя и большой задира, однако, человек тщедушный, слабый физически, между тем как подполковник Соколов был здоровенный детина.

Неприличное столкновение между Валерианом Смирновым и Николаем Соколовым взбудоражило всю русскую колонию, которая большинством своих голосов решила потребовать изгнания из Цюриха Соколова, Святловского и меня, как виновных в скандале, хотя ни я, ни Святловский к совершенному насилию не были причастны, а, напротив, тотчас прекратили его. Через несколько дней после инцидента, к каждому из нас трех явилась многочисленная делегация от лица русской колонии и прочла нам решение колонии, подвергавшее нас остракизму. Прочитав это решение, нам объявили, что в случае нашего отказа уехать, мы будем жертвами насилия. Конечно, никто из нас не соглашался покоряться такому решению, которое должно было быть хотя бы вердиктом третьей стороны. Тогда часть делегации русской колонии обратилась в полицию, прося местного префекта Пфеннигора изгнать нас из города; под этим прошением в полицию помню хорошо подпись какого-то Мальденштама. Полиция, однако, прочтя нам просьбу, ограничилась заявлением, что мы – двое беспаспортных политических эмигрантов – должны впредь вести себя так, чтобы на нас не жаловались паспортные путешественники, проживающие в Цюрихе. Тем дело и кончилось; нас собирались бить, составлялись целые группы, которые подстерегали нас в одиночку у нашего жилья, но почему-то никто из нас не был побит. Но если до этого не дошло, то, с другой стороны, благодаря взаимной распри между двумя лагерями, публичная русская библиотека, созданная после долгих усилий исключительно нашей группой, должна была ощутить на себе всю тяжесть проявившейся розни. На собрании членов библиотеки большинство членов-

---

⁹ Владимир Владимирович Святловский (1851-1901) – врач, учился в Медицинско-хирургической академии, когда 30 апреля 1869 года был арестован в связи со студенческими беспорядками (которые подогревал Бакунин и его друзья своими прокламациями), 3 мая был освобожден. Продолжил обучение. В 1872 году вместе с женой уехал в Цюрих, где продолжал медицинское образование. Здесь сблизился с Замфиром Ралли и другими бакунистами. Участвовал в столкновениях Соколова Смирнова. По агентурным сведениям был членом Интернационала. В конце 1873 вернулся в Россию и был арестован. Через месяц освобожден. Получив звание лекаря поступил на службу и уехал в Сибирь, участвовал в русско-турецкой войне 1877-78 годов, награжден. Вкратце, карьера задалась, вел литературную деятельность по своей специальности, исследовал кустарные промыслы Полтавской губернии. (совр. прим.)

читателей потребовало передать библиотеку Валериану Смирнову; это требование, однако, было отвергнуто основателями библиотеки; большинство удалилось с собрания и открыло новое собрание вне библиотеки и послало на другой день Эльсницу следующее решение, подписанное новоизбранным комитетом:

Цюрих, 3 февраля 1873 года.

«Председательствовавшему в общем собрании членов русской библиотеки в Цюрихе 2 февраля 1873 года, господину Эльсницу.

Вам известно, милостивый государь, что большая часть русского общества, протестуя против порядка ведения дел библиотеки, оставила вчера зал заседания.

Собравшись затем на rue Platte, протестовавшее большинство приняло, между прочим, следующее решение: «Русская библиотека в Цюрихе – есть дело и достояние общественное, не могущее никогда составить собственность отдельных лиц или определенного кружка». На основании этого решения, общество поручило нижеподписавшимся, как принять от господ Идельсона и Смирнова книги, документы, деньги и прочее, принадлежащие библиотеке, так и передать решение собрания тем лицам, которые вчера остались продолжать заседание под вашим председательством, а затем и войти в могущие быть, по поводу всего этого, переговоры с уполномоченными от вас лицами.

Поэтому, нижеподписавшиеся, сообщая вам, милостивый государь, решение собрания, просят вас принять на себя труд, 1) передать все сказанное солидарным с вами лицам; 2) сообщить нам, по возможности скорее и если можно, то завтра до обеда, кто будет уполномочен вами к ведению с нами переговоров; 3) принять к сведению то, что мы считаем возможным приступить к переговорам завтра, в 6 часов вечера, в Palmenhoff

Мы просим прислать нам ответ по адресу: Spietal-strasse, №1, bei Frau Scherer. H. N. Wassilieff.

Примите уверение в совершенном уважении нижеподписавшихся.

А. Чумаков. И. Чернышев. Фамильян. Грибницкая. Дм. Рихтер. В. Журба. Ник. Васильев. Кулябко-Корецкий. А. Филиппов¹⁰».

В ответ на это требования вступить в какие-то переговоры по поводу библиотеки, организованной специально для политических беглецов за границу, наш кружок указал на статуты библиотеки, где определялись права членов-основателей. Таким образом, библиотека осталась в ведении нашего кружка, но это обстоятельство оказалось крайне губительным для этого учреждения; кружок распался и библиотека была просто-напросто продана одним из членов кружка эмигранту Элпидину в Женеве.

¹⁰ А. Филиппов – муж Веры Фигнер, которая со своей сестрой Лидией была тогда в Цюрихе.

3. Бакунисты и поляки

Во время всех этих неурядиц, Бакунин приехал вторично из Локарно и на этот раз поселился в Цюрихе на более продолжительное время. В этом периоде времени кружок наш основал славянскую секцию Интернационала среди студентов сербов и болгар, находившихся в Цюрихе; секция эта носила сербское название «*Славенски Завес*» и была включена в юрскую федерацию Международного Общества Рабочих; ни один поляк, однако, не был членом этой секции, так как поляки включительно с Адольфом Стемпковским¹¹ составляли отдельное общество, называвшееся «*Товариство социально-демократичне польске*». Это общество также было составлено нами и в него вошли из нашего кружка: я, Эльсниц и Гольстейн.

Михаил Александрович написал для этого общества программу, которая вместе со статьей, служащей как бы введением в программу, должна была войти в первый номер предполагаемого к изданию нового польского журнала *Gmina*, органа сформированного *Towarzystwa Socialno-Demokratycznego* в Цюрихе. Написав статью, Бакунин не мог подобрать заглавия для статьи и написал на ней: «*назовите, как хотите*». Статья эта была сообщена нами Михайло Петровичу Драгоманову и напечатана им в его издании «*Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву*»¹².

Статья и программа, написанные Бакуниным, были прочитаны на польском собрании.

Поляки выслушали как статью, так и программу с большим энтузиазмом, но отложили голосование по ней. Адольф Стемпковский, который был видным членом собравшегося общества, заметив, что большинство поляков с Зелинским во главе, склоняются на нашу сторону то есть мою, Эльсница и Гольстейна, сумел добиться, чтобы вотирование статутов было отложено на другое заседание. На другом же заседании, несмотря на его странное поведение, статуты прошли без изменения и были тут же переведены для напечатания на польском языке. Русский текст программы в рукописи Михаила Александровича также был доставлен мной Михайло Драгоманову и напечатан им в той же работе.

Хотя эту программу дословно приняли поляки, хотя при этом были и аплодисменты, и энтузиазм, однако, выходя из собрания, мы, трое инициатора, были абсолютно подавлены обнаружившейся неподготовленностью присутствовавших поляков к сознательному принятию таковой программы. Во-первых, для нас положительно было ясно, что собранный нами польский элемент абсолютно не был социалистическим, что хотя большинство всех этих поляков и числились когда-то членами немецкой секции Интернационала, однако, все они сохранили целиком всю свою веру в старый идеал польских демократов. Конечно предполагалось при помощи рефератов, лекций и будущего журнала «*Gmina*» прежде всего само общество поднять до социализма. Это, однако, не удалось, так как вскоре в Цюрих прибыл старый польский эмигрант Токаржевич, который, как и следовало ожидать, приобрел непосредственное влияние на своих соотечественников. Прежде всего Токаржевич почему-то признал удобным посетить меня и начать убеждать, что так как мать моя была полька, а отец

¹¹ Этот Стемпковский выдал Нечаева, будучи секретарем немецкой секции Интернационала.

¹² Русское издание, – Врублевского, Спб. 1907, стр. 434. А печать этого общества осталась у меня; часть бумаг сохранилась у меня, а часть затеряна.

молдаванин из Бессарабии, то я должен оставить «москалей» и перейти на сторону поляков; затем посетили меня и другие поляки, которые уже прямо заявили мне, что для них, поляков, немыслимо принять параграф 5 программы¹³, что только такой москаль, как Бакунин, мог написать такую программу, что не следует забывать, что человек научился уважать человека в польском шляхтиче, что гордое требование признания шляхетских прав польскими королями было почвой, на которой выросло сознание права и достоинства поляка вообще. «Этого, конечно, не может понять русский, но понимает всякий поляк» – говорил мне Токаржевич. После всех этих переговоров и заявлений, которые, конечно, мне пришлось передать моим русским товарищам, мы решили выйти из общества, потребовав, чтобы нам возвратили и ту маленькую сумму денег (60 франков), которую мы внесли в фонд нового журнала. Бакунин написал тогда следующее письмо, подписанное нами троими которое и было передано обществу, после того, как оно решило пересмотреть программу и изменить ее¹⁴.

Братьям польского общества

«Глубоко преданные началам, высказанным в нашей общей программе, мы с радостью приняли приглашение и вступили в ваше общество, надеясь, что строго следуя этим началам, мы можем принести хоть малую пользу великому, святому, ныне единому делу народного освобождения, как в вашей стране, так и в нашей. Мы руководствовались убеждением, что служа усердно и честно, по мере сил своих, свободе польской, мы служим вместе с тем и русской свободе. Вся наша вера опиралась именно на эту программу, которая, с одной стороны, обеспечивает народные, рабочие массы от всякого нового политического угнетения, равно как и от всякой экономической эксплуатации, с другой стороны, связывает все народы, не только славянские, но и все другие, во всемирном революционном стремлении к свободе.

Из этого вы можете заключить, как неизменно, глубоко мы преданы этой программе и как невозможно для нас отступление от нее хоть на одну йоту.

К несчастью, мы убедились, что польское общество, сделавшее нам честь принять нас в свою среду, не так сильно привязано к нашей программе, принятой им вначале единодушно, как мы. Достаточно было приезда господина Токаржевича и нескольких его речей, противных всему тому, что между нами было говорено и постановлено прежде, для того, чтобы изменить мнение и расположение почтенного общества. Оно согласилось

---

¹³ «Противники всякого панства, мы, разумеется, отвергаем так называемые исторические права и границы. Для нас Польша начинается и существует действительно только там, где чернорабочие люди сознают себя и хотят быть поляками, и кончается там, где отвергая особый польский союз, они хотят быть вольными членами других народных союзов».

¹⁴ Это письмо также напечатано Драгомановым, но в виду того, что рукопись была прочитана им не везде верно, приводим его дословно.

подвергнуть нашу программу новому пересмотру и коренному изменению. Общество вольно принять другие начала, но мы не можем и не должны следовать за ним в этом новом, враждебном для наших убеждений и стремлений, направлении.

Поэтому мы просим общество уволить нас от почтенного звания его членов.

Верные до конца началам своим, мы никаким образом не можем служить проведению начал, им враждебных, и потому просим господина Токаржевича, вашего нового члена, возвратить нам 60 франков, врученных нами ему в присутствии обывателя Стемповского.

Мы не только в праве, но обязаны требовать этих денег назад, и уверяем, что требуем их возвращения не потому, чтобы жалели их. Думаем, что вы убедились, братья поляки, что ни в ком из нас нет особенной привязанности к деньгам. Но мы требуем их потому, что противно нашей совести, нашему долгу, жертвовать хоть одной копейкой направлению и делу, противным убеждениям нашим и нашему делу.

Мы в праве их требовать, потому что выдали их господину Токаржевичу единственно только на тот случай, когда он, соглашаясь и не соглашаясь с программой, постановленной обществом для журнала, захочет возвратиться назад; а отнюдь не для того, чтобы проживая эти деньги в Цюрихе, он мог бы, пользуясь ими, таким образом, вести в польском обществе пропаганду направления противоположного.

Что касается до господина Токаржевича, то он без сомнения сам не захочет удерживать этих денег в своих руках. В последнем заседании он объявил громко, что не согласился бы принять, если бы даже эти московские деньги переданы были ему самим обществом. Для нас, с нашей точки зрения и на основании программы, которой мы остаемся верными, такой вопрос был непонятен. Но мы полагаем, что господин Токаржевич, стоя на точке зрения исключительно национальной, и, скажем настоящее слово, шляхетско-патриотической, должен был возбудить его. Но так как мы, давшие ему эти деньги, русские, и никогда не отрекались от своего русского происхождения и отечества, то мы полагаем, что господин Токаржевич, повинувшись тому рыцарско-патриотическому чувству, поспешит возвратить нам данные нами ему деньги».

Письмо это, длинное и на писанное Михаилом Александровичем специально для Токаржевича, так как всю соль его один он мог понять, – остальные же члены польского общества были людьми малограмотными и крайне неразвитыми, было подписано нами троими и передано обществу. Впечатления на общество оно не произвело никакого, да и само общество вскоре распалось, а его члены частью

разошлись, частью через года два вошли через посредство Адольфа Стемпковского в сношения с действительным статским советником, Перетцом, чиновником 3-го отделения русской тайной полиции и на деньги (до 25.000 франков), данные этим шпионом, устроили в Золотурне (Швейцария) фабрику фальшивых русских денег. Вся компания, конечно, была поймана и судима¹⁵; вместе с поляками, однако, швейцарские судьи приговорили к тюремному заключению и русского тайного советника Перетца, который заблаговременно убежал из Швейцарии.

Таков был тот польский элемент, который составлял то польское общество, для которого Михаил Александрович написал свою статью и программу, оставшиеся в подлиннике в моих руках.

4. Бакунисты и южные славяне

Бросив поляков, находившихся в Цюрихе, мы принялись за сербов, хорватов и болгар, учившихся в этом городе, нашли и даже залучили к себе нескольких жестяников из славян, ходивших по Швейцарии со своими жестяными изделиями.

Набралось их всех вместе человек 20, не более; большинство были молодые люди, говорившие порядочно по-немецки и учившиеся в цюрихском университете: нашли между ними фамилию Машо Эрвачанина, брата его, умершего в чахотке, Таса Стояновича из Валево, Стенича, убитого потом на баррикаде в Крагуеваце¹⁶, и так далее¹⁷. Для этой славянской секции Михаил Александрович написал, собственноручно следующую программу¹⁸, которая и была единогласно принята всеми; так как секция должна была вступить в юрскую федерацию интернационального общества рабочих, то Михаил Александрович тут же написал французский текст программы, который я в качестве секретаря секции, отправил Джеймсу Гильому для напечатания в органе

---

¹⁵ См. брошюру, напечатанную на немецком и русском языках: «Фальшивые монетчики», издание Элпидина. Женева. 1874.

¹⁶ Ныне город в центральной Сербии. В конце XIX века – промышленный и торговый центр Сербии. 27 февраля 1876 года в нем произошло «восстание Красного знамени». Социалисты (сторонники идей Интернационала в интерпретации Светозара Марковича – что-то вроде народничества с сохранением государства и сильной ролью общин, в котором видно влияние Прудона) победили в муниципальных выборах, составив большинство с муниципалитете. Либералы в правительстве решили отменить выборы, созвав собрание 27 февраля, когда рабочие были на работе. Стоит сказать, что на выборы ходило от силы несколько сотен человек, но несмотря на это, социалисты снова победили, из-за чего начали праздновать, проходя маршем по городу с красным флагом, на котором было написано «Самоуправление». В ответ на демонстрацию князь Милан (В Сербия была монархия), опасаясь сербской Парижской коммуны, отправил армию, были погибшие, арестовано 30 человек. (совр. прим.)

¹⁷ Многие из членов этой секции, основанной в Цюрихе в 1872 году, теперь видные общественные деятели в Сербии; может быть, они не пожелают, чтобы их имена были здесь упомянуты, а потому и умалчиваю о них.

¹⁸ Программа, которую Ралли ниже приводит, отличается от напечатанной в «Государственности и Анархии» лишь написанием некоторых слов, никак не влияющих на смысл. В действительности, Ралли здесь приводит вторую, окончательную версию программы Славянской секции, так как в первоначальной программе не было указано, что «славянская секция вступила в ее среду», так как она еще не была участницей Интернационала. От настоящей первой версии программы не осталось русского оригинала, остался лишь французский перевод, опубликованный в русском переводе в библиотеке анархизма. (совр. прим.).

юрской федерации: *Bulletin de la federation jurassienne de l'association internationale des travailleurs*.

Вот текст программы по рукописи Бакунина¹⁹:

1. Славянская секция, вполне признавая²⁰ статуты Международного Общества Рабочих, принятые на первом конгрессе (сентябрь 1866, Женева), задается специальной целью пропаганды принципов революционного социализма и организации народных сил в славянских землях.
2. Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, то есть освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, то есть при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организовать в огромное мнимое народное государство.
3. Принимая анархическую революционную программу, которая одна, по нашему мнению, предоставляет²¹ все условия действительного и полного освобождения народных масс, и убежденные, что существование государства, в какой бы то ни было форме несовместимо со свободой пролетариата, что оно не допускает братского международного союза народов, мы хотим уничтожения всех государств. Для славянских народов в особенности это уничтожение есть вопрос жизни и²² смерти, в то же время единственный способ примирения с народами чуждых рас, например, турецкой, мадьярской или немецкой.
4. С государством должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическим правом, всякое устройство сверху вниз путем законодательства и правительства, устройства, никогда не имеющего²³ другой цели, кроме установления и систематизирования народного труда в пользу управляющих классов.
5. Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожение личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершенно не допускают человеческой справедливости.
6. Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи одно сделает возможным организацию народной жизни снизу вверх, на основании коллективного труда и собственности, сделавшихся в силу самих вещей возможными и обязательными для всех путем совершенной, свободной федерации отдельных лиц в ассоциации или в независимые общины или – помимо

---

¹⁹ Сообщено мной Драгоманову для его книги о Бакунине, и им напечатан. В примечаниях вкрались многие ошибки, вследствие неимения у меня времени разобраться в моем архиве того времени, что исправлено теперь.

²⁰ В напечатанной версии здесь также стоит слово «основные».

²¹ В напечатанной версии «представляет».

²² В напечатанной версии «или смерти и в то же время...».

²³ В напечатанной версии «не имевшего».

общин и всяких областных и национальных разграничений – в великие однородные ассоциации, связанные тождественностью их интересов и социальных стремлений и общин в нации, наций в человечество.

7. Славянская секция, исповедуя материализм и атеизм, будет бороться против всех родов богослужения, против всех официальных и неофициальных вероисповеданий,²⁴ оказывая, как на словах, так и на деле, самое полное уважение к свободе совести всех и к священному праву каждого проповедовать свои идеи; она будет стараться уничтожить идею божества во всех ее проявлениях религиозных, метафизических, доктринерно-политических и юридических, убежденная, что эта вредная идея была и есть еще освящение²⁵ всякого рода рабства.
8. Она имеет полнейшее уважение к положительным наукам, она требует для пролетариата научного образования, равного для всех, без различия полов, но враг всякого правительства, она с негодованием отвергает правительство ученых, как самое надменное и вредное.
9. Славянская секция требует вместе со свободой равенство прав и обязанностей для мужчин и женщин.
10. Славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный, из чувства национального, народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное Общество Рабочих призвано осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства.
11. В виду великой задачи – освобождения народных масс от всякой опеки и всякого правительства, которую приняло на себя Международное Общество, славянская секция не допускает возможности существования среди него какой-либо верховной власти или правительства, следовательно, не допускает иной организации, кроме свободной федерации самостоятельных секций.
12. Славянская секция не признает ни официальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главным советом или общим конгрессом. Она признает только полную солидарность личностей, секций и федераций в экономической борьбе рабочих²⁶ всех стран против эксплуататоров. Она в особенности будет стремиться привлечь славянских работников ко всем практическим последствиям этой борьбы.
13. Славянская секция за секциями всех стран признает: а) свободу философской и социальной пропаганды; б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права других секций и федераций; свободу организации для народной революции; свободу связи с секциями и федерациями других стран.

---

²⁴ В напечатанной версии «и оказывая».

²⁵ В напечатанной версии «освящением».

²⁶ В напечатанной версии «рабочих рук».

14. Так как юрская федерация громко провозгласила эти принципы и так как она искренно проводит их на практике, то славянская секция вступила в ее среду».

Такова была программа этого «*Славенского Завеса*». Большинство членов секции абсолютно не отдавали себе отчета, для чего понадобилось устроить секцию, а тем более не понимало всех принципов, изложенных в ней; только несколько лиц, не более 6-7 человек, были более или менее сознательными членами новой секции. Когда мы указывали на это обстоятельство Бакунину, он утешал нас тем аргументом, что все-таки при помощи всех этих молодых людей возможно будет завязать связи в Сербии и Австрии, где и сформируются секции уже более сознательный и, следовательно, более ценные для пропаганды наших идей. Помню, мы глубоко были огорчены, когда случился следующий казус. Молодой серб С—ч, поехав в Сербию, захватил с собой чемодан разных книг по социализму, запрещенных в Сербии. В Белграде он был арестован, и известный Ристич, бывший тогда там министром, предложил арестованному выбрать одно из двух: или быть висеченным, или быть судимым по всей строгости закона. Наш знакомый серб выбрал первое и был висечен, потребовав после экзекуции, чтобы ему выдали расписку, что дело его сдано в архив. По поводу несостоятельности элемента, из которого была составлена славянская секция, я написал Михаилу Александровичу длинное письмо в Локарно, куда он уехал из Цюриха. По всему вероятно, нижеследующее письмо Михаила Александровича и есть ответ на это мое письмо:

17 декабря 1872. Локарно.

«Мой милый Руль. Получил твое длинное письмо и спешу ответить тебе, хотя я очень занят и веду большую переписку именно теперь с нашими друзьями-испанцами. Начинаю с дела, о котором ты пишешь. Может быть, ты и прав, хотя я видел наших сербов и вовсе не нахожу, что они так уж из рук вон плохи, но положим, что ты и прав, так ведь других пока у нас нет, а на нет и суда нет; в наших горных секциях есть такие, что, по словам Гильома, кроме одного нашего человека, хоть шаром покати, не на кого положиться, а в Женеве и того хуже стало. Секция славянская необходима нам, хотя бы и такая плохая, какая есть, так как она может стать ядром для славянского нашего дела; нельзя не воспользоваться тем материалом, который собрался под рукой в Цюрихе, а потом, разве лучше было бы, если бы все эти сербы пошли за Светозаром Марковичем к немецким государственнымникам. Об этом следовало подумать, и мы дело сделали, что образовали хотя бы и такую секцию. Сербы наши, конечно, не станут хватать звезды с неба, но они хорошие малые, лишь бы трусами не оказались. Вот на этом их следует испробовать, а что они не усвоили нашей программы и не тверды в принципах, об этом, милый мой рыцарь, не печалься: много ли таких и среди нас, подумай. Не малодушествуй же и лишнюю щепетильность брось, а также не думай бросать дело, нами так хорошо поставленное для того, чтобы ехать в Италию; у тебя есть даже

много того, что я называю *le diable au corps et le poivre au c...*²⁷, хоть и отбавляй, а между тем мои и твои товарищи слишком скупо наделены природой именно этим качеством. Ты нам нужен там, а не в Италии, где такими хоть пруд пруди; мы часто с одним Малатестой не можем справиться, а тут ты еще просишься в одну упряжку с ним. Нет, друг, тебя не пустим туда, а дело ты найдешь себе, хватило бы только уменья, выдержки да преданности делу и сам найдешь себе такую среду, где удовлетворение полное обретишь для себя. Таков тебе мой ответ. Скажи З [Арману Россу], что я не в силах выполнить в такой короткий срок обещанное, пусть напишет Гильому и предупредит Швицгебеля.

Твой М. Б.

Прошу тебя, не забывай нашу 79 [Русскую ветвь интернационального братства], для которого собственно говоря я и удержу тебя среди нас. Когда он укрепится, ну, тогда другое дело. А, впрочем, об этом мы еще с тобой будем иметь разговор длиннее твоего письма. Скажи дамам, пусть купят той фланели, которую знают и дадут сшить мне две рубашки, только ворот пусть пустят широкий по мерке; как будут готовы – так пришли их мне».

5. Зачатки разлада в русском братстве

К этому же периоду времени относится и следующее письмо ко мне Михаила Александровича, которое я должен был бы цитировать перед вышеприведенным, так как оно относится к 28 мая того же года; я не сделал этого не желая нарушать программы изложения моих воспоминаний.

28 мая 1872. Локарно.

«Спасибо тебе, друг 7 [Арборе Ралли], за то, что ты первый вспомнил о моем существовании. Начинаю разговор с дела, о котором ты пишешь: не в укор будет сказано З-му [Арману Россу], я считаю вступление ваше в 154 [польское общество, о котором было сказано выше], чрезвычайно полезным и важным. Эти люди оказывают вам доверие, ищут вас, не ожидая того, чтобы вы их искали; мне кажется, что было бы непростительно, если бы вы, руководствуясь какими бы то ни было высшими политическими соображениями и хитросплетениями, отказались принять братски протянутую руку. К тому же, поступив таким образом, то есть сойдясь с ними, вы ничем не рискуете. Вы, разумеется, не откажетесь перед ними от своей собственной программы, выражающей верно ваши заветные убеждения. Эти убеждения выскажете им скромно, умно, понемногу, но твердо и

---

²⁷ Фр. «Черт в теле и перец в ...», возможно, буква «с» – это начало от слова «cul» – «задница», которое здесь опущено. (совр. прим.)

вполне, по крайней мере главные основы вашей программы, единственные, на основании которых вы в праве и можете серьезно сходитья с людьми; и только в таком случае, мне кажется, вы должны отказаться от участия в 154 [польском обществе], когда найдете в началах и целях, к которым они зовут, *коренное* противоречие с вашими убеждениями. А польза вашего участия в 154 [польском обществе] для меня несомненна. Оно может, если только люди, его составляющие, серьезные, честные люди, – или даже если только немногие между ними таковы, то наше схождение с ними возможно, – оно может быть действительно началом для нашего 121 [национального комитета союза социальной демократии], 101 [интернационального братства]. А это чрезвычайно важно. Во что бы то ни стало, старайтесь уничтожить в корне всякое 141 [марксистское] влияние и преимущественно влияние 155 [Грейлиха, влиятельного главаря марксистов в Цюрихе] и ему подобных в 154 [польском обществе]. Итак, основываясь, впрочем, на всем, что ты мне писал, уговариваю вас вступить немедленно в 154 [польское общество], и, начав свою тихомолвную и осторожную пропаганду против всякого близкого сближения его с 141 [марксизмом], 123 [Турским, эмигрантом, членом общества] 97 [Адольфом Стемпковским], не доводить, однако ж, сейчас же до полного и явного разрыва с ним. Пусть прежде 155 [Грейлих], 76 [генеральный совет Интернационала] признает его – если это только возможно. Таково по крайней мере мое мнение, и вы, видящие дело полнее и ближе, решите сами, возможно ли это или нет.

2. Я жду с нетерпением от вас известия о вашем окончательном решении на счет 8 [Лермонтова²⁸]. Приняли ли вы его в 79 [национальный русский комитет союза социальной демократии] или нет? Ведь мы все были согласны, оставалось согласие 2 [Эльсница], с которым он, без сомнения, встретился на 153 [конгресс секций в Невшателе]. Не думаю, чтобы 2-ой [Эльсниц] мог быть против него. Что до меня касается, то я действительно убедился в его дельности, преданности и полезности – жду вашего ответа.
3. А кстати, не рассердился ли 2 [Эльсниц] за мое выступление против его жевневской тактики и программы, которые я действительно нахожу из рук вон плохими?
4. Я просил вас через 8 [Владимира Гольстейна] подождать, то есть не спешить в деле разрушения 78 [славянской секции в Цюрихе]; дело, которое в самом деле не спешно, и отложить его до моего приезда; как порешили этот вопрос?

---

²⁸ Феофан Никандрович Лермонтов (1847-1878) – русский революционер-анархист. Из крепостных. В 1871-1872 годах член «Большого общества пропаганды» (чайковцев), в 1873-1874 годах возглавлял кружок бунтарей. Был лично связан в Бакуниным. Вел пропаганду среди рабочих, участвовал в подготовке «хождения в народ». «Человек с большими организаторскими способностями, самоотверженно преданный идее, не жалевшим для дела себя и других» как пишет Засодимский. Арестован в январе 1874 года в Петербурге. Судился по «процессу 193-х» (1878-1878). Умер в Литовском замке перед отправкой в ссылку. (совр. прим.)

5. С 8-м [Гольстейном] же я прислал вам подробно мной ему изложенное предложение на счет вашего протеста против возмутительного, несправедливого и произвольного отвержения, опубликованного 74-м [Марксом]²⁹ против 30 [Бакунина] и [славянской секции] 205, 196 [программы ее и статуты]. – Просил вас всех переговорить об этом деле, которое считаю чрезвычайно полезным, с 10 [Джемсом Гильомом]. – Что сделали вы по этому поводу?
6. С 8 [Гольстейном] я послал 10 окончание моего испанского письма³⁰, начало которого (1-й лист) должно было быть передано или прислано ему 3-м [Россом]. Кроме того, в воскресенье, 19-го, в самый день конгресса, 10 должен был получить письмо, которое должен был прочесть вам всем. Так как я не получил еще решительно ни от кого писем, то не знаю, что было сделано и решено по всему этому делу.
7. Каковы теперь ваши отношения к 3 [Россу]? Кроме двух писем, написанных им еще прежде отъезда 8-го [Гольстейна] ко мне, я ничего не получал от него. Никогда ни словом, ни даже намеком [он] не заикнулся на счет своих отношений к 15-му [нашему кружку эмигрантов того времени]. Во втором письме [он] просил меня только, чтобы я предупредил его, когда выеду из Локарно, желая встретить меня и переговорить со мной *с глазу на глаз, прежде моего приезда в Цюрих*, на что я, разумеется, в ответе своем согласился, – но на этот ответ (от 11 мая) не получил ответа. Прошу вас, друзья, скажите мне без всяких церемоний, ложной деликатности и утайки, всю суть ваших отношений с 3 [Россом] а также ваше теперешнее мнение о нем; мнение, может быть, и ошибочное, но не бойтесь ошибаться передо мной: если ошибетесь, потом сами узнаете ошибку и сознаетесь в ней перед ним же самим если мы окончательно с ним сойдемся, – от меня же он ничего и никогда не узнает. В этом, надеюсь, вы уверены. Я искренно люблю 3 [Росса], но люблю и ценю наш[у] 79 [русскую ветвь интернационального братства] выше него.
8. Наконец, письмо 7-го [Арборе-Ралли] произвело на меня такое впечатление, что мне кажется, что вы, по какой бы то причине ни было, не совсем довольны 153-м [конгрессом юрской федерации], ни моими 207 [горными] 210 [друзьями]. Если я не ошибся, то хочу знать и слышать от вас все причины, большие и маленькие, общие и личные, вашего недовольства. *Nein mit der Sprache*³¹ – не бойтесь, друзья, разоблачиться передо мной, и показать себя во всей наготе, каковы вы. Помните, что наше первое братское условие: совершенная взаимная прозрачность; к тому же, помимо ваших собственных лиц, желаю слышать от

²⁹ Ралли в воспоминаниях не дает расшифровки, однако Драгоманов пишет, что 74 – это Маркс. (совр. прим.)

³⁰ Имеется ввиду письмо, известное за границей под названием «Братьям Альянса в Испании», частично утерян. Опубликовано в рамках «Писем Бакунина к Мораго» в библиотеке анархизма. В этом письме Бакунин разъясняет роль Альянса внутри Интернационала как революционной организации, разъясняет тактику использования «народных вождей», рассказывает об идеологии и конфликте с Марксом и Пруденом. (совр. прим.)

³¹ Нем. «Говорите смело». (совр. прим.)

вас все подробности, именно от вас, происшествия, и личные, и общие проявления конгресса. Кто именно, мужчины и дамы, приехали из Цюриха? Назовите всех по имени, а также, по возможности, опишите слова и действия каждого. Как вел себя 130 [Лавровский кружок дам, бывший гостями на конгрессе] и был ли он многочисленным, и в каких находились вы с ним отношениях?

Были ли читаны на конгрессе Гильомом мои предложения касательно характера и границ Интернационалки? – одним словом, друзья, прошу вас написать мне подробности, какие только можно припомнить.

Письмо твое, друг 7 [Арборе-Ралли], дышит как будто унынием, – а, впрочем, уж не прошел ли для нас медовый месяц нашего 79-го [Русской ветви интернационального братства] и не начался ли Katzenjammer³², пора разочарования? Не возникло ли между вами самими семя, зародыш недо-разумения и взаимного недоверия? Надеюсь, хочу верить, что нет, а если, к несчастью, да, или полу-да, или сотая часть да, – друзья мои, спешите братским, честным объяснением задавить между вами этот поганый зародыш, вырвать его так, как доктор Арелли вырвал из подошвы моей самый корень мозоли. Дня чрез два или три буду ходить. А вы, надеюсь, не перестали ходить.

Если можете, пришлите 200 франков к моему выходу, – если не можете, не присылайте, – но пишите скорее, полнее и удовлетворительнее.

Ваш неизменный *М. Б.*»

Письмо это требует комментариев, которые тем более уместны именно в этой части моих воспоминаний, что наконец-то в наши взаимные отношения в 1872 году начала входить серьезная деловая сторона. В вышеприведенном письме Михаил Александрович говорит о польском обществе, устроенном в Цюрихе, и советует не уходить из этого общества, стараясь, однако, уберечь его от влияния марксистов – это было необходимо для Бакунина, так как он предполагал на будущий конгресс Интернационального Общества Рабочих увеличить контингент своих прозелитов представителем от этого общества, если только удастся обществу быть признанным за секцию Интернационала Генеральным Советом, который находился в то время в Лондоне; относительно же «славянской секции», которая абсолютно не могла продолжать существовать вследствие малой серьезности своих членов и которую Бакунин советовал не распускать, – она была также нужна Михаилу Александровичу на случай, если на конгрессе дело его будет проиграно: делегаты этой секции увеличат собою число недовольных решениями конгресса. Славянская секция была отвергнута Генеральным Советом Интернационала: Карл Маркс усмотрел в ней простой маневр Бакунина, желавшего взять реванш за русскую секцию в Женеве, создавшуюся под непосредственным влиянием марксиста Николая Утина во славу лично Маркса. Конечно, славянская секция Цюриха была содержательнее и полезнее, с точки зрения пропаганды идеи Интернационала, нежели мертворожденная женеvская

³² Нем. «Похмелье». (совр. прим.)

утинская русская секция. Сербь цюрихской секции все же унесли на свою родину идеи и принципы социализма, распространили там один-другой десяток книг и тем споспешествовали, со своей стороны, основанию сербского социализма, который, однако, увь!... впоследствии переродился в радикализм. Судьба русской женеvской секции была иная. Много позже, в 1878 году³⁵, я встретил лично на улицах Бухареста основателя этой секции Николая Утина, в форме русского военного инженера, и узнал, что он служит у известного Полякова по постройке Бендеро-Ренинской железной дороги. Говорили, что благодаря ходатайству генерала какого-то, император Александр II простил его, позволил вернуться в Россию, и при этом передавалась следующая фраза государя генералу-покровителю:

«– Надери ему уши, пусть впредь не шалит более!»

И Николай Утин более не шалил. *Mors ultima ratio*³⁴!.. Утин узнал меня, но, хотя и удивился, не подал виду, и тем, конечно, избавил меня от большой опасности быть схваченным и, может быть, расстрелянным, так как в это военное время я и мои товарищи распространяли революционные издания среди русских войск, находившихся в Румынии.

Во втором параграфе своего письма Михаил Александрович говорит о 8-м³⁵, то есть о Лермонтове, который в это время приехал из России и был предложен Бакуниным в члены русского национального комитета интернационального союза. Так как я, Эльсниц и Гольстейн знали очень мало новоприбывшего, хотя находили его прекрасным человеком, то и откладывали окончательное решение на некоторое время.

В 6-м абзаце Михаил Александрович говорит о своем длиннейшем письме к испанцам; письмо это, написанное Владимиром Августовичем Гольстейном под диктовку Бакунина было привезено в Невшатель и сдано Гильому, который должен был переслать его Алерини³⁶ в Барселону; другое письмо, про которое упоминает Бакунин, что должно было быть прочитано нам, оказалось простым посланием к интернациональным братьям союза от Бакунина.

Наконец, в 7-м параграфе письма Михаил Александрович говорит об 3 (Россе) и признается сам, что последний желает иметь с ним свидание «с глазу на глаз». Дело в том, что наш национальный русский комитет состоял из *меня, доктора Эльсница, доктора Гольстейна, Бакунина и Росса*; в программе нашей был, как читатель увидит ниже, специальный параграф, требовавший «совершенной взаимной прозрачности отношений»; относительно этой прозрачности самым строгим требователем всегда был сам автор программы, нас связывавшей, Михаил Александрович, боявшийся всегда конспирации в недрах своего союза, но вечно сам конспирировавший то с

---

³⁵ В 1877-1878 году происходила Русско-турецкая война, по большей части театром военных действий для которой были Балканы – все балканские страны выступили на стороне России, в том числе и Румыния (соединенное королевство Молдавии и Валахии). Примечательно, что на стороне Турции воевали и польские, чеченские, абхазские и другие повстанцы. (совр. прим.)

³⁴ Лат. «Смерть есть последний довод всему». (совр. прим.).

³⁵ Бакунин любил до страсти употреблять условный цифровой шифр в своих письмах, причем очень часто путал и забывал его.

³⁶ См. Приложение.

одним против других, то с другим против одного. Конспирации эти, однако, были всегда шиты белыми нитками и потому в конце концов узнавались именно теми, против которых велись. Понятнее дело, что в результате сказывался разлад и организация расплзлась врозь. Будучи знаком с Россом немного раньше, нежели познакомился с нами, будучи человеком крайне непрактичным в жизни, Михаил Александрович ценил очень высоко это качество в других, а Росс был в его глазах человек практический, настоящий русский умный мещанин. Перед здравым смыслом с холодным расчетом этой «обстоятельной» натуры революционный темперамент и широкая славянская натура Бакунина пасовала.

Конечно, практические советы Росса должны были пойти на пользу непрактичной «большой Лизе», как называл Герцен Бакунина, но с условием, *sine qua non*, чтобы эти советы не стремились отнюдь суживать широту концепции, чистоту средств, при посредстве которых предполагается реализовать революционное дело.

Чуткая натура Бакунина ясно заметила диссонанс, разъедавший наш кружок. Он прекрасно видел, что взгляды на вещи у нас, хотя и общие, но *res inopus*³⁷ нас абсолютно должен разъединить; тем более, что с точки зрения энциклопедического образования, эрудиции и начитанности, мы трое стояли гораздо выше нашего товарища, ставшего для нас некоторым образом *alter ego* того, которого мы признавали своим старшим братом и которому абсолютно доверяли, как человеку с большим революционным прошлым. Присмотревшись к начавшимся несогласиям в нашем кружке, несогласия, которые образовали холодные взаимные отношения между моими двумя товарищами и Россом, Бакунин в своем письме говорит, что «для нас прошел медовый месяц нашего братского союза» и «начался Katzenjammer». И он был прав: лишь только мы порешили взяться за дело, то есть начать издавать несколько книг и брошюр социально-революционного характера для России, как наш товарищ Росс признал нужным взять на себя роль маленького начальника, назначенного *ad hoc*³⁸.

Меня лично не беспокоила отнюдь эта роль, так как я превратился в простого наборщика, и, набирая книгу Бакунина «Государственность и Анархия», желал видеть ее напечатанной возможно скорее; не таково, однако, было положение моих двух товарищей, доктора Эльсница и доктора Гольштейна, занятых интеллектуальным трудом, а именно составлением книги «Историческое развитие Интернационала», собранной из переводного материала. Их работа, по своей сущности, ставила их в соприкосновение с Россом непосредственно. И книга эта, конечно, вышла бы гораздо лучше, не представляла бы из себя какую-то революционную хрестоматию, если бы издание ее не носило на себя печати посредственности, наложенной на нее теоретической подготовленностью нашего практического сотоварища. Для людей интеллигентных, каковы были мои два товарища, началась невыносимая пытка. Признавая более, нежели полезным, участие Бакунина в редакции наших изданий, они не могли признать и участие Росса или Зайцева, который в это время поселился в Локарно в одном доме с Бакуниным и начал писать для нашей типографии «Анархию по Прудону»³⁹.

³⁷ Лат. «Необходимая вещь». (совр. прим.)

³⁸ Лат. «По мере необходимости». (совр. прим.)

³⁹ На самом деле «Анархию по Прудону» писал Джеймс Гильом, Зайцев лишь переводил ее на русский. (совр. прим.)

Принявши во внимание все это, я решился ответить Михаилу Александровичу коротким письмом, в котором уведомлял его о моем приезде в Локарно. В ответ на мое письмо я получил следующее от Бакунина:

2 июля 1872 года, Локарно.

«Мой милый друг, получил сегодня твое письмо и, как видишь, сегодня же отвечаю тебе. Прежде всего скажу тебе, я рад тебя видеть всегда, но стоит ли тратить деньги, так как я сам собираюсь к вам, где надеюсь благополучно покончить все ваши недоразумения; после честного, прямого объяснения, на котором я настояю, уверен, что ты перейдешь на нашу сторону, и – говорю прямо – на сторону моего второго друга Росса, так как ты действительно требуешь дела. Я теперь прекрасно помню характеристику твоей личности, сделанную мне ужасным Нечаевым, *ton faible*⁴⁰, между вами будь сказано, и одного не пойму, как мог ты Нечаеву за его энергию и преданность делу столько простить, а Россу, не в упрек будет сказано тебе, не прощаешь его замашек, положим, и не товарищеских. Конечно, мы отвергаем всякую политику сделок и уступок, которые не имели бы прямой и непосредственной целью торжество нашего дела, но, разве, если того требует дело, мы не должны и этим поступиться? Обдумай и реши. Я верил нашему обязательству, что каждый из нас должен быть священен для всех других, более священен, чем родной брат, но ведь, с другой стороны, для каждого из нас не должно быть ни дела, ни интереса, ни обязанностей более священных, чем служение нашему обществу. Вот это именно и оправдывает Росса, так как будь он и приказчик от революции, как ты его обозвал, все же он считается правым перед нами, так как и ошибки его происходят от того, что он слишком узко смотрит на дело, поднять же его до нас, если уж мы и впрямь стоим выше и видим дальше, – наша обязанность. Затем я должен тебе в конце концов сказать, что он о тебе лично самого хорошего мнения и даже любит тебя, насколько может любить его сухая натура; он дорожит тобой и верит в тебя, а если не относится также к нашим друзьям, так ведь, может быть, они виноваты, а не он, отдающий себя весь делу.

Обнимаю тебя. Твой М. Б.»

Письмо это произвело на меня тяжелое впечатление. Я понял самым ясным образом, что кружок наш распадается, хотя еще верил в возможность и действительность объяснений. Во всяком случае, дело ясное, существовали уже все элементы для разложения. Вскоре, однако, приехал в Цюрих Бакунин, где и осел вплоть до возврата делегатов с гаагского конгресса Интернационала.

---

⁴⁰ Фр. «низкий тон», «твоя слабость». (совр. прим.)

II. Интернациональное братство или Альянс.

В этом месте моих воспоминаний я должен открыть кавычки и, вернувшись несколько назад, пересказать читателю ту часть моих воспоминаний, которая относится к нашему вступлению в *союз интернациональных братьев*.

Неоднократно уже я упоминал термины «*национальный комитет*», «*интернациональное братство*», не объясняя предварительно значения этих терминов. Объяснение, собственно говоря, становится необходимым в дальнейшем пересказе моих воспоминаний, а поэтому и приступаю к этому объяснению, требующему, однако, от меня возврата назад, к прошлой деятельности Михаила Александровича до моего знакомства с ним.

В 1864 году, когда Михаил Александрович покинул Лондон и переселился в Италию, заветной его мыслью стало основание тайного интернационального общества, которое соединило бы в один стройный союз всех борющихся за действительное политическое и социальное освобождение человечества; полезность такого союза Бакунин видел в том неоспоримом влиянии, которое имела на пропаганду идей 1848 года на континенте встреча в Лондоне в 1846 году с такими людьми, как Луи-Блан, Ледрю-Роллен, Гарибальди, Мадзини, Герцен, Кошут и так далее. Их прокламации к европейским народам, их взаимная связь, хотя и недолговременная, оказалась крайне полезной для революции 1848 года во всех тех странах, где идеи того времени имели своих пропагандистов. «На меня самого прокламации, подписанные этими людьми в Лондоне, произвели тогда неизгладимое впечатление», – передавал нам Бакунин. Организовать такой союз из революционных элементов всех наций, взаимно поддерживающих и помогающих друг другу, впервые попробовал Бакунин в Италии, в бытность свою в Тоскане, первая же серьезная попытка была совершена в Неаполе, где Михаил Александрович написал даже несколько статей в газете того времени *Libertà e Giustizia*¹.

– Тогда-то я и написал первый мой проект статута для интернационального братства, – заявлял нам Бакунин, и прибавлял при этом всегда; – первыми братьями этого общества были итальянцы, потом испанцы и,

---

¹ 6-страничная статья «Сущность религии», опубликованная в трех частях 3, 4 ноября и 1 декабря 1867 года в Неаполе газетой «*Libertà e Giustizia*». Другие две статьи также опубликованы в Неаполе, одна из которых носит название «Статьи для Il popolo d'Italia» (5 статей), опубликованных 22 и 30 сентября, 4, 22 и 26 октября 1865 в соответствующей газете, а третья – «Ситуация в Италии», которую написал Альберто Туччи, а редактировал Бакунин (октябрь 1866) опубликована в виде отдельного листка, исписанного с двух сторон. (совр. прим.)

наконец, французы и русские; был после и один немец², да и тот нам изменил!..

Передавая нам историю образования этого общества, Михаил Александрович всегда высказывал мнение, что это тайное общество по тождественности своих основных принципов может считаться предшественником Международного Общества Рабочих.

В 1867 году вокруг небольшой группы итальянцев, близких уже Бакунину и составивших первые кадры его «братьев», была организована первая неаполитанская секция, Международного Общества Рабочих. Секция эта считала несколько тысяч членов, частью рабочих, частью мелкой буржуазии, гарибальдийцев и мадзинистов, захваченных новым течением. Секция имела свою газету *Eguaglianza*, организовала несколько неудавшихся забастовок и имела в 1867 году на Лозаннском конгрессе Международного Общества Рабочих своего представителя в лице делегата Гаспара Стампа, который потом оказался, однако, мадзинистом; на Базельском конгрессе общества неаполитанская секция имела уже своими делегатами Михаила Бакунина и Капоруссо. Тогда итальянское интернациональное общество обладало прекрасно сформированными секциями в Каstellамаре и других местах.

После гибели общинного движения в Париже³, неаполитанская секция должна была прекратить свое существование, но в 1872 году она снова была восстановлена, благодаря Малатесте.

Влияние идей Бакунина в Испании началось немного позже⁴, а именно после падения Парижской Коммуны, хотя Гарридо пропагандировал идею интернационального братства Бакунина уже в 1870 году. На барселонском конгрессе Международного Общества Рабочих, когда был поднят вопрос «кого следует считать рабочим», конгресс принял определение слова «рабочий», данное Михаилом Александровичем в его письме к члену интернационала Месса, и поэтому формулировал свое определение, принятое конгрессом, следующим образом:

«Так как освобождение рабочих должно быть делом самих же рабочих, то необходимо ясно определить те границы, которые отделяют наш класс от класса привилегированных, и дать этому определению самое научное возможное значение.

Всякий человек, который производит какой-либо меновой продукт, есть по этому самому рабочий; продукт же становится меновым лишь когда имеет характер социальной полезности. Индивид, например, который делал бы панталоны из бумаги, хотя бы и работал над производством этих ненужных панталонов из папиросной бумаги, общественная бесполезность которых ясна, не может считаться рабочим.

---

² Возможно, имеется в виду Жан-Филипп Беккер, который примкнул к марксистам.

³ То есть Парижской Коммуны. (совр. прим.)

⁴ На самом деле активной пропагандой бакунизма в Испании еще в 1868 году занимался Фанелли и крайне успешно. (совр. прим.).

Следовательно, необходимое условие для продукта человеческой работы есть общественная его полезность, а поэтому продукты интеллектуальной работы, как то: хорошая поэзия, драма, литературное произведение, статуи, картины, научное открытие и прочее, которые обладают качеством общественной полезности, дают право производителю их числиться в категории пролетария и носить наименование рабочего.

Напротив, всякий индивид, который, хотя и работает, но не дает своему труду характер общественной полезности, не может претендовать на звание рабочего и должен быть сопричислен к классу слуг.

К классу слуг следует отнести людей, которые носят название лакеев, государственных людей, военных, священников, адвокатов, проституток и прочих, которые хотя и трудятся на пользу поддержания всех социальных привилегий и пороков буржуазного класса, не дают своему труду характера общественной полезности.

Существует, однако, другое отличительное свойство, которое хотя и не столь глубоко, все же имеет громадное значение для разграничения двух лагерей, из которых составляется нынешнее человеческое общество и которое должно служить нам за правило при организации нашего общества рабочих.

Всякий полезный продукт может быть сработан двояким способом: 1) при помощи инструментов, которые принадлежат рабочему или же – 2) при помощи инструментов, которые принадлежат другому индивиду, называемому фабрикант, заводчик, патрон, капиталист, которые дабы пустить в ход инструменты производства, дают производителю от времени до времени определенную плату.

Эти два различные способа производства разделяют рабочий класс на две категории совершенно особые: на ремесленников или рабочих *свободных*, между которыми следует считать не только рабочих, работающих от себя и которые обладают всеми или частью инструментов, необходимых для работы, но и крестьян, литераторов, артистов, художников, писателей, скульпторов, ученых, и на рабочих фабрик и заводов, не обладающих никакими инструментами работы и получающих плату от фабриканта.

Рабочие первой категории, число которых все уменьшается в нынешнем капиталистическом обществе, гибнут в рядах буржуазии, общественные пороки и предрассудки которой более или мене разделяют. Рабочие второй категории составляют большинство рабочей массы, для освобождения которой и основалось Международное Общество Рабочих».

В 1868 году Михаил Александрович, вернувшись из Италии в Швейцарию, попробовал присоединить к начатому им уже делу организации «*интернационального братства*» и русских людей. Для начала он обратился с этой целью к Николаю

Ивановичу Жуковскому, который привлек за собой Николая Утина, Ольгу Л. И еще нескольких «дам», как передавал, впоследствии, нам Бакунин. Сформировался вскоре в Женеве следующий кружок: Жуковский, Утин, Семен Яковлевич Жеманов⁵, Михаил Элпидин, О. Щербаков и «дамы». Кружок этот, по предположению Бакунина, должен был дать ему людей для образования интернациональной ветви русских братьев, а потому, доверившись двум лицам из русских эмигрантов, Бакунин сообщил Утину и Жуковскому секретную программу своего союза, не указывая, однако, им по имени своих итальянских сотоварищей по обществу. Утин, однако, чрез два месяца, не более, донес об этом обществе Карлу Марксу, привлек на свою сторону Беккера и сделал пребывание Бакунина невозможным в Женеве, откуда Михаил Александрович уехал опять в Италию.

«– Это была моя последняя попытка привлечь русских в мой союз, – говорил нам Бакунин, – теперь, надеюсь, что с вами мы, наконец, сделаем то, что было моей заветной идеей с 1864 года».

Итак, в 1872 году, по предложению Бакунина, мы трое, то есть я, Эльсниц и Гольштейн, вошли в так называемый союз интернациональных братьев, носивший название по-французски *Alliance de la Démocratie socialiste*.

Программа этого союза, находящаяся в моем архиве, отличается немногим от того тайного устава, который напечатан в книжке Утина и потом перепечатан Драгомановым; как историческую редкость, которую я сберег в моей скитальческой жизни в изгнании, передаю ее дословно, будучи убежден, что у очень немногих бывших бакунинцев она имеется или имелаась.

Программа союза интернациональных братьев.

(для испытуемых)⁶

---

⁵ Псевдоним «Еллинов», 1836-1903, из мещан. В начале 1860-х учился в Казанском университете. Видимо, член революционно-демократической организации «Земля и воля». Арестован 29 апреля 1863 по делу о «Казанском заговоре». Отправлен в Петербург, содержался в Петропавловской крепости, в июне 1863 возвращен в Казань. Судился Казанским уездным судом в ноябре 1864 по делу о «Казанском заговоре», приговорен к каторге на 12 лет; при утверждении Сенатом срок сокращен до 10 лет. 21 ноября 1865 бежал из Казанской тюрьмы. Скрылся за границу. По высочайшему повелению от 17 мая 1867 о прекращении всех неоконченных до того времени политических дел, «относящихся к последнему мятежу», подлежал освобождению от наказания с подчинением надзору. В том же году ходатайствовал о разрешении на возвращение в Россию, но получил отказ. В эмиграции жил в Женеве. В январе 1868 участвовал в организации бакунистской Русской ветви Интернационального братства. Сотрудничал в журнале «Народное дело» (Женева, сентябрь 1868 – август-сентябрь 1870) (затрудняюсь сказать, в бакунистский или в марксистский период его существования). В январе 1869 на тайном съезде Интернационального братства Бакунин был подвергнут критике со стороны большинства делегатов, затем в том же месяце Братство приняло решение о самороспуске. В дальнейшем жил в Женеве и Цюрихе, «принимал участие в общей деятельности эмиграции». Был связан с группами русских бакунистов, в т.ч. входил в группу «Работник». Сотрудничал в журнале «Общее дело» (Женева, май 1877 – ноябрь 1890), в котором опубликована его поэма «Стенька Разин». В ноябре 1880 переехал в Париж; работал в типографии, сотрудничал в газете «L'Intransigeant», издававшейся бывшим республиканцем-радикалом, а затем буланжистом Анри Рошфором. К 1890-м прекратил политическую деятельность. Жил в Невшателе (Швейцария), профессор политэкономии. (совр. прим.)

⁶ Эту программу позволительно было давать читать не пошедшим еще в организацию, но которые могли в будущем быть приняты.

1. Союз интернациональных братьев объявляет себя атеистическим; он хочет уничтожения религий, ставя науку на место веры и человеческую справедливость вместо божественной справедливости.
2. Он хочет, прежде всего, полного и окончательного уничтожения классов и политического, экономического и общественного равенства индивидов обоих полов, а чтобы достигнуть этой цели, требуется прежде всего уничтожение наследственного права, дабы в будущем пользование было бы равно производству каждого, и чтобы, согласно последнему конгрессу рабочих в Брюсселе, земля, инструменты труда, как и всякий иной капитал, были коллективной собственностью всего человеческого общества, будучи только лишь использованы рабочими, то есть земледельческими и промышленными обществами крестьян и рабочих.
3. Он хочет, чтобы дети обоих полов, с самого их рождения, пользовались равными средствами для своего развития, то есть имели бы содержание, воспитание и образование всех степеней научное, индустриальное и искусств, будучи убежденным, что равенство это, сначала только экономическое и общественное, будет иметь своим конечным результатом создание все более и более большего равенства между индивидами, и уничтожение всех ложных неравенств, созданных исторической неправдой самой бессовестной общественной организации.
4. Враг всякого деспотизма, не признавая иной формы политического общежития, кроме республиканской, и отвергая абсолютно всякий союз с реакцией, он отвергает также всякую политическую деятельность, которая не имела бы прямой непосредственной целью торжества рабочих в их борьбе с капитализмом.
5. Он признает, что все политические и авторитарные государства, ныне существующие, и которые все более и более превращаются в простую административную машину, должны исчезнуть в будущем всемирном союзе свободных земледельческих и промышленных ассоциаций.
6. Социальный вопрос не может найти окончательного своего разрешения, как только на основании международной солидарности интересов рабочих всех стран, а потому именно союз отвергает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и соперничестве наций.
7. Он хочет создать всемирную ассоциацию всех местных обществ чрез посредство *Свободы*».

Такова была явная программа союза, созданного Михаилом Александровичем; эта явная программа была, однако, написана много позже, когда понадобилось иметь таковую для публики. Для посвященных, для членов союза, для интернациональных братьев Бакунин написал другую, подробную программу, которая не была напечатана и не должна была разглашаться. Текст этой тайной программы, переписанный мной с итальянского текста, следующий:

«Интернациональные братья не имеют иного отечества, кроме всемирной социальной революции; у них нет иного врага, кроме господства во всех его формах: религиозной, доктринерской, политической, экономической и социальной.

Интернациональные братья стремятся к созданию свободного человеческого мира, основанного на труде, равенстве, солидарности всех человеческих существ.

Мы хотим:

1. Разрушения всех религиозных, политических, юридических, экономических и социальных учреждений, составляющих настоящий буржуазный порядок вещей.
2. Создания самостоятельной и совершенной свободной организации освобожденных масс на место разрушенного государственного строя.
3. Интернациональные братья отвергают всякую политику сделок и считают реакционным всякое политическое движение, не имеющее непосредственной целью торжества их принципов.
4. Интернациональные братья никогда не враждуют; третейский суд, выбранный враждующими братьями, есть единственное правосудие, которое они признают и пред которым преклоняются.
5. Каждый брат священен для всех, все обязаны помогать и защищать каждого до последней возможности.
6. Интернациональным братом может быть только тот, кто искренно принял всю программу со всеми ее теоретическими и практическими последствиями, и который к уму, энергии, честности и скромности присоединяет еще революционную страсть – носит черта в теле.
7. Для брата не должно быть ни дела, ни интереса, ни обязанностей более священных, чем служение революции и нашему тайному сообществу, которое должно служить революции.
8. Брат имеет право отказаться от поручения, которое на него возложит Центральный Комитет сам или тот Национальный Комитет, к которому он принадлежит, но много последовательных отказов заставят смотреть на него, как на нерадивого брата; такой брат может быть исключен своим Национальным Комитетом и по представлению последнего окончательно стерт из среды братьев.
9. Никто из братьев не может принять общественной должности без согласия Комитета, к которому он принадлежит. Никто не может совершить какое-либо действие и какую-либо политическую, публичную манифестацию, не посоветовавшись с Комитетом и не получивши его согласия.

10. Все интернациональные братья знают друг друга. Между ними обязательна полная прозрачность и не должно быть политической тайны. Никто не может принимать участия в каком бы то ни было тайном обществе без согласия на то Центрального Комитета, которому и должен будет сообщать все тайны того общества, в которое вошел.
11. Интернациональные братья составляют из себя:
  - 1) Общие Собрания всех.
  - 2) Центральный Комитет.
  - 3) Национальные Комитеты.

Общее Собрание

Собрание всех членов только тогда действительно, когда на нем присутствует 2/3 всех братьев. Оно есть верховная и исполнительная власть союза, от которой зависит изменение правил и устава общества.

Центральный Комитет.

Состоит из Центрального Бюро и Центрального Наблюдательного Комитета, члены которого суть те из братьев, которые находятся по делам союза среди братьев национальных комитетов.

Национальные Комитеты.

Все Национальные Комитеты состоят из интернациональных братьев, которые составляют местный комитет национальных организаций и те, которые при Центральном Комитете состоят делегатами этих комитетов.

12. Для поступления нового брата необходимо единогласное согласие всех присутствующих членов (не менее трех) Национального Комитета и утверждение 2/3 членов Центрального Комитета.
13. Центральный Комитет принимает нового члена в свою среду единогласно.
14. Национальный Комитет есть судья поведения каждого из своих членов во всем, что касается их революционного достоинства или их отношений к обществу. Приговоры его утверждаются Центральным Комитетом. Он направляет деятельность всех национальных братьев; он находится в непосредственных сношениях с Центральным Бюро, чрез посредство своего центрального бюро.
15. Национальный Комитет организует тайное общество своей страны, из национальных братий.

16. Национальные братья каждой страны организуются так, чтобы они никогда не могли избежать управления интернациональных своих братьев, составляющих Центральный Комитет.
17. Национальный Комитет, если того потребуют интересы страны, установит две категории национальных братьев: а) категорию братьев, которые знакомы между собой во всей стране и б) категорию братьев, которые знакомы лишь с членами своего кружка. Обе группы, однако, ни в каком случае не должны подозревать даже существование интернациональной организации, местонахождение и состав Центрального Интернационального Комитета.
18. Интернациональные Комитеты обязаны создавать финансовые средства всей организации, выделяя часть этих средств для интернациональной организации. Изыскание денежных средств ни в каком случае не может быть таково, чтобы его могли назвать нечистым».

Кроме этой программы союза, Михаил Александрович, на вопросы о центральном комитете союза и о национальных комитетах, указывал, что организация их составляется как и в обществе, называемом Союз Социальной Демократии (*Alliance de la Démocratie socialiste*).

Программа этого последнего союза уже дана мной выше под названием программы для непосвященных, программа же организации этого союза, написанная Бакуниным и переделанная им несколько раз, была окончательно принята союзом интернациональных братьев только в 1872 году. Вот текст ее по итальянской рукописи:

- «1. Центральный постоянный Комитет союза состоит из всех членов постоянных национальных комитетов и членов центральной делегации. Эти члены, собранные вместе, составляют общее собрание тайного общества или союза, которое и есть учредительная и верховная власть всего союза, Собрание имеет место непременно раз в год, но может быть созвано центральной делегацией во всякое время.
2. Центральная делегация есть постоянная представительница Центрального постоянного Комитета союза. Она есть верховный исполнительный совет союза, в границах устава и круга действий, которые могут быть изменены только общим собранием тайного союза. Все вопросы, подлежащие исполнению, решаются делегацией простым большинством голосов, принятые решения обязательны для национальных комитетов.
3. Центральная делегация выделяет из своей среды 3-5 и даже 7 членов для образования Центрального Бюро. Оно есть вполне тайное и неизвестно никому, кроме центральной делегации. Центральное Бюро состоит из членов, выбранных тайно, но пожизненно; член Центрального Бюро, покидая свой пост, удаляется навсегда и из организации Союза, он уходит в отставку, без того, чтобы кто-либо и когда-либо знал, что он составлял часть этой тайной организации. Уход его может быть только добровольный.

4. Центральное Бюро, в качестве тайной исполнительной власти, чрез посредство явной исполнительной власти центральной делегации Центрального постоянного Комитета оживляет тайную и явную пропаганду союза во всех странах, где существует его национальная организация. Оно управляет частью финансов союза, издает циркуляры, посылает агентов в разъезды, для образования национальных организаций там, где их нет, влияет на все издания союза, указывает на все те общественные организации, где признает полезным иметь своих агентов.
5. Национальные Комитеты образуются из всех членов Центрального постоянного Комитета, принадлежащих к одной нации. Как только будет в постоянном Центральном Комитете три члена одной нации, они будут приглашены составить Национальный Комитет той страны, к которой принадлежат. Каждый Национальный Комитет имеет специальную задачу основать национальную организацию союза, как явную, так и тайную. Он будет его главой и администратором при помощи Национальной делегации, из среды которой выберется тайно Национальное Бюро. Национальные Комитеты будут относиться к своим бюро, как Центральный Комитет к своему центральному бюро».

Такова программа организации этого союза. Для него Бакунин потом написал отдельную общую тайную программу. Вот текст этой тайной программы, разглашать которую возбранялось:

- «1. Интернациональный союз основан с целью служить организации и ускорению всемирной революции, на основании принципов, провозглашенных анархией.
2. Сообразно этим, принципам, целью революции может быть только: а) уничтожение всех государств и всех господств в Европе, религиозных, монархических, аристократических и буржуазных, – следовательно, разрушение всех существующих государств, со всеми их учреждениями, политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми; б) создание нового общества на основе свободно ассоциированного труда, при коллективной собственности, равенстве и справедливости.
3. Революция, как мы ее понимаем, необходимо должна иметь интернациональный или всемирный характер. Ввиду коалиции всех привилегированных интересов и всех властей в Европе, располагающих их огромными средствами, которые вытекают из искусно устроенной организации, ввиду глубокой розни, царящей теперь повсюду между буржуазией и рабочими, никакая национальная революция не может достигнуть окончательного успеха, если она не распространится на все другие большие нации; она не может, однако, перейти границы, если не примет всемирный характер, то есть, если она не будет явно социалистической, разрушающей государство и всякую власть, и основывающей свободу при посредстве равенства и справедливости; революция ныне не может больше поднять рабочих без освобождения труда, на развалинах всех учреждений наследственной собственности и капитализма.

4. Будущая революция может быть только всемирной, а потому и союз наш, или говоря искренно, заговор (conjuraton) должен быть всемирным.
5. Союз наш преследует двойную цель: а) он будет всеми силами распространять в народных массах всех стран истинные понятия о политике, о социальной экономике и о всех философских вопросах, б) он будет вести деятельную пропаганду журналами, брошюрами, книгами, а также основывая явные сообщества, с) он будет стараться привлечь к себе всех умных, энергичных, скромных людей доброй воли, искренно преданных нашим идеям, чтобы образовать во всей Европе и Америке невидимую сеть преданных революционеров мысли, ставших еще могущественнее через этот союз, пропагандирующий их идеи среди народов».

Таковы все те программы, которые выработал Бакунин до 1872 года⁷, когда мы познакомились с ним. Вступив в национальный комитет русской социальной демократии, мы трое – я, Эльсниц, Гольстейн, – считались Михаилом Александровичем принадлежащими к его союзу интернациональных братьев, связующим звеном с организацией которых должен нам был служить наш товарищ Росс. Выбор, сделанный Бакуниным, однако, в этом отношении оказался неудачным, как доказали последующие события. Отдавшись целиком деятельности, затеянной Бакуниным, будучи непосредственно связаны с ним, мы вскоре познакомились и сошлись со всеми его интернациональными сотоварищами. Вся хитросплетенная им организация была сшита так, что очень скоро она сделалась не только до самых мелких ее деталей нам всем известна, но, по желанию самого Бакунина, мы должны были переписывать и писать под его диктовку все его длинные письма к итальянским, французским и испанским братьям. Никакого вреда, конечно, от этого не вышло, но, во всяком случае, и программы все эти, с их централистической организацией, не оказались практически приложимыми во все время интернациональной деятельности Бакунина. Один только раз он был жестоко наказан за свою слишком поспешную откровенность, с которой сообщал все свои тайные и явные программы – это было до моего знакомства с ним, когда он сообщил их Николаю Утину и Беккеру. Эти последние тотчас же передали все Карлу Марксу – и сыр бор загорелся.

Этим я и заключаю мое невольное отступление от хронологического порядка моих воспоминаний. Теперь, когда читатель уже понимает термины, употребляемые мной: национальные и интернациональные братья, я снова беру в руки прерванную нить пересказа воспоминаний, с того самого момента, где оставил его.

---

⁷ На самом деле Ралли привел лишь некоторые из программ. (совр. прим.)

III. Разлад

1. Раскол в Интернационале

Итак, я сказал уже, что Михаил Александрович приехал в Цюрих, где поджидал возвращения делегатов Италии из Гааги, где они были на интернациональном конгрессе рабочих. По приезде его, он поселился на квартире, снятой несколькими русскими девушками-студентками, которые отвели ему самую лучшую из своих комнат, с пианино, на котором часто вечером игралась увертюра из «Тангейзера» и «*Sonate patétique*» Бетховена, – любимые пьесы Бакунина. Слушая игру на фортепиано, Михаил Александрович, увлекшись музыкой, начинал порой мурлыкать своим сильным голосом какой-то мотив, который выдавал за свое музыкальное произведение; при этом он говорил:

«– Когда я сидел прикованный к стене, в австрийской тюрьме, то воображал себя Прометеем, прикованным к скале, которого печень клюет двуглавый орел – и я пел этот мотив».

Существование нашей славянской секции доставило Михаилу Александровичу в это время большое удовольствие; он приглашал к себе сербов-студентов, говорил с ними и очень огорчался, что в Цюрихе нет и студентов чехов. Было решено, что на предстоящем Конгрессе в Сент-Имье будет и делегация от славянской секции, как той, что составляет часть юрской федерации Международного Общества Рабочих.

Конгресс международного Общества Рабочих в Гааге открылся 1-го сентября 1872 года. Михаил Александрович получал оттуда почти каждый день письма, в которых испанцы и Гильом передавали ему все детали происходившей там борьбы марксистов с бакунистами. Прежде всего пришло письмо, в котором сообщалось, что главный совет интернационала *сфабриковал* на месте полномочия для членов генерального совета Франкеля, Иоганса, Лонга, Ранвье и Серрайе от каких-то тайных французских секций. Кроме того, многие делегаты из Франции явились с полномочиями без указания имени уполномоченного. Таковое появление анонимных делегатов объяснялось положением дел во Франции, где Интернационал в то время был запрещен законом. При открытии конгресса испанские делегаты (Алерини, Фарга¹, Марселау² и Мораго³) вместе с делегатами Юры и Бельгии (Гильом и Швицгебель, Брисме, Эбергард, Флис, Сплингард, Ван-дер-Абеле) предложили, чтобы каждая страна или федерация национальных секций при голосовании считались за один голос. Против этого предложения восстал Карл Маркс и Энгельс, потому что в таком случае

---

¹ См. Приложение.

² Там же.

³ Там же.

бакунисты оказались бы в большинстве, так как на стороне марксистов оказалась бы одна Германия с 7 делегатами и Франция с 16 делегатами, между тем как бакунисты имели на своей стороне бельгийскую федерацию, юрскую, голландскую, английскую, испанскую и американскую, итальянская же федерация, не пославши своих делегатов, заранее заявила, что она не признает Генерального Совета, но отдает все же свой голос оппозиции на конгрессе. Предложение бакунистов было отвергнуто; тогда все делегаты-бакунисты заявили, что они не будут голосовать и остаются на конгрессе в качестве наблюдателей. Покончив с этим вопросом, и будучи убежденными в своей победе, марксисты, по предложению самого Маркса, составили комиссию из пяти членов для расследования дела, касающегося *Альянса социалистической демократии*. Потом, по предложению делегата Саржа, конгресс принял решение, которое гласило, «что *Генеральный Совет* интернационала есть и должен быть главным штабом общества, противно мнению сторонников автономии, которые де заявляют, что Интернационал не имеет надобности в голове; мы думаем, напротив, что обществу необходима одна, и с большим вместительным мозгом»⁴. По предложению Энгельса, большинством голосов конгресса было отредактировано следующее решение:

«Ст. 2. Генеральный Совет обязывается исполнять решения Конгресса и наблюдать за точным исполнением основных принципов общества во всех странах, где существуют организации общества, равно как за исполнением статуты и общих регламентов общества.

Ст. 6. Совет пользуется правом временного исключения ветвей секций, советов или комитетов и даже целых федераций Интернационала впредь до следующего конгресса. Однако, в отношении секции какой-либо федерации, он не пользуется этим правом без предварительного соглашения с комитетом этой федерации».

Это решение конгресса предрешило распад Международного Общества на две части. Федералисты, на стороне которых была вся Италия, Испания, Юра и часть Франции с Бельгией и Голландией, конечно, не приняла такого решения, хотя руководителям тогдашнего общества прекрасно было известно, что решение, принятое явно на Гаагском конгрессе, федералистами практиковалось давно уже *тайно*. Бакунинская организация была абсолютно централистическая, центральный постоянный комитет и центральное бюро этого комитета, состоявшее из трех-пяти человек, был тот же Генеральный Совет, если даже не более. Во всем этом вопросе дело сводилось просто-напросто к борьбе за преобладающее значение двух личностей – Бакунина и Маркса, начало вражды которых относится ко временам более ранним. Если бы Карл Маркс не увлекся и не пожелал окончательно раздавить своего противника, если бы на Гаагском конгрессе марксисты ограничились лишь разрешением вопроса о полномочиях Генерального Совета и об исключении из Интернационала *союза интернациональных братьев*, которые свили себе гнездо в недрах его под маской Альянса – справедливость была бы на его стороне. Но не удовольствовавшись этим,

---

⁴ Эта фраза въелась в память Бакунину, что он ее использовал в «Статье против Маркса». (совр. прим.)

Карл Маркс совершил преступление, оклеветав Бакунина тут же на конгрессе. По его инициативе Энгельс представил какие-то документы, на основании которых было наряжено следствие над Бакуниным и его ближайшими единомышленниками. Комиссия эта *stante pedes*⁵ вынесла на конгрессе следующее решение:

«Не имея времени для того, чтобы представить вам полный доклад (*sic!*), комиссия может дать вам свое мнение, основанное на документах и свидетельстве, которые она получила.

Выслушав граждан Энгельса, Карла Маркса, Врублевского, Дюпона, Серрайе и Шварца⁶ относительно альянса социалистической демократии.

И граждан Гильома, Швицгебеля, Жуковского, Мораго, Фарга, Марселау, обвиняемых в том, что они принадлежали к тайному обществу альянса, нижеподписавшиеся заявляют:

1, что тайное общество Альянс, основанный на статутах, целиком противоположных статутам Международного Товарищества Рабочих, существовало и не может быть доказано, что ныне не существует;

2, вполне доказано, на основании проекта статутов и писем, подписанных «Бакуниным», что этот гражданин пытался даже, может быть, успел устроить общество в Европе под названием Альянс, имеющий статуты совершенно отличные, с точки зрения социальной и политической, от статутов Международного Общества;

3, гражданин Бакунин, пользуясь обманными средствами, имевшими целью присвоить себе часть имущества другого, совершил поступок, который признается мошенничеством; что кроме того, дабы не выполнить взятых на себя обязанностей, он или его агенты прибегли к угрозам.

На этих основаниях члены комиссии просят конгресс:

1-е, исключить гражданина Бакунина из Международного Общества Рабочих;

2-е, исключить также граждан Гильома и Швицгебеля, как принадлежащих и теперь к Альянсу;

3-е, комиссия убедилась, что граждане Малон и Вуске – этот последний, будучи секретарем полицейского комиссара города Безье (Франция), и Луи Маршан, проживавший в Бордо (Франция), – работали для дезорганизации Международного Общества Рабочих – вследствие чего комиссии просит исключить и их из Общества;

---

⁵ Лат. «Стоящие ноги». Возможно имеется ввиду спешность организации комиссии, «на скорую руку».

⁶ В документах Гаагского конгресса здесь значит «Сварма». (совр. прим.).

4-е, что касательно граждан Мораго, Фарга, Марселау, Алерини и Жуковского, комиссия, принимая их формальное заявление, что они более не состоят членами союза, предлагает изъять их из дела.

Для того, чтобы оградить себя от ответственности за последствия, члены комиссии просят, чтобы все документы, представленные ей, а также и показания были напечатаны в официальном органе Общества.

Председатель – Т. Ф. Куно

Секретарь – Люкен

Гаага, 7 сентября 1872 года»

Обвинение Михаила Александровича в простом мошенничестве Карл Маркс основал на ложном доносе Николая Утина и других, будто взявши деньги в зачет перевода первой книги «Капитал» на русский язык, он не представил работу, а когда издатель этого перевода потребовал или возврата задатка или перевод, то его заставили молчать разными угрозами. Во всем этом деле Михаил Александрович не был ничем повинен; Сергей Геннадьевич Нечаев от лица своего воображаемого комитета обещал ему ликвидировать дело с издателем, возвратив задаток. Нечаев этого не сделал, а Бакунин был убежден, что дело покончено самым корректным образом. Несчастье это, как и подобные ему дела, случались в жизни Бакунина благодаря его всегдашнему увлечению людьми с характером, энергичными, но с этической стороны не безукоризненными, а потому и совершающими иногда поступки некорректные. Я убежден, что Карл Маркс знал это, но охваченный партийной борьбой, увлекся и оклеветал своего личного врага. Если бы в решении Гаагского конгресса не существовало бы этого безнравственного 3-го параграфа, всё решение комиссии относительно *Alliance de la démocratie socialiste* могло бы выдержать критику истории, благодаря же этому параграфу всё обвинение становится сведением, крайне некрасивой, личных счетов Карла Маркса со своим личным врагом. Исключение члена коммуны Малона опять-таки очень некрасиво, так как оно было совершено по личной ненависти того же Карла Маркса.

Потом после окончания Гаагского конгресса в Цюрих прибыли на свидание с Бакуниным итальянские делегаты Коста, Малатеста, Карло Кафьеро, Набруцци и Фанелли, которые и дожидались здесь возвращения испанских делегатов с Гааги.

Вскоре приехал сюда же делегаты Испании, Алерини, Фарга Пелиссер, Марселау и Мораго, которые привезли с собой заявление меньшинства конгресса. Вот текст этого заявления:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства Гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, ввиду принятого решения, которое противно принципам, принятым странами, нами представляемыми, и желая избежать всякого раздвоения в Международном Обществе Рабочих, делаем следующее заявление, которое и повергаем на утверждение секций, нас пославших на этот конгресс:

1-е. Мы будем продолжать с Генеральным Советом наши чисто административные отношения, касающиеся платы взносов, корреспонденции и статистики труда;

2-е. Федерации, которые мы представляем, установят между нами и всеми ветвями Интернационала, организованными правильно, прямые и постоянные сношения;

3-е. В случае, если Генеральный Конгресс захочет вмешаться во внутренние дела какой-либо федерации, федерации, представляемые нижеподписавшимися, берут обязательство солидарно отстаивать их автономию, насколько она не противна общим статутам Интернационала, принятым на Женевском Конгрессе;

4-е. Мы обязываем все федерации и секции подготовиться отныне и до будущего конгресса для победы в недрах Интернационала принципов федеральной автономии, как основания для организации труда;

5-е. Мы громогласно отвергаем всякое общение с так называемым всемирным Федеральным Советом, который находится в Лондоне, как и всякой иной подобной организацией, чуждой Международному Обществу Рабочих». Подписали это заявление на Гаагском Конгрессе от Испании Алерини, Фарга, Мараго, Марселау; за Бельгию Брисме, Когнен Флюс, Ван-дер-Абеле, Эбергард; Швицгебель и Гильом от Швейцарии; Дав от Голландии, Жергард и Сова от Америки».

Приехавшие из Гааги заявили нам, что исключение Бакунина из общества было принято на конгрессе 27 голосами против 7 (и 7 отказавшихся даже участвовать в этом несправедливом деле, оборудованном Карлом Марксом).

Получивши полный отчет относительно всего, что произошло на Гаагском конгрессе, Михаил Александрович решил немедленно организовать новый общий Конгресс Международного Общества, благо делегаты федералистской части этого общества были тут под рукой. Было решено не разъезжаться, а пользуясь тем обстоятельством, что была осень, созвать чрезвычайный конгресс юрской федерации, после которого и открыть тут же общий конгресс из всех делегатов как юрской федерации Швейцарии, так и всех делегатов меньшинства, бывших на Гаагском конгрессе. Тот час по принятию этого решения, член *центрального бюро* интернациональных братьев, Джеймс Гильом, написал письмо ко всем секциям юрской федерации, но в ответ на это письмо от многих секций был получен ответ, что в такое короткое время, до 15 сентября, секциям невозможно послать делегатов. Несмотря на это, было решено открыть конгресс с тем количеством секционных представителей, каковой наберется к 15 сентября в Сент-Имье. И вот мы все вместе с Михаилом Александровичем двинулись по железной дороге в горы; от Веркона пересели в три дилижанса и покатали к месту конгресса. От секций юрской федерации нас, делегатов, оказалось на лицо: Лашет от секции Мутие, Гумберт и Шотемс от секции граверов Локля,

Швицгебель от секции Биены, Герташ и Жювет от секции Куртелари; Бакунин вместе с Гербером имели полномочия от секции Сонвилье, я и Владимир Гольштейн от славянской секции, Швейдер и Эбергард от секции Сент-Имье, Делаконна и Колье от секции Шо-де-Фона, Бале и Джеймс Гильом от секции Невшателя. По приезде на место, заседания конгресса были тотчас же открыты в большом зале городской думы, на крыше которой гордо развевалось большое красное знамя Интернационала. В качестве простых зрителей на конгрессе всегда присутствовало много местных жителей и целый цветник русских студенток, приехавших из Цюриха, здесь были и так называемые бакунистки и так называемые лавровистки, то есть марксистки того времени, так как сам Петр Лаврович тогда уже окончательно склонялся к германскому социал-демократизму.

Конгресс заседал два раза в день с перерывом для обеда. На второй день конгресса, после выслушивания доклада об Гаагском конгрессе, прочитанного покойным Адемаром Швицгебелем, членом *национального швейцарского комитета* нашего секретного союза, было выработано следующее решение конгресса, которое единогласно и принято:

Первое решение.

«Принимая во внимание, что на основании общих статутів Международного Общества Рабочих, никакое принципиальное решение, могущее насилловать автономию секций и федераций, недопустимо;

Что общие конгрессы общества компетентны не только в вопросах чисто административных;

Что большинство Гаагского конгресса, взявши в расчет условия, при которых этот конгресс был организован заботами Лондонского Генерального Совета, поведение которого должно было быть предметом нареканий и которое даже не обсуждалось, отнюдь не выражало настоящего мнения общества в его целом;

Принимая во внимание, что при этих условиях Гаагский конгресс вышел из полномочий – чисто административных, а не законодательных;

Конгресс юрской федерации, собравшийся в Сент-Имье 15-го сентября 1872 года, не признает решений, принятых на Гаагском конгрессе, считая их несправедливыми, не имеющими значения и находящихся вне компетенции конгресса;

Конгресс никоим образом не признает авторитарной власти Генерального Совета;

Он будет работать для восстановления федерального и свободного пакта, заключенного между всеми федерациями, которые того захотят.

Он провозглашает и утверждает великий принцип солидарности между рабочими всех стран».

По принятию этого решения, редакция которого принадлежит Гильому и Бакунину, было прочитано второе решение:

Второе решение.

«Принимая во внимание, что голосование большинства Гаагского конгресса, относящееся к исключению из Международного Общества Рабочих товарищей Михаила Бакунина и Джеймса Гильома затрагивает прямым образом юрскую федерацию;

что из обвинений, направленных против Бакунина и Гильома, ясно следует, что исключение их является результатом низкой и мерзкой интриги неких полных ненависти личностей;

что товарищи Бакунин и Гильом, своей неустанной социалистической деятельностью, так и их личной честностью, сумели приобрести уважение и дружбу принадлежащих к юрской федерации товарищей;

Юрский конгресс, собранный в Сент-Имье 15 сентября 1872 года, энергично протестует против решения большинства Гаагского конгресса по отношению к исключению товарищей Бакунина и Гильома;

Конгресс признает своим долгом громко заявить, что он продолжает считать товарищей Бакунина и Гильома в качестве членов Интернационала и принадлежащих к юрской федерации».

После единогласного принятия этого решения, конгресс выбрал делегатами юрской федерации Швицгебеля и Гильома, в качестве своих представителей на общем конгрессе Интернационала в Сент-Имье.

По закрытии конгресса федерации, в том же зале на третий день открылся общий конгресс Интернационала, на заседаниях которого мы уже присутствовали в качестве гостей, Михаил же Александрович в качестве итальянского делегата.

Общий Интернациональный конгресс состоял из следующих делегатов: Алерини, Фарга Пелиссер, Марселау и Мораго – делегатов испанского Интернационала; Андреа Коста, Карло Кафьеро, Бакунина, Малатеста, Набруцци и Фанелли (депутата итальянского парламента) – делегатов итальянского Интернационала; Палди (Ренду) и Каме, делегатов каких-то французских секций Интернационала; Лефрансе⁷,

---

⁷ Здесь, в Сент-Имье, я впервые встретился с этим крайне симпатичным человеком. Потом, чрез несколько лет, мне пришлось работать вместе с ним при издании газеты *Travailleur* и узнать его очень близко. Это был преданнейший делу освобождения рабочего народа человек. Густав Лефрансе родился в 1826 году в Анвере; по профессии он был учителем начальных школ; в 1851 году после 2 декабря он был изгнан; в 1869 году он был известен своими речами против депутатов левой, которых обвинял в обмане народа; 31 октября он был арестован вместе с Бланки, потом оправдан и выбран в парижский

бывшего члена Парижской Коммуны, делегата секций 3 и 22 города Нью-Йорка, и, наконец, Гильома и Швицгебеля, делегатов юрской федерации.

При открытии конгресса произошел следующий казус. Федеральный Международный лондонский Совет прислал трем гражданам Шо-де-Фона три полномочия, предлагая им быть его представителями на конгрессе, но конгресс отверг этих представителей, на том основании, что они не представляют собой какую-нибудь секцию Интернационала, а лондонский Совет не имеет права изображать из себя таковую. После просмотра полномочий всех представителей, конгресс принял следующую программу своих работ: 1) Положение федераций, собравшихся на конгресс, относительно решений Гаагского конгресса и генерального лондонского Совета. 2) Заключение пакта дружбы и солидарности, а также взаимной защиты свободных федераций. 3) Политическая деятельность пролетариата и 4) Организация сопротивления труда и статистики.

На другой день конгресса были выработаны следующие решения по всем четырем вопросам программы, которые и были единогласно приняты.

По первому вопросу:

«Принимая во внимание, что автономия и независимость федерации и секций рабочих суть первые условия освобождения рабочих; что всякая законодательная власть и регламентация, данные конгрессам, были бы явным отрицанием этой автономии и этой свободы, – конгресс отрицает в принципе законодательное право всякого конгресса, как общего так и регионального, не признавая за ними другой миссии, как служить средоточием всех стремлений, нужд и идей пролетариата разных местностей или стран для их возможной гармонизации и объединения; но ни в коем случае большинство какого-либо конгресса не сможет обязать меньшинство принимать его решения;

Принимая во внимание, с другой стороны, что институция Генерального Совета в Интернационале по самой своей сущности должна стремиться стать носительницей свободы, которая есть краеугольный камень общества;

Принимая во внимание, что действия Генерального Лондонского Совета, который, распущен, является в продолжение последних трех лет доказательством несостоятельности этой институции;

муниципалитет. 18 марта 1871 года его выбрали в члены Парижской Коммуны, где он и был первым председателем в исполнительной комиссии. По его рассказам, я написал в 1874 году свою книжонку «Парижская Коммуна».

Лефрансе был оригинальный оратор; фразы его, хотя и не элегантные французские, всегда очень ясны по своей конструкции; это человек сильного темперамента, крайне симпатичный, увлекающий аудиторию своей убежденностью.

Бакунин почему-то не доверял ему, хотя был всегда крайне любезен с ним. На старости лет, он помогал перепиской Элизе Реклю, который, зная щепетильность старого коммунара, выдумывал разную переписочную работу, чтобы только помочь одинокому старцу. Лефрансе умер в Париже, прислав мне перед смертью свою последнюю книгу: *Confession d'un révolutionnaire*.

что для увеличения своей власти, очень ничтожной сначала, Совет прибег к интригам, ко лжи, к клеветам самым подлым, с целью запачкать всех тех, которые осмелились с ним бороться;

что дабы достигнуть окончательных результатов своих намерений, он подготовил исподволь конгресс в Гааге, которого большинство, искусственно составленное, не имело другой цели, как той, чтобы подготовить в Интернационале победу авторитарной партии, и для достижения этой цели оно не остановилось пред попранием всякого приличия и всякой справедливости;

что такой конгресс не может быть выражением идей пролетариата стран, которые на нем имели своих уполномоченных, –

Конгресс делегатов испанской, итальянской, юрской, американской и французской федераций, собравшийся в Сент-Имье, заявляет:

что он отвергает все решения Гаагского конгресса, не признавая никоим образом полномочия нового Генерального Совета, назначенного этим конгрессом, а чтобы обеспечить федерации относительно правительственных претензий этого Генерального Совета, а также для спасения единства Интернационала, делегаты положили основание проекту пакта солидарности федераций».

Решение это, при всем нежелании собравшихся, было сигналом будущего распада Международного Общества. Отныне для всех стало ясно, что Интернациональное Общество, благодаря вражде Бакунина и Маркса, расчлняется на двое, что вскоре и случилось.

По *второму вопросу* была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что великое единство Интернационала основано не на искусственной организации, всегда вредной, какой-либо централизованной власти, а на идентичности реальных интересов и стремлений пролетариата всех стран, с одной стороны, и на федерализации, совершенно свободной, федераций и секций всех стран, с другой;

что в недрах Интернационала ныне оказалась тенденция, явно проявившая себя на Гаагском конгрессе, тенденция авторитарной партии германского коммунизма, стремящаяся установить свое господство и власть своих начальников на место свободного развития организаций пролетариата;

что большинство Гаагского конгресса самым циничным образом принесло в жертву амбициозным взглядам этой партии и ее глав все принципы Интернационала, и что новый Генеральный Совет, назначенный им, получил власть еще большую той, которую хотел заполучить посредством лондонской конференции, и это является угрозой для единства Интернационала, –

Делегаты испанской, итальянской, юрской, французской и американской федераций и секций, собравшиеся на этот конгресс, заключили от имени этих федераций и секций, впредь до принятия ими и окончательного утверждения, пакт дружбы, солидарности и взаимной защиты на следующих основаниях:

1) Испанские, итальянские, французские, юрские и американские федерации и секции, и все те, которые захотят примкнуть к этому пакту, будут между собой сообщаться и регулярно переписываться непосредственно, вне всякого контроля какого либо правления.

2) На случай, если бы одна из этих федераций и секций была бы задета в своей свободе, чрез посредство ли большинства Генерального Конгресса или какого-либо правления, созданного этим большинством, все другие федерации и секции провозгласят себя солидарными с ней.

3) Они голосуют за заключение этого пакта, который имеет целью спасение великого единства Интернационала, подвергнутого опасности благодаря честолюбию авторитарной партии».

По третьем вопросу было вынесено следующее решение, редакция которого была составлена самим Михаилом Александровичем:

«Принимая во внимание, что желание навязать пролетариату известный образ действия (*une ligne conduite*) или политическую программу, всегда одинаковую, равно как и указать на тот или другой единственный путь, который приведет пролетариат к социальному освобождению – есть претензия настолько же абсурдная, насколько и реакционная;

что никто не вправе отнять у федераций и автономных секций из неотъемлемого права определять самим тот политический образ действий, который они находят лучшим, и что всякое подобное посягательство приведет фатально к самому возмутительному деспотизму;

что стремления пролетариата не могут иметь другой цели, как лишь создание такой экономической, федеративно свободной организации, которая основывалась бы на труде и равенстве всех организаций, абсолютно независимой от всякой политической власти, причем организация и федерация эти могут быть ничем иным, как лишь результатом добровольного соглашения самого пролетариата, организованного по профессиям и автономным общинам;

принимая во внимание, что всякая политическая организация не может быть ничем иным, как лишь организацией господства правящих классов в ущерб масс, и что пролетариат, если бы захотел захватить политическую власть, тем самым стал бы классом господствующим и эксплуатирующим,

–

Конгресс, собравшийся в Сент-Имье, заявляет:

- 1) что уничтожение всякой политической власти есть первая обязанность пролетариата
- 2) что всякая организация какой-либо политической власти, называлась ли бы она временной и даже революционной, созданная будто бы для того, чтобы совершить самоуничтожение, не может быть ничем иным, как только обманом, а потому она также опасна для пролетариата, как всякая ныне существующая государственная власть;
- 3) что отвергая всякий компромисс для совершения социальной революции, пролетарии всех стран должны организовать, вне всякой буржуазной политики, солидарность революционной деятельности».

По четвертому вопросу конгресс признал

«Свобода и труд суть основы нравственности, мужества, жизни и богатства в будущем. Но труд, если он не организован свободно, становится рабством и бесполезен для рабочего; поэтому организация труда есть непременное условие настоящего и полного освобождения рабочего.

Однако, труд не может быть свободным без того, чтобы общество не владело всем социальным капиталом; он не может быть организован без того, чтобы рабочий не освобождался из-под экономической и политической тирании и не приобрел права на полное развитие всех своих способностей. Всякое государство, то есть всякое правительство и всякое управление народными массами, сверху вниз, будучи по необходимости основаны на бюрократии, армии, шпионстве, духовенстве, бессильно создать общество, организованное на труде и справедливости, потому что, по природе своей организации, они стремятся поработать и не признавать.

По нашему мнению, рабочий никогда не сможет освободиться от векового рабства, если вместо этого организма, всепоглощающего и разлагающего, он не создаст свободную федерацию всех групп производителей, основанную на солидарности и равенстве.

В самом деле, во многих местах уже пытались организовать труд для облегчения условий общежития пролетариату, но малейшее улучшение вскоре поглощалось привилегированным классом, который всегда стремится эксплуатировать рабочий класс. Между тем польза этой организации такая, что даже при настоящем положении вещей нельзя ей не пользоваться. Она заставляет пролетариат идти по пути братства, познавая общность своих интересов, жить более коллективной жизнью и тем подготовиться для великой борьбы. Более того, так как свободная и самостоятельная организация труда одна должна заменить собой привилегированную авторитарную организацию политического государства; раз эта замена

совершится, она станет постоянной заменой политического организма организмом экономическим.

Итак, оставляя практике социальной революции частности положительной организации, мы должны организовать и соединить сопротивление самым широким образом. Стачка для нас есть драгоценное средство для борьбы, но мы не делаем себе иллюзий относительно экономических ее результатов. Мы принимаем ее, как продукт антагонизма между трудом и капиталом, который в качестве своего непосредственного следствия делает рабочих все более и более сознательными относительно той пропасти, которая существует между буржуазией и пролетариатом; она укрепляет рабочую организацию и приготавливает в этой простой экономической борьбе пролетариат к великой революционной и окончательной борьбе, которая, разрушая всякую привилегию и всякое классовое различие, даст рабочему право пользоваться полной прибылью своего труда, а следовательно, и средства развить в коллективности все свои интеллектуальные, материальные и моральные способности.

Комиссия предлагает конгрессу выбрать комиссию, которая бы выработала для будущего конгресса проект всемирной организации сопротивления, а также составила бы полные таблицы рабочей статистики, на основании которых сопротивление могло бы быть рассчитано. Она рекомендует испанскую организацию, как наилучшую в этом отношении».

Приняв эти четыре решения, конгресс был закрыт при единогласных криках: «Да здравствует социальная революция!»

Относительно исключения Михаила Александровича из Интернационала на Гаагском конгрессе, всеобщий конгресс в Сент-Имье не хотел даже заняться этим вопросом, так как Бакунин был, как мы все четверо политических эмигрантов, – я, доктор Эльсниц и доктор Гольстейн – центральным членом юрской федерации, и, следовательно, это дело специально касалось юрской федерации. В знак своего протеста, кроме голосования, текст которого я уже дал выше по этому вопросу, Михаил Александрович, а с ним вместе и мы, получили по второй членской карте от центрального бюро. Карта эта случайно сохранившаяся у меня, имеет следующий напечатанный текст:

Вследствие этого в органе юрской федерации, в номере 17 и 18 от 15 сентября – 10 октября 1872 года и было напечатано следующее заявление:

«Товарищ Михаил Бакунин, не будучи членом какой-либо из секций нашей федерации, является центральным членом юрской федерации; поэтому было делом целой федерации ответить на решение об исключении его из Интернационала, совершенное на Гаагском конгрессе; юрская федерация на своем региональном конгрессе это и сделала».

После всех этих конгрессов, мы гурьбой отправились в Невшатель, где произошел интимный совет, касавшийся дальнейшего образа действий интернациональных

ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS
FÉDÉRATION JURASSIENNE
CARTE DE MEMBRE CENTRAL

Sur la présentation de James Guillaume de Genève
Châtel et Auguste Spickiger de Sole
le porteur de cette carte Zinn, Rallu à Zurich
né en 1848 originaire de Russie
profession de étudiant a été admis comme membre
central de la Fédération jurassienne.

Les membres centraux ont à payer une cotisation annuelle de fr. 1»50.

Dornillier le 12 Juin 1872

Au nom du Comité fédéral jurassien :

le secrétaire central pourant
Théodore Schenck

братьев в среде Интернационала. Было принято решение выработать для будущего общего конгресса пакт всеобщей организации и требовать уничтожения Генерального Совета.

После заседаний, по обыкновению, организовался банкет, на котором зажгли жжонку и пели революционные песни. Запевалой был Джеймс Гильом, имевший приятный небольшой баритон. Бакунин, по обыкновению, что-то мурлыкал себе под нос и курил папироску за папироской. Из Невшателя все разъехались, наконец, по домам.

2. Раскол в Русском братстве

У нас в Цюрихе, однако, дела не шли уже дружно; благодаря характеру Росса, мои два товарища не ладили с ним, и я, который целый день был занят в типографии, возвращался домой, с грустью видел, что кружок не сможет просуществовать долго при том его составе, благодаря абсолютной розни во взглядах на образ действий двух элементов, воспитанных различно. Росс начал вести себя вызывающе по отношению к моим двум друзьям, предъявлял такие претензии общего заправила, что парализовал всякую инициативу других своих товарищей. Опираясь на тот факт, что он ближе всего стоит к Бакунину, в малейших столкновениях он выставлял это преимущество, требуя, чтобы все делалось, как он желает.

Под впечатлением неурядицы взаимных отношений, я написал длинное письмо Бакунину, где, указывая на поведение Росса, предвещал разрыв его с моими товарищами. На это письмо мое Бакунин ответил мне следующим письмом:

23 января 1873. Локарно.

«Мой милый Руль, помни всегда, что в революции три четверти фантазии и только одна четверть действительности, или, другими словами, – так как вижу отсюда, что ты уже насупился, читая эти первые строки, – жизнь всегда, мой друг, шире доктрины; жизнь никогда нельзя уложить в какую-нибудь доктрину, будь она даже столь всеобъемлюща, как наша анархия. Ты в особенности способен очень мало понимать истинную справедливость этого афоризма, и между тем всегда готов пожертвовать жизнью доктрине, потому что веришь, и увлекаешься фантазиями. От этого недостатка, конечно, не избавит тебя мое признание, но помни, друг мой, что успехи твои поэтому всегда будут неполны, и пуританский ригоризм твоих принципов будет причиной не только твоего разрыва с Россом, но и потеря тех немногих людей, с которыми можно дело делать; от тебя и твоих требований сбегут люди здоровые, которые хотят жизни и инстинктивно отворачиваются от абстрактных принципов; эти люди пройдут мимо тебя и станут искать в другом месте более грешного революционного дела. Конечно, без принципов и убеждений нельзя жить и работать, но не нужно забывать того, что они имеют только относительное

значение и могут быть применены в известных пределах. На принципах выезжают только наивные люди, которые потому и погибают самым бесплодным образом для живого дела; они, друг мой, и есть то мясо живое, которое раздавливает тяжелая колесница истории. Мы же должны быть трезвыми революционерами, а потому и не должны принадлежать к этой категории людей.

Итак, не рви с Россом, потому что он очень дорожит тобой и всегда указывает мне на тебя, как на силу; если он и не смотрит так на твоих и моих друзей, то он может ошибаться, и наша обязанность урезонить его и во время остановить. Я со своей стороны очень дорожу здоровым, холодным смыслом Э.[льсница] и люблю Г.[ольстейна] за его сердце и ум, но нужно, чтобы ты хорошо помнил, что именно ты нас и связываешь всех своим товарищеским духом и своей готовностью, закусив удила, мчаться вперед. Твоя горячность есть недостаток, но на то у нас имеется здоровый ум Э.[льсница] и практичность Росса. Все это я тебе пишу потому, чтобы ты ясно понял, какую громадную ошибку сделаем мы, расторгнув нашу четверку; беда в том, однако, что холодный, сухой по натуре Росс не может переварить моего сердечного умницу Г.[ольстейна] Они два полюса, взаимно отталкивающиеся, а, между тем, мы положительно не имеем права удалить из нашего святого святых ни одного из нас. Вот почему я хочу, чтобы ты приехал ко мне, где мы и должны решить это большое для нас дело. Итак, жду тебя одного, поговорим с глазу на глаз.

Твой М. Б.»

Получив такой ответ, я решил ехать в Локарно и, собравшись наскоро, переехал Сент-Готард, и через Анроло спустился по ту сторону Альп. Бакунина я застал живущим в нижнем этаже дома, занимаемого семьей Варфоломея Зайцева. Небольшая комната Михаила Александровича, по его обыкновению, неубранная, неметенная по целым неделям, вмещала, кроме кровати, большой стол и два-три стула; у изголовья кровати стоял деревянный табурет, служивший вместо низкого столика; на табурете много табаку, спичка да заплывший огарок стеариновой свечки, воткнутый в старый остаток вышедшей из употребления чернильницы.

Поцеловались, поздоровались. Стал, конечно, рапортовать начальству о всех тех событиях, произошедших в нашем революционном муравейнике, которые заставили меня переехать Альпийский хребет и явиться, как лист перед травой, перед грозные очи нашего начальника.

Во все время наших разговоров мы были одни и даже двери запирались, по обыкновению, дабы нам не мешали. Михаил Александрович в конце концов вынес следующее решение, которое самым безапелляционным образом объявил мне: решил он, что *русская ветвь* нашего интернационального братства впредь будет состоять из него, Феофана Никандровича Лермонтова, Росса и меня, что же касается моих товарищей Эльсница и Гольстейна, то они, за их увлечение наукой и, главное, за их *Gemüthlichkeit*⁸ переходят на второй план. Из четырех вышеупомянутых лиц, Лер-

⁸ Теплота, дружелюбие, уют, душевное спокойствие. (совр. прим.)

монтов должен обосноваться в России, Росс остается представителем и заправилкой за границей нашей ветви, я же назначаюсь некоторым образом курьером между Бакуниным и Лермонтовым, с одной стороны, и Россом, с другой. На первых парах, однако, прикомандировываюсь продолжать быть связующим звеном всех элементов в Цюрихе.

Относительно всех параграфов нашей тайной программы, то есть о неимении политической тайны друг для друга, о взаимной прозрачности и искренности, о всех этих романтических и сентиментальных взаимных отношениях на этот раз не было более речи. Напротив, Михаил Александрович откровенно на этот раз перешел целиком на сторону таких отношений революционеров к товарищам, которые мне прекрасно были известны из старой Нечаевской программы, без ее, однако, циничной формулировки: для этого он был слишком хорошо воспитанный человек. В заключение нашего разговора, Михаил Александрович признал нужным задать мне головомойку относительно моего желание организовать освобождение Нечаева при его аресте в Цюрихе, указывая мне на тот факт, что он прекрасно знает обо всем этом моем участии, и что именно потому и постарался удалить меня тогда из Цюриха, давши мне поручение на другом конце Европы – в Яссах.

«– Когда революционер стремится спасти кого-нибудь из беды, он должен сообразоваться, взвесить пользу, приносимую спасаемым, с одной стороны, а, с другой, взвесить ту трату революционных сил, которые нужны для спасения, – заявил мне Михаил Александрович – В этом-то ты и виноват перед нами, так как за спасение Нечаева ты готов был тогда пожертвовать стольким, скольким не имел права жертвовать».

Формулировка этого обвинения поразила меня своей тождественностью с текстом старой нечаевской программы. Я ясно видел перед собой автора этой программы, которая, конечно, позже была отредактирована *по-своему* (на семинарский язык) Сергеем Геннадьевичем.

Не желая огорчать напрасно Михаила Александровича, я прекратил всякие пререкания, оставив время излечить недуг, поразивший наши взаимные отношения. Переубедить Бакунина я не думал, так как это было невозможно мне, молодому человеку 23 лет, не прошедшему чрез огонь и медные трубы, – путь-дороженька, которая уже давно была пройдена от конца до конца этим заматерелым революционером.

Прожил я у Бакунина неделю, другую, слушая Варфоломея Зайцева о том, как он, сидя с нами в Локарно, путешествует по Испании. Дело в том, что Зайцев писал тогда свои «испанские письма», которые печатались в каком-то, не помню уже, русском легальном журнале. Материалом для этих писем автору служили разные книги, из которых он и брал все, что было необходимо для описания своего путешествия по Гренаде, Сьерре и так далее.

– Где ты теперь, Зайцев! – кричит было Бакунин, стоя у дверей и обращаясь к жителю второго этажа.

– Я теперь приехал, Михаил Александрович, в Севилью, и люблюсь красавицей gitano, которая танцует перед нами, путешественниками.

И Бакунин хохочет басом.

А то сойдет со своего этажа Зайцев к нам вниз и, ощипывая листья шелковицы и приготовляя из них пищу для своих шелковичных червей, рассказывает нам монотонным, в нос, голосом «дела давно минувших дней» писаревщины на святой Руси

Большой оригинал и прекрасный человек был Варфоломей Зайцев; с тех пор я его в жизни не встречал более.

Возвращался я из Локарно чрез Берн, где имел частное небольшое дело. Приехав благополучно в этот швейцарский город, я пошел по своим делам, но проходя по одной улице, совсем неожиданно для себя, был арестован целой оравой откормленных швейцарских жандармов. При аресте, словно бы дело происходило в России, со мной обратились грубо. Когда меня вели по улицам в какую-то тюрьму, лавочники спрашивали моих провожатых, указывая на меня:

– Er hat etwas gesehtolen?⁹

На что жандармы покачивали утвердительно головой; я же не протестовал отнюдь, занятый разгадкой причин моего ареста, ища связь его с моим пребыванием в Локарно. Мы пришли в тюрьму, называемую Kefigturm, где я был заключен в общую комнату с воришками и одним поджигателем. Находившийся при мне револьвер был отобран. На второй день моего заключения судебный следователь, человек крайне вежливый и умный, объявил мне, что я арестован по доносу русского шпиона Адольфа Стемпковского, который донес прокурорскому надзору, что я организовал покушение на его жизнь¹⁰ и теперь приехал в Берн, чтобы повторить покушение на него и на русского посланника, имеющего свое пребывание в этом же городе. Судебный следователь указал мне на осложнение этого доноса фактом, что на мне найден револьвер того самого калибра, которым стреляли уже в шпиона месяц тому назад. Мое заявление, что я не знаю даже фамилию русского посланника, а потому донос шпиона в этом отношении абсолютно абсурден, что же касается шпиона лично, то хотя я и не намеревался посягнуть на его жизнь, однако, не признаю такой факт убийством, а считаю самообороной людей, которых шпионы шпионят. Судебный следователь убеждал меня не делать этого признания, так как оно ухудшает мое положение, но я отказался от этого и не подписал своих показаний, пока оно не было внесено.

О моем внезапном аресте вскоре узнали мои товарищи и в Цюрихе, откуда приехал Александр Кропоткин, брат Петра Кропоткина, застрелившийся впоследствии в Сибири, и предложил бернской прокуратуре отпустить меня под залог, вплоть до предания меня суду. В то же время Людвиг Фогт, профессор бернского университета, получил из Локарно письмо от Михаила Александровича, с просьбой начать ходатайствовать о моем освобождении. Влияние этого профессора, с одной стороны, порядочность судебного следователя, с другой, оказали свое действие: я вскоре

---

⁹ Он что-то украл? (совр. прим.)

¹⁰ Месяцем ранее в шпиона стрелял пять раз один рабочий поляк, но не попал и успел скрыться из Швейцарии. Имя стрелявшего полиция знала.

был выпущен под залог суммы в 4.000 франков, внесенных за меня Александром Кропоткиным.

Приехав, наконец, в Цюрих, я получил следующее письмо от Бакунина:

17 марта 1873 года. Локарно.

«Молодец, мой Руль, что ты сумел уберечь мое письмо к Гильому¹¹, и оно при твоем аресте не попало в руки швейцарской полиции. Это было бы дело дрянь. Поздравляю тебя от всего сердца, что легко отделался, и все же не следовало куражиться перед *unterzuchungs rechter*'ом, как ты сделал. Я все знаю чрез Л.[юдвига] Фогта; на старого чиновника ты произвел прекрасное впечатление; и мне пишет Фогт, что все дело уладится к обоюдному удовольствию; русская амбасада¹² вела себя очень нахально, и швейцарцы обижены. Фогт пишет, что Стемпковского даже выкурят из Берна. Относительно всего этого дела следует написать письмо от твоего имени в *Bulletin*, где Г.[ильом] напечатает его; подпишись под письмом в качестве секретаря славянской секции и центрального члена юрской федерации. Кстати, скоро будет конгресс в Невшателе, а поэтому необходимо, чтобы на этом конгрессе присутствовал и делегат от секции – пошлите Гольстейна, самое лучшее. Ну, а теперь, друг мой, ваш долг крепко сомкнуться и единодушно работать, поклясться друг другу в верности общему делу революции и работать, работать сообща, покуда сил станет. Иначе мы не братья одного великого дела, а только своих тесно Лужковых интересов и своих личных страстей, чуждых революции, а потому уже и преступных, ибо ныне, что не служит нашему общему делу, то преступно. Я лично верю в тебя, потому что ты прямолинейный человек, и такие нам люди нужны, хотя они, как и ты, с норовом. Письмо по-французски пусть напишет Гольстейн и, как заключение, выскажет наше мнение, что швейцарская республика ничем не отличается от иного буржуазного государства, и что республиканская ли или монархическая форма правления не отличается в *arbitraire et à injustice de l'autorité gouvernementale*¹³.

Твой М. Б.»

Письмо было написано именно Гольстейном, подписано мной и послано Гильому, который и напечатал его в *Bulletin de la federation jurassienne* в номере за 1 апреля 1873 года. На конгрессе федерации славянскую секцию поехал представлять наш товарищ Гольстейн. Мы же, остававшиеся в Цюрихе, продолжали работать в типографии за набором, а вечером дома за переводами с французского на русский

---

¹¹ Я вез с собой письмо Бакунина к Гильому, которое должен был передать чрез кого-нибудь, а не по почте; во время моего ареста я его отдал одной русской студентке, бывшей в Берне со мной при аресте.

¹² Дипломатическое представительство, посольство. (совр. прим.)

¹³ Фр. «Произвол и несправедливость правительственной власти». (совр. прим.)

всевозможных статей и речей Бакунина. Взаимные отношения между Россом и моими товарищами изо дня на день становились все более и более натянутыми; к августу месяцу 1873 года они, наконец, сделались невыносимыми до того, что Росс, предполагая, по каким-то причинам, что администрация и вообще типография будут отняты от него кружком, задумал захватить силой то, что могло ускользнуть из его рук. Вечером, когда я и Попов, два единственные типографщика, ушли домой после 12-тичасовой работы, Росс запер типографию и взял ключ себе. На утро, когда Попов пошел к нему за ключом, он отказался дать ключ, объявив, что работы в типографии не будут производиться. Такое решение, предпринятое им лично, без всякого согласия кружка, до того возмутило меня, что я пошел сам к Россу в комнату и... взял у него ключ. При этом между мной и ним не произошло абсолютно никакого столкновения, но я и до сих пор с тяжелым чувством вспоминаю, что, увы, могло случиться большое несчастье, если бы мы оба не поняли, до чего обострились наши взаимные отношения.

Эта маленькая сцена убедила меня, что дальше идти нельзя. Я предложил моим двум товарищам Эльсницу и Гольстейну разорвать немедленно с Россом и продолжать самим начатое дело.

Мое предложение отделиться, взявши типографию и библиотеку, – последнюю для того, чтобы перевести в Женеву, сделать публичной для эмигрантов – было принято Поповым и артиллерийским офицером Яковым; – против него, однако, были Эльсниц и Гольстейн. Последние мотивировали свое мнение тем, что взявши типографию, кружок тем самым парализует выход книг «Государственность и Анархия» и «Анархия по Прудону», печатание которых продолжалось. На это я отвечал, что с нашим уходом все равно Росс не сумеет вести типографию и должен будет закрыть ее (что и случилось), между тем, как наша типография нужна и мы будем принуждены организовать новую. Относительно библиотеки я был того мнения, что раз была допущена ошибка, вследствие которой публичная библиотека сделалась библиотекой кружка, нельзя теперь превращать ее в достояние одного человека, а следует поправить ошибку и опять преобразовать ее в публичную. Сделать все так, как предлагал я, было легко: большинство кружка, будучи на нашей стороне, в случае малейшего сопротивления, решение большинства было бы выполнено силой. Товарищи мои, однако, не захотели этого, и тогда я уехал из Цюриха в Женеву.

Дальнейшие перипетии нашего разрыва с Михаилом Александровичем Бакуниным постольку, поскольку они могут служить для характеристики его, дополняются следующими письмами людей, всегда искренно любивших этого неугомонного революционера. Я даю эти два-три письма в печать с некоторым смущением: даже теперь, после нескольких лет жизни, тяжело отряхивать пыль с этих исписанных листочков бумаги, где читаешь столько горечи, обиды и досады людей, которые, если бы не разорвали в то время с Бакуниным, наверное сумели бы сделать его смерть не столь одинокой, его последние годы не столь обидно ничтожными по своей душевной пустоте.

И по всему этому виноват был сам Бакунин, не умевший выбирать среди людей друзей своих.

10 сентября, 1873, Zurich.

«Что это значит, брат Руль, что до сих пор, ни от тебя, ни от Попки, ни от Якова – ни слуху, ни духу? Мы с Сашей ждем, нетерпеливо от вас известий о том, печатается ли брошюра и как вообще идут дела. Не хорошо оставлять друзей так долго в неведении – это как-то отдаляет от дела и вредно в том отношении, что мешает посильному участию в нем. Тем более, что дело у нас не ограничивается одним печатанием, а вопрос идет о типографии, о дальнейшей деятельности, о том, что печатать, и об отношениях к людям. Все это вопросы очень и очень серьезные, самые жизненные. От удовлетворительного или неудовлетворительного решения их зависит – быть ли нам, или нет. Подумай, дружище, что ведь мы поднимаем знамя раскола в бакунинской партии во имя истинно-революционных и человеческих притязаний, и вследствие этого занимаем такое же положение, в каком находился Бакунин и его приверженцы, делая революцию против Маркса и Компании. Бакунин и его партия должны были бороться против врага, несравненно сильнее их: у Маркса, без сомнения, было в распоряжении в сто раз больше знаний, денежных средств и людей. Несмотря на все это, бакунисты одержали победу только силой одних принципов справедливости, солидарностью, энергией и верностью этим принципам. Точно так же и мы. У старика с Россом есть в распоряжении некоторые, хотя и небольшие, литературные силы, есть хоть какие-нибудь средства денежные, *данные нами*, и есть накопленное продолжительным упражнением умение к практической деятельности, есть связи. У нас ничего этого почти нет, и тем не менее мы можем иметь успех полный, если только... и твердо держаться наших принципов. От нас зависит (я в этом, положительно убежден), окажемся ли мы совершенными щенками или инициаторами дела. Ничто так не выгодно для энергичных людей, как наше теперешнее положение и ничто так не опасно для пошляков, которыми, надеюсь, не окажемся, как это положение.

Для успеха нам нужно только одно:

Твердость характера в неусыпном преследовании цели и абсолютной верности на практике нашим теоретическим принципам. При этом – полное отречение, раз и навсегда, от всякого романтизма и сентиментальности в общественных делах. Если это будет соблюдено – успех обеспечен. Принципы наши так ясны, просты, так сами говорят за себя, что защищать их публично, в печати нам, и с нашими знаниями, – легко.

Солидарность, полная солидарность, тысячу раз солидарность прежде всего. Мы должны удерживать друг друга от наших недостатков – тебя от горячки арабского коня, Попова от дебоша, нас с Сашкой от увлечения медициной и семейными делами и *far niente*¹⁴.

---

¹⁴ Итал. «Ничего не делать». То есть, «и ничего более». (совр. прим.)

Пора перестать быть «dure'mi¹⁵», студентами, невинными институтками, пора перестать делать дело спустя рукава или порывами. Это было еще понятно, когда мы состояли при папаше-Бакуanine и имели еще гувернером Росса; тогда они думали, решали и брали на себя инициативу «Анархии по Прудону». Теперь, увы! За нас никто не станет думать и делать. Посмотрим, сумеем ли мы – 5 человек – тесно, неразрывно сплотиться и образовать силу, или же мы останемся мальчишками. Положим же всю свою страсть и всю свою *честность* в наше дело, и будем его вести так, чтобы или победить или умереть (я говорю в нравственном смысле).

Твой В. Г.»

2 октября 1873.

«Ну, брат Руль, мерзостям Х..., по-видимому, нет конца. Сегодня он явился к Эльсницу, – бледен, как он всегда бывает в торжественные и затруднительные минуты, – для объяснений. Он и старик условились вместе поставить нам следующие требования: деньги, нам должны (2.000 франков¹⁶) нам будут отданы только тогда, когда мы дадим торжественную расписку в том, *что получили все долги сполна* (курсив автора письма) от Бакунина, потому что, говорил Х..., ходят всюду слухи, что наша связь со стариком стоила нам много денег и что в этом весь результат нашей связи с ним. Затем старик и Х... требуют уплаты всех долгов по библиотеке и кассе¹⁷, возвращение всех библиотечных книг и *документов*, которые снабжены нашими и стариковской подписями, как-то программа славянского братства и тому подобное. При этом господин Х... язвительно объявил, что такие требования делаются потому, что после нашей «публикации» (прокламации к русским революционерам) старик нас считает *изменниками* (sic!), потому что мы опубликовали тайную программу *Alliance!* Эльсниц отнесся ко всему этому, как и следовало, с глубочайшим презрением, а ты, дружище, наверное вздур бы посланника. С самого начала, услышав о расписке, он начал и не переставал все время презрительно улыбаться, смотря на Х... Господин Х... сообщил в заключение, что, по соглашению со стариком, мы должны вести с ним все переговоры и удалился, сказав, что будет в Цюрихе около 25 числа и тогда зайдет узнать о результате нашего решения.

Первая мысль Саши и моя, при этом известии, было отказаться от всяких денег, долг заплатить самим. Переговорив между собой, мы еще более

---

¹⁵ Фр. «простофилями». (совр. прим.)

¹⁶ Эти деньги были не наши, но при нашем посредстве были заняты у одной чужой русской дамы для Кафьеро. Они были возвращены даром Гольстейном этой даме, как и следовало сделать. Дама не принадлежала к нашей революционной среде.

¹⁷ Относительно кассы этой смотри оригинальный документ выше, подписанный большинством ее членов.

убедились не только в благородстве, но и, главное, в *разумности* поступить так. Это единственное средство прекратить нечаевщину и ответить достойно на мерзость людей, окруживших старика и дать ему ту нравственную плюху, которую он вполне заслужил. Черт с ними, со всеми этими деньгами, заплатим. Надеемся, ты с нами вполне согласишься и подпишешь текст письма, которое мы предполагаем послать старику. Это единственное средство остаться вполне чистыми, а это наша прямая обязанность теперь, когда мы поднимаем чистое знамя. В самом деле, рассуди, что будет, если мы пошлем расписку, исполнив все требования и получим эти деньги. Нам по-нечаевски наплюют в рожу; скажут, что мы мерзавцы, с которых пришлось взять расписку, ее будут показывать, как показывает бедный Нечаев расписку, подписанную Матреной, и так далее. Словом, получив эти деньги, мы очутимся в грязи. Итак, бросим эти деньги, и пусть вся грязь падет на них.

Ты согласишься, без сомнения, и с тем, друг Руль, что нужно возвратить *все*, абсолютно все документы¹⁸. Только так дело будет вполне благородно. Поэтому пришли нам все документы, которые у тебя только есть, малейшие письма старика. Если что покажется интересным, то можем списать. Оставь у себя только последнее письмо старика, где он плачется о разрыве. Этот документ нужно сохранить. Книги, которые не нужны, тоже пришли в библиотеку. Мы требуем немедленного ответа и немедленной присылки подписанного письма, если ты согласен с нашим решением.

Ждем ответа. Твой *В. Г.*»

Дижикон, 28, VIII, 73.

«Друг Руль. Прилагаю к этому письму полученное мной с неделю тому назад письмо Бакунина, написанное в ответ на мое письмо к нему; извини, что посылаю его так поздно; сначала не отсылал, зная, что ты очень занят, и не хотел растревожить тебя. Письмо любопытное. Я, признаться, ждал, зная самоуверенность и нетерпение противоречия в характере старика, письма ругательного, с рассуждениями о нашей негодности к делу и тому подобное. И вдруг такое письмо! Из этого я вывожу, что стыдно стало старику; как он не самоуверен, а уж слишком ясна та скверность, которую он выкинул, чтобы не увидеть ее; отсюда все толки о том, что «и он, конечно, виноват» и так далее. Всё это прекрасно, но в конце концов письмо сделало на меня нехорошее впечатление. Уходят от общего дела с ним *его братья*, люди, которые, как он сам притом признается, «*теперь, кажется, не на шутку соединились для дела*», – а он, «*воздерживается от анализа причин, поведших к разрыву*» и довольствуется тем, что справедливо и беспристрастно поделил вину поровну между всеми, «*всем сестрам*

---

¹⁸ Именно с этим я и не согласился, так как это было абсолютно невозможно; передать документы, подписанные нами, в руки людей, потерявших в запальчивости всякое благоразумие!

по серьгам». Ответил я ему на это письмо следующим образом; пишу ему, что нам и в голову не приходило предлагать ему выбор между нами и Россом, что подобный ультиматум, как торжество грубой силы, нам противно, и что кроме этого мы наперед и даже прежде знали, что он ни за что не откажется от Р.[осса] и людей ему подобных в деле. Затем говорю ему, что на предложение относительно «личной связи» с ним не могу отвечать положительно, потому что таковой вопрос должен быть решен сообща с людьми, с которыми мы солидарны (это, конечно, не понравится: как, скажет старик, какой-нибудь П[опов]... или Я[ков]... будут тоже решать). Я лично же от себя говорю, что настолько верю в его личную честность, что принял бы его предложение при других условиях, без его связи с Россом, а что теперь, когда состою членом кружка, занятого организацией нового дела... лично я решать не могу. На разглаговольствование старика об общей цели и общей программе ответил, что эта статья именно у нас под сильным сомнением, что мы далеко не уверены в том, не будет ли будущая организация находиться под непосредственной командой лондонского комитета. Затем, наконец, относительно «взаимного искреннего уважения» я за себя лично отвечаю ему, что лично к нему, помимо последней истории, сохраняю полное уважение. Ну-с! вышел, брат, в свет наш сборник¹⁹ (переведенный целиком нами), продается в магазинах за 6 франков, должно быть придется купить труд своих рук. Никогда, ни один злейший эксплуататор в мире не доводил своей эксплуатации до таких границ: даровая работа и ни одной книжки. Черт их знает, где у этих людей логика и солидарность. Бакунин пишет длинные письма об общем деле, о взаимном уважении, о том, что мы остаемся союзниками и так далее, а тут делают мерзости! Писал я тебе, что Росс говорил, что нам надоело работать, но это не теперь; это было во время того столкновения, по поводу которого ты ездил и я к старику. Теперь, брат, эта клика держится весьма разумной тактики молчания.

Послушай, мы решили на счет славянской секции так. Не посылаем ни сантима более того, чем следует нам троим, как членам, то есть 75²⁰, посылаем их старику, заявив ему же о выходе из секции. Объявляем о том, что секция уже не существует, было бы нелепо, потому что на это Бакунин заявит, что неправда, что вышли из нее только три члена. Ну их к черту, пускай продолжают комедию, мы вышли и баста. Пора за дело. Собравшись в Vexblibae, порешите, и ты напишешь мне, к чему пришли.

Твой А. Эльсниц.

Сохрани письмо Бакунина».

---

¹⁹ Книга «Историческое развитие Интернационала», переведенная почти целиком нами и изданная Россом, после разрыва с Бакуниным нашего кружка, в 1873 году.

²⁰ Для этого обозначения расшифровки нет, возможно, потому что она не требуется – здесь имеется в виду славянская секция, хотя нигде в воспоминаниях цифра 75 не встречалась, а сама славянская секция обозначалась цифрами 78 или 205. (совр. прим.)

Относительно денег, должных нами тремя, при нашем выходе из бакунинского кружка, было решено сумму в 490 франков, находившихся в так называемой *женской кассе в Цюрихе*, основанной для вспомоществования женщинам, учащимся за границей, передать в ведение испанской барселонской федерации рабочих. Решение это, по подлинному документу, сохранившемуся у меня, было подписано большинством членов, и деньги посланы Алерини.

«Мы, нижеподписавшиеся члены Женской Кассы в Цюрихе, подаем свой голос за ликвидацию этой кассы и за немедленную посылку всей суммы, в ней находящейся, Alerini и Samet в Испанию. В. Гольштейн, А. Луканин, А. Эльсниц, М. Гольштейн, Ек. Хардина, Ек. Обухова, Z. Rouloff, Ф. Донскова, Е. Хардина. Цюрих, 7 августа 1873 года».

Ничтожная сумма, должная в кассу и библиотеку, переслана Бакунину, о получении же суммы получена следующая подлинная расписка:

«Je declare avoir reçu de M. Bakounine les 88 francs dûs par M-r Holstein et M-r Oelsnitz ensemble tout a la caisse qu' à la bibliothèque russia Zurich et qu'il m'a reucis conforucemant à la recommandat qu'ils vu out faite dacu leur lettre collective de 1 octobre 1873. Ar. Ross. Le 15 juillet 1874»²¹.

Таким образом, мы ликвидировали все наши общие дела, порвав окончательно личные и общественные отношения и уходя целым кружком, вследствие несогласия в образе действий и отношений к людям.

Уехал я в Женеву, конечно, не один: со мной ушли из кружка, кроме двух моих друзей, окончательно не поладивших с Россом, артиллерийский офицер Яков и Попов. По предложению Владимира Гольштейна, мы решили напечатать брошюру, чисто принципиального характера, и предпослать ее новой нашей деятельности. Брошюру эту написал Гольштейн и мы озаглавили ее «К русским революционерам». Набрана она была нами в типографии, управляемой Гольденбергом. Текст этой брошюры во все не есть программа Альянса, как утверждал Росс, ставя нам в обвинение, что-де мы напечатали тайную программу интернациональных братьев; она просто-напросто составлена из изречений, которые наиболее часто повторялись тогда среди итальянских, испанских и французских бакунистов, вмещающая в себе всю разрушительную сторону бакунинского *credo*.

Письма Гольштейна и также письмо доктора Эльсница достаточно характеризуют как причины нашего разрыва с Михаилом Александровичем, так и степень, до которой дошли взаимные пререкания. Выбрал я эти письма из целой связки писем, относящихся к этому периоду времени, потому что нахожу вполне достаточным осветить лишь настолько эту часть моих воспоминаний, признавая ненужным более подробное обследование этого времени.

---

²¹ Я заявляю, что получил от господина Бакунина 88 франков, причитающихся вместе с господином Гольштейном и господином Эльсницом во всех местах, кроме российской библиотеки в Цюрихе, и что он подтвердил мне, что они написали свое коллективное письмо от 1 октября 1873 года. Ар. Росс. 15 июля 1874».

Письмо Михаила Александровича к нам после разрыва в своем подлиннике находится у Эльсница; содержание этого письма сформулировано ясно Эльсницом в письме, которое читатель уже прочел. Коллективный ответ наш Михаилу Александровичу был полон самого теплого чувства к нему лично, но в нем мы заявляли категорически, что никакой деловой связи с ним иметь не можем, так как положительно расходимся с его личными друзьями в методе работы, в наших отношениях к людям. После этого нашего коллективного письма Михаил Александрович не настаивал более.

Типография наша, оставленная нами Бакунину, была тотчас же по нашему удалению запакована, дальнейшее печатание книги «Государственность и Анархия» закончилось уже в типографии Трусова в Женеве; шрифты и машина не послужили более русскому свободному слову вплоть до того времени, когда в 1876 году их опять привез мне Сергей Кравчинский для пополнение нашей типографии «Работника, Общины и Громады». Да и тогда этот шрифт так и остался без всякого употребления, потому что не оказалось в нем надобности.

В 1874 году Михаил Александрович, сознавая, по всему вероятно, свою ошибку по отношению к нам всем, переслал нам чрез посредство одной русской, гостившей долго у него в Локарно, копию следующего его письма к Ралли:

21 октября. 1874. Локарно.

«Получил твое письмо. О дружбе мы говорить не станем. После всего, что ты против меня сделал, – а мне теперь все, даже до малейшей подробности стало известно, – называть друг друга друзьями было бы с твоей точно, как и с моей стороны, возмутительно ложно. Ты сделал все, что только мог, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моим другом, и если тебе не удалось, то вина не твоя.

Дальновидный и умный²² Кафьеро был только твоих рук делом, ты его внушителем. Хочу верить, что ты обманывал себя самого, принимая внушение нетерпеливого и, право, сильного честолюбия за ревность к делу. Несомненно, – ты сам по крайней мере перед собой сознайся, – что ты действовал против меня, как самый злой враг. И несмотря на это, я продолжаю верить в твою преданность русскому делу и в твою способность служить делу и потому на этом поле я всегда готов подать тебе руку.

Ты готовишься теперь совершить решительный шаг²³, от направления и исхода которого будет зависеть вся будущность твоей жизни и, главное, твоей революционной деятельности. Позволь мне, старику, сказать тебе несколько истинных слов, вероятно последних.

В сношениях с людьми новыми, с которыми ты найдешь возможным и полезным связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца,

---

²² Конечно, Бакунин пишет это в ироническом смысле.

²³ Р. Хотел ехать обратно в Россию. Это казалось Бакунину решительным шагом.

сколько твоя скупая природа позволит. Пойми же ты, наконец, что на иезуитском мошенничестве ничего живого, крепкого не построишь, что революционная деятельность, ради самого успеха своего дела, должна искать опоры не в подлых и низких страстях, и что без высшего, – разумеется, человеческого – идеала никакая революция не восторжествует. В этом направлении и смысле желаю тебе самого искреннего успеха».

М. Бакунин.

Этим письмом определенно и ясно заканчивается эпизод наших взаимных отношений, нашей работы с Михаилом Александровичем...

3. Заключение. Болонское восстание

Социалистическое движение в Италии, с 1867 года начатое более энергично Бакуниным, нежели кем-либо другим, в особенности развивалось после гаагского конгресса, который, благодаря проискам Карла Маркса и Энгельса, отлучил его от Интернационала. С этого именно времени Бакунин стал для итальянских социалистов настоящим апостолом нового учения, и от Милана и Болоньи до Неаполя он был известен под именем *Santo Maestro*. Итальянская молодежь, нервный и увлекающийся итальянский рабочий, которые когда-то шли умирать под знаменем Гарибальди, вкусив от плода, созревшего в продолжение двадцати лет национальной независимости, познали, наконец, всю горечь обманувших иллюзий и стали толпами переходить в ряды социалистов-революционеров. Сам старый генерал Гарибальди, возмущенный нападениями своего бывшего соратника Мадзини на Международное Общество Рабочих, написал известную свою брошюру, озаглавленную «*Интернационал есть солнце будущего*». После этой брошюры даже старые гарибальдийцы пошли в социализм. Секции Интернационала организовались в Болонье, Равенне, Турине и так далее. *Fasci operai* покрыли Италию. Социалистическая печать имела много органов: *Proletariat* во Франции, *Compana, Eguaglianza, Fratellanza, Masaniello, Il Martello* в Милане, *Il Komagnuolo, La Giustizia, L'Avenire sociale, Il Fascio Aperaia, Sempre Avanti, Il Povero, Il Risveglio, La Fame, Il Miserable, Il Anticristo, Il Comunardo* и другие.

Главные деятели этого движения в Италии были ученики и прозелиты Михаила Александровича, из коих большинство я знал лично, а с некоторыми остался в связи и по сие время; это были господа Фанелли, Гамбуцци, Альберто Туччи, Цанарделли, Карло Кафьеро, Паладино²⁴, Малатеста, Набруцци, Андреа Коста, Мазотти²⁵ и другие. Знал я лично и бедного Франческо Пиччинили²⁶, убитого мадзинистами из-за угла в 1872 году.

Все эти основатели социализма и анархического интернационала в Италии были прозелитами *Santo Maestro*, который жил в Локарно и оттуда рассылал свои длинные письма, которые переписывать для отсылки зачастую приходилось мне, Владимиру

---

²⁴ См. Приложение.

²⁵ См. Приложение.

²⁶ Там же.

Гольштейну и даже нашим русским студенткам – Луканской и другим. Среди тогдашних итальянских главарей не было, однако, ни одного рабочего: все это были или студенты, или сыновья купцов, или же люди со средствами, рантье, как, например, Кафьеро. В конце 1873 года впервые среди итальянских бакунистов стали появляться и люди из рабочей среды, как то: Серантони²⁷, Натта²⁸, Перино²⁹, Маззоти, Кастелари³⁰ и другие; никого, однако, из них я лично не знал, да они и не бывали в Локарно.

Зима с 1873 года на 1874 год была очень тяжела для итальянского рабочего. На севере и на юге начался даже голод, который был причиной местных бунтов, и бакунисты решили воспользоваться этими экономическими обстоятельствами. В августе 1874 года до 200 молодых людей, кое-как вооруженные, собрались в Имола и оттуда двинулись на Болонью. Революционеры эти обезоружили жандармов на станциях железной дороги, попробовали кое-где попортить и саму дорогу, но вскоре были окружены карабинерами, которые арестовали 32 человека, остальные успели разбежаться. С других концов Италии такие же группы революционеров двигались к Болоньи. Местом соединения должна была быть Капрера, где находилось заранее приготовленное оружие; но полиция все открыла и революционеры скрылись в разные стороны. Во Флоренции бакунисты не успели даже покинуть города, вследствие массовых арестов. На юге Италии, в Бари, хотя и сформировались шайки, но полиция оказалась предупрежденной, и почти все были арестованы. В Болоньи, центр этого движения, сам *Santo Maestro* приехал тайком из Швейцарии для того, чтобы руководить движением. Будучи болен, страдая одышкой, ожирением, больным сердцем, Михаил Александрович явился на этот раз с глубоким желанием умереть на баррикадах. Веря вполне Кафьеро и другим своим товарищам, что болонское и вообще ломбардское крестьянское население подготовлено к революции, он был убежден в том, что восстание будет настолько серьезное, что сможет просуществовать по крайней мере несколько месяцев, а следовательно, и будет большим историческим событием, стимулом к всеобщей революции в Италии. К несчастью, три четверти предположений оказались ложью, фантазией: в Болоньи ни рабочие, ни крестьяне не думали восставать; с другой стороны, полиция, наконец, провела кое что, сельская жандармерия наткнулась на разное брошенное оружие, и начались аресты. Бакунисты, опасаясь, что будет захвачен и Михаил Александрович, успели его вывезти из города на возу между тюфяками из соломы. На одной из станций железной дороги он сел в поезд и прибыл благополучно в Локарно.

Вскоре после приезда, он окончательно разошелся как со своим alter ego в Юре, Джеймсом Гильомом, так и со многими из своих итальянских друзей. Передают, что в дневнике, который он вел в это время, существует следующая надпись, относящаяся к этому именно времени:

«Виделся с друзьями. Джеймс, как всегда, холоден, Каф, как всегда глуп.
Разрыв полный».

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Строки эти записаны по-французски.

Собираясь умереть в Италии, Михаил Александрович уже в 1873 году, вскоре после нашего с ним разрыва, простался письменно со всеми своими друзьями и недругами.

В середине октября 1873 года он послал в газету *Journal de Geneve* длинное письмо, в котором обвиняет Карла Маркса в клевете и в конце концов заявляет:

«Признаюсь вам, все это сделало мне политическую деятельность противной. Довольно для меня. После того, как я провел всю свою жизнь в борьбе, я устал. Мне 60 лет слишком, я страдаю болезнью сердца, которая с годами ухудшается и которая делает мое существование все более и более трудным. Пусть другие – более молодые – работают; что же касается меня, то я не чувствую ни сил, ни, может быть, достаточно необходимой уверенности для того, чтобы катить сизифов камень долее против реакции, везде торжествующей. Я уйду с арены и ничего не прошу от моих дорогих современников, как лишь одной вещи – забвения. Отныне я не замучу покоя никого; пусть и меня оставят в покое».

Это письмо было принято вообще, как действительное желание уставшего борца уйти с поля боя, что было абсолютно не верно. Михаил Александрович в то время, когда писал свое письмо, уже организовывал в Италии всеобщее восстание, надеясь там умереть с оружием в руках.

В то время, когда буржуазная пресса печатала его письмо, он написал и другое – длиннее – к своим друзьям. Это последнее было адресовано в *Bulletin*, орган юрской федерации Интернационала. Вот текст этого послания:

«Дорогие товарищи! Я не могу и не должен покинуть политическую жизнь без того, чтобы не адресовать вам последнее слово признательности и симпатии.

Почти четыре года с половиной, что мы знаем друг друга, и несмотря на все происки и подлые клеветы общих врагов, обрушившиеся на меня, вы сохранили мне ваше уважение, вашу дружбу и ваше доверие. Вы не позволили даже запугать себя названием «бакунистов», которое было брошено вам в лицо, признавая лучше иметь вид людей зависимых, нежели уверенность, что можете оказаться несправедливыми.

И потом, вы, с одной стороны, так высоко сознавали себя независимыми, были убеждены в цельности ваших мнений, стремлений, и ваших действий, а предательские намерения наших противников были до того призрачны, с другой стороны, что вы и не могли отнестись к их клеветническим инсинуациям иначе, как с глубоким презрением.

Вы так и поступили; и именно потому, что вы имели мужество и стойкость так поступить, мы сегодня победили вполне честолюбивую интригу марксистов, во имя свободы пролетариата и будущего Международного Общества Рабочих.

Поддержанные стойко нашими братьями из Италии, Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Америки, вы снова направили великое общество Интернационала на путь, с которого диктаторские покушения господина Маркса едва его не заставили свернуть.

Два конгресса, которые были в Женеве, есть торжественная демонстрация справедливости и в тоже время величия вашего дела³¹.

Итак, победа ваша, победа свободы и Интернационала против авторитарной интриги, – полная и окончательная. Вчера, когда она была еще не совсем обеспечена, хотя я был уверен в ее торжестве, вчера, говорю я, никто не имел права покинуть ваши ряды; но сегодня, когда эта победа совершилась, свобода действия каждого становится возможной.

И я пользуюсь, дорогие товарищи, и прошу вас принять мою отставку, как члена юрской федерации и члена Международного Общества Рабочих.

Поступая так, я имею на то много оснований. Не думайте, что это главным образом потому, что лично я в последнее время был целью клеветнических нападок. Не говорю, что я остался к ним не чувствителен, все же я нашел бы еще достаточно сил для терпения, если бы я думал, что мое дальнейшее участие в вашей работе, в вашей борьбе, могло бы быть полезно для победы пролетариата. Но я не думаю так.

По рождению своему и по личному положению, но не по симпатиям и стремлениям, я ничто иное, как буржуа, и как таковой, между вами я не могу делать ничего иного, кроме теоретической пропаганды. Я убежден, однако, что время больших теоретических, печатных или произносимых речей прошло. Последние 9 лет, в недрах Интернационала было развито более идей, нежели надобно для спасения мира, если бы одни идеи могли спасти³². Теперь не время идей, нужны действия, факты.

То, что прежде всего нужно теперь, это организация рабочей силы, но эта организация должна быть делом самих рабочих. Если бы я был молод, я

---

³¹ Ралли опустил следующие два абзаца:

«Ваш Конгресс, Конгресс свободы, собрал в своих рядах делегатов всех основных федераций Европы, за исключением Германии; и он громко провозгласил и широко утвердил, или, вернее, подтвердил, автономию и братскую солидарность трудящихся всех стран. Авторитарный или Марксистский Конгресс, состоявший исключительно из Немцев и швейцарских рабочих, которые, похоже, возненавидели свободу, тщетно пытался залатать разбитую и теперь осмеянную диктатуру господина Маркса.

После того как они обрушили множество оскорблений направо и налево, как бы для того, чтобы доказать, что они имеют за собой большинство женеvских и немецких рабочих, они пришли к половинчатому решению, который уже не является той полной властью, о которой мечтал господин Маркс, но тем более не является свободой, и разошлись глубоко разочарованные и недовольные собой и друг другом. Этот Конгресс был похоронами». (совр. прим.).

³² Конец предложения Ралли опустил:

«и я готов поспорить со всяким, кто бы стал утверждать, что можно изобрести новую» (совр. прим.).

поселился бы среди рабочих, я стал бы жить работой, как мои братья, и вместе с ними участвовал в великом деле этой организации.

Но ни мои годы, ни мое здоровье не позволяют мне этого. Они требуют, напротив, одиночества и покоя. Малейшее усилие, одним путешествием больше или меньше, – для меня уже большое дело. Нравственно я еще чувствую себя довольно сильным, но физически я скоро устаю и не имею более сил для борьбы. Я не могу поэтому быть в рядах пролетариата, как лишь помехой, а не помощником.

Вы видите, дорогие товарищи, что все заставляет меня уйти. Живя далеко от вас и от всего, какая польза от меня вообще для Интернационала и в частности для юрской федерации? Ваше великое и прекрасное общество, отныне воинствующее и действующее, не должно терпеть ни синекуры³³, ни людей только почтенных.

Я ухожу, дорогие товарищи, полный благодарности к вам и симпатии к вашему святому великому делу – делу человечества. Я буду продолжать следить с братской тревогой за всеми вашими шагами, и преклоняюсь с радостью пред всякой вашей новой победой.

Вплоть до смерти, я ваш³⁴».

Так прощался Михаил Александрович Бакунин с юрской федерацией, собираясь умереть на баррикадах в Италии. Неудачное болонское дело разрушило его планы. Я не стану пересказывать здесь, почему болонское дело не удалось – пусть это перескажут другие, которые принимали непосредственное участие с Бакуниным в его организации.

---

³³ Человек на ничего реально не значащей должности. (совр. прим.)

³⁴ Далее Ралли опустил конец письма:

«Но прежде чем мы расстанемся, позвольте мне дать вам последний братский совет. Друзья мои, международная реакция, центр которой сегодня находится не в бедной Франции, смешно посвятившей себя Святому Сердцу [Иисусу], а в Германии, в Берлине, и которая представлена как социализмом господина Маркса, так и дипломатией господина фон Бисмарка; эта реакция, которая ставит своей конечной целью пангерманизацию Европы, угрожает в данный момент поглотить и извратить все. Она объявила смертельную войну Интернационалу, представленному сегодня исключительно автономными и свободными Федерациями. Как и пролетарии всех других стран, хотя и являясь частью еще свободной республики, вы вынуждены с ней бороться, потому что она встала между вами и вашей конечной целью – освобождением пролетариата всего мира.

Борьба, которую вам предстоит вести, будет ужасной. Но не унывайте и знайте, что, несмотря на огромную материальную силу ваших противников, окончательная победа вам обеспечена, если вы будете верно соблюдать два условия:

1. Держитесь твердо своего принципа большой и широкой народной свободы, без которой равенство и солидарность сами по себе были бы лишь ложью.

2. Всегда организуйте международную, практическую, боевую солидарность трудящихся всех профессий и всех стран и помните, что, будучи бесконечно слабыми как отдельные личности, как изолированные места или как изолированные страны, вы обретете огромную, непреодолимую силу в этом всемирном сообществе.

Прощайте. Ваш брат,
Михаил Бакунин». (совр. прим.).

Я упомяну лишь, что процессы арестованных во Флоренции, Болоньи, Трани были высоко торжественны, как по тому, как вели себя на этих процессах обвиняемые, так и по всем тем свидетельствам, которые были сделаны во время процессов. Обвиненные вышли из тюрем, гордо неся свои головы. Они не ошиблись, по моему глубокому убеждению, подняв восстание: ошибся народ, который не восстал.

Как устарелый лев, Бакунин с этого времени удалился в свою луганскую берлогу умирать.

На луганской вилле Бакунин занимался *по-своему* земледелием, копал ямы и наполнял их водой, разводя в этих ямах лягушек.

– Квакание их напоминает мне Россию! – говорил он.

По целым дням возился в огороде, сажал разные овощи и другие растения, для того, чтобы хоть что-нибудь делать. При этом, одинокий, всеми забытый и покинутый, Бакунин все-таки строго соблюдал декорум вождя, хотя уже давно был отстранен от всякого дела, а конспирации находились в руках Андреа Косты и Эррико Малатесты, считавших старика «ребенком».

Перед смертью, страдая отдышкой и перебоями больного сердца, он покинул Лугано и переехал в Берн, сопровождаемый одним лишь чернорабочим итальянцем, оставшимся его ближайшим другом.

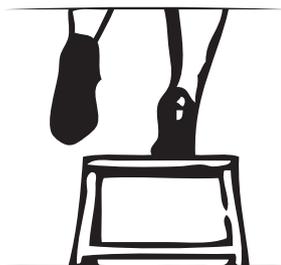
В Берне он посетил своих старых друзей Адольфа Фарга и Рейхеля, которым сказал:

– Я приехал к вам умирать.

Бакунин умер 1 июля 1876 года в бернской больнице. Тело его погребено на кладбище близ Брунгартенвальда, около Берна; простой камень указывает место могилы того, кто был, по меткому определению Александра Герцена, «русским Дантоном, для которого не была сделана революция».

Замфир Ралии.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Замфир Арборе-Ралли

Из моих воспоминаний о Михаиле Александровиче Бакуине. Документы и письма.
1908

«Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе», год первый, №10,
октябрь 1908, СПб, с. 142-168. О Минувшем, 1909.

Названия для глав придуманы публикатором, точно также, как и названия частей.

ru.anarchistlibraries.net